

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет

И. В. Чапыгин

**КАЗАЧЬЯ ЭМИГРАЦИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ
(1920–1945 гг.)**

Учебное пособие

УДК 9(571.6)-058(075.8)

ББК ТЗ(2Р55)7-299я73

Ч-19

Печатается по решению по учебно-методической
комиссии исторического факультета ИГУ

**Издание выходит в рамках Программы
стратегического развития ФГБОУ ВПО «ИГУ»
на 2012–2016 гг., проект Р121-МИ-001**

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. *Е. И. Лиштованный*

д-р ист. наук, проф. *С. И. Кузнецов*

Чапыгин И. В.

Ч-19

Казачья эмиграция на территории Китая (1920–1945 гг.) :
учеб. пособие / И. В. Чапыгин. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. –
131 с.

ISBN 978-5-9624-0957-3

Пособие представляет собой лекционный курс, прочитанный
студентам исторического факультета ИГУ в 2007–2013 гг. Охвачены
основные проблемы истории постреволюционной дальневосточной
казачьей эмиграции 1920–1945 гг.

Предназначается для студентов-историков и интересующихся
историей России и российской эмиграции.

УДК 9(571.6)–058(075.8)

ББК ТЗ(2Р55)7–299я73

ISBN 978-5-9624-0957-3

© Чапыгин И. В., 2013

© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Тема 1. Историографический анализ по истории российской эмиграции	11
Тема 2. Маньчжурия и полоса КВЖД как исторически сложившиеся к 1917 г. зарубежные центры русского расселения на территории Северо-Восточного Китая	27
Тема 3. Исход белых армий, казачества и гражданского населения на территорию Маньчжурии и проблемы адаптации	43
Тема 4. Возрастание японского присутствия в регионе и усиление контроля над русской диаспорой	53
Тема 5. Казачья эмиграция в социально-экономической жизни русской диаспоры	72
Тема 6. Казачьи организации в политической жизни российской эмиграции	85
Тема 7. Социокультурная адаптация казачества в среде российской эмиграции	105
Заключение	119
Контрольные вопросы по курсу	123
Список литературы	124

Введение

Изучение казачьей эмиграции 1920–1940-х гг. на территории Северо-Восточного Китая позволит полнее и глубже исследовать историю всей русской диаспоры страны в указанный период, понять характер процессов, происходивших в этом русскоязычном анклав. Полную и целостную историю российской эмиграции невозможно исследовать, не изучая историю отдельных слоев и групп этой эмиграции со свойственными им мировоззрением, традициями, сложившимся укладом жизни. К такой особой группе принадлежит и казачья эмиграция.

Учитывая актуальность темы и степень её изученности, определяем следующие цель и задачи курса.

Цель. На основе анализа историографических и других источников, показать место и роль казачьей эмиграции в социально-экономической, политической и культурной жизни русской диаспоры Северо-Восточного Китая в 1920–1945 гг.

Данная цель достигается постановкой и реализацией следующих задач:

– рассмотреть процесс формирования русской диаспоры в Китае, её источники и состав, а также основные проблемы её существования;

– изучить состав казачьей эмиграции в регионе и её место в социально-экономической жизни русской диаспоры Маньчжурии;

– выявить казачьи организации и показать их место в политической жизни русской диаспоры Северо-Восточного Китая;

– исследовать казачью культуру в эмиграции и её влияние на культурную жизнь всей русской диаспоры.

Территориальные рамки данной темы охватывают Северо-Восточный Китай (Маньчжурию). Именно в этом регионе Китая нашли своё пристанище в исследуемый период массы бывших российских подданных, многие из которых были казаками. Выбор данного региона для исхода был подготовлен исторически и географически: задолго до революционных событий здесь уже складывалась русская диаспора, Северо-Восточный Китай лежал на пути разгромленных и отступающих белых армий, а также был недалеко от России, куда эмигранты вскоре планировали вернуться. Этому процессу способствовали схожие природно-

климатические условия и относительно терпимое отношение к эмиграции местных китайских властей.

Хронологические рамки охватывают период с 1920 по 1945 г. Начало периода (1920 г.) совпадает с основным поражением белых армий на востоке России и отходом их основных частей (значительную часть которых составляли казаки) вместе с гражданским населением на территорию Китая и их обустройство. Завершает исследуемый период развертывание боевых действий Красной армии на территории Маньчжурии против Квантунской армии в 1945 г. и последующие события, приведшие к разрушению Маньчжурского центра российской эмиграции, репрессиям и началу реэмиграции значительной массы эмигрантов в СССР, а также складыванию новых центров расселения эмиграции за пределами Китая.

Источниковую базу тем составили:

- архивные источники;
- эмигрантские периодические издания;
- общественно-политические эмигрантские издания;
- мемуары;
- художественные произведения эмигрантов;
- справочная литература.

Из архивных источников автором прежде всего были использованы дела, отложившиеся в фондах Архива Регионального управления Федеральной службы безопасности (РУ ФСБ) по Читинской области и Государственного архива Хабаровского края (ГАХК). Эти фонды содержат большие массивы документов по исследуемой теме, которые в процессе обработки и анализа дают разностороннюю информацию по исследуемой теме и удачно дополняют друг друга.

Всего на хранении в ГАХК находится 10 эмигрантских фондов (документы вывезены в СССР из Маньчжурии в 1945 г.). В них сосредоточено около 57 тыс. дел. Хронологические рамки документов охватывают период 1922–1945 гг. Одним из основных, используемом в диссертационном исследовании является фонд № 830 «Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи». В фонде сосредоточено почти 10 500 дел за период 1935–1945 гг. В делах имеются приказы, распоряжения, доклады, отчеты Бюро которые дают сведения об административной, хозяйственной и политической жизни эмигрантов, а также сведения о личном составе служащих Бюро. Здесь имеются

автобиографии, рапорты, прошения, которые представляют большой интерес для знакомства с отдельными личностями. По спискам служащих Главного бюро и его местных органов, по спискам эмигрантов можно проанализировать их национальный состав и социально-экономическое положение. В описи № 3 фонда 830 имеется почти 56 тыс. личных дел эмигрантов, доступ к которым пока ограничен. Автором были использованы лишь отдельные дела этого фонда

Главное бюро имело многочисленные отделения по Маньчжурии. Поэтому отложились документы о разносторонней деятельности отделения на ст. Пограничная с 1935 по 1943 г. Они скомплектованы в отдельный фонд № 1127. Материалы этого фонда являются иллюстрацией того, как Главное Бюро осуществляло свою работу через местные отделения и как эмигрантам удавалось организовывать свою жизнь в отдельных населенных пунктах.

Эмигранты неоднократно заполняли в Харбине анкетные карточки при регистрации в Харбинском комитете помощи русским беженцам (ХКПРБ) Часть этих данных хранится в фонде № 1128. На основе их анализа можно иметь представление о социально-сословном составе маньчжурской эмиграции. Фонд содержит также материалы текущего делопроизводства и финансовую отчетность (ХКПРБ).

Документы фонда № 849 содержат интересные данные по переписям эмигрантского населения, заключения медкомиссий по призыву молодежи в различные воинские формирования, здесь есть количественные данные по Союзу казаков на Дальнем Востоке.

Материалы архива РУ ФСБ по Читинской области долгое время были и остаются во многом недоступными для исследователей в силу специфики учреждения. Хотя именно эта служба, правопреемница забайкальских органов ОГПУ-НКВД-КГБ на протяжении всего исследуемого периода занималась разведкой и контрразведкой по Маньчжурии, имела свои резидентуры практически во всех её населенных пунктах и агентов во многих белоэмигрантских организациях.

Материалы фонда № 11 «Российская эмиграция в Китае (1920–1945 гг.)» и фонда «Бюро по делам русских эмигрантов в Харбине» архива РУ ФСБ по Читинской области практически не использовались отечественными историками. В фондах имеются справки и доклады по эмиграции на территории Маньчжурии,

протоколы судебных заседаний и уголовные дела белоэмигрантов, осужденных за шпионаж, диверсии и терроризм против советской власти. Наибольшую практическую значимость для нашей темы составили документы (отложившиеся разведданные), объединенные в блоки – «Казачьи посёлки Трёхречья», «Союз казаков в Восточной Азии», «Захинганский отдельный корпус», «Захинганское районное бюро по делам российских эмигрантов», «Город Хайлар», «Город Маньчжурия», «Город Харбин». «Эмигрантское население в пределах Новой Барги», «Меморандум по Забайкальскому казачьему войску» (с момента основания по 1942 г.). На основе анализа данных этих источников устанавливается численный и социальный состав эмигрантского населения Западной Маньчжурии (главным образом казаков-эмигрантов из Забайкалья). Создается картина функционирования казачьих посёлков и станиц, предприятий района, показана деятельность церкви, занятость и настроения казачьего населения, представлены организации казаков-эмигрантов, органы печати, управления и другие стороны казачьей жизни.

Таким образом, фонды используемых архивов, содержат массивы документов как добытых резидентурами военной и политической разведки, так и вывезенных из Маньчжурии после занятия её Красной армией в 1945 г. Они содержат много разносторонней информации по интересующей нас теме.

Существенно пополняет архивную базу исследования периодическая печать: газеты и журналы, издаваемые в исследуемый период (1920–1945 гг.) казачьими и общеэмигрантскими организациями в Маньчжурии. На страницах этих печатных изданий как казачьих, так и общеэмигрантских нашли отражение разные аспекты жизни и деятельности казачьей эмиграции Северо-Восточного Китая исследуемого периода. К периодической печати примыкает корпус и общественно-политических изданий такого рода, как альманахи, сводки, вестники, бюллетени и опубликованные в печати доклады.

Характеризуя вышеперечисленные виды источников необходимо подразделить их на три группы. К первой относятся периодические и «однодневные» газеты. Ко второй журналы и сборники, периодически выходящие и «однодневные». К третьей – альманахи, вестники, бюллетени, сводки, и всякого рода доклады и лекции, прочитанные в казачьих и не казачьих объединениях. Периодические газеты и журналы имели все типичные признаки

подобных изданий – периодичность выхода, целевую направленность, устоявшийся тираж. «Однодневные» издания выпускались в тех случаях, когда печатным словом необходимо было отметить праздник, юбилей или важное общественно-историческое событие.

К периодическим газетам общеэмигрантской направленности, на страницах которых нашли отражение статьи, рассказы, информация о казачестве Северо-Восточного Китая относятся: «Вперёд» (Харбин, 1921), «Голос эмигрантов» (Харбин, 1937, 1939, 1940 гг.), «Дальневосточное время» (Харбин, 1922), «Нация» (Харбин, 1938, 1939 гг.), «Харбинское время» (Харбин, 1932, 1941 гг.). «Наш путь» (Харбин, 1937), «Заря» (1935–1938 гг.), «Русское слово» (Харбин, 1930, 1934, 1935 гг.).

В числе казачьих периодических и однодневных газет: «Казачья жизнь» (В. Г. Сергеев. Драгоценка (1936–1940, 1942 гг.), «Сибирский казак» (Харбин, 1929–1933 гг.), «День Сибирского казака» (1930 г.), «Амурский казак» (1932, 1933 гг.), «Забайкальский казак» (1932, 1933 гг.), «Оренбургский казак» (1932–1935, 1939 г.), «Казачий клич» (1937), «Голос крестьянина и казака» (1933), пять однодневных газет разных издателей и редакторов «Дальневосточный казак».

Периодические журналы казачьей направленности: журналы: «Россия и казачество» (Харбин, 1933–1935 гг.), «Казачество в Азии» (1934). К однодневным журналам и сборникам относится довольно большое число изданий (одни из них были изданы Союзом Казаков, другие выходили по инициативе или представительства отдельного Казачьего войска или группы Войск). Издания общеказачьего характера: «Дальневосточный казак» (1934), «Казачий клич» (1938–1941). «Зов казака» (1938). «Атаманский клич» (1938, 1939). «Казачий набат» (1939), «Казачий призыв» (1939), «Казачий путь» (1940), «Зарубежное казачество».

Важны издания одного из казачьих войск или группы этих войск: «Иркутский казак» (1934, 1935), «Сибирский казак» (1934, 1941), «Оренбургский казак» (1937, 1938), «Казачий клич» (1940), «Дальневосточное Казачество» (1940), «Желтый лампас» (1942).

Среди третьей группы общественно-политических эмигрантских изданий, пишущих о казаках, необходимо выделить альманахи: «Русская жизнь» (Харбин, 1923), «Россия» (Шанхай, 1926), «Луч Азии» (Харбин, 1935–1942), сводки: «Дальневосточное казачество» (Харбин, 1940–1941), «Зарубежное казачество» (Харбин, 1940–1941), «Казачество в Азии» (Харбин, 1934), «Рос-

сия и казачество» (Харбин, 1933–1935), вестники: «Вестник казачьей выставки в Харбине 1943» (Харбин, 1943) и «Вестник Маньчжурии» (Харбин, 1925–1928, 1934).

Названные общественно-политические издания как общеэмигрантского, так и казачьего характера содержат много информации о политической, социально-экономической, культурной жизни казачьей дальневосточной эмиграции. В них представлены количественные и качественные показатели, оценки казаками-эмигрантами сложившейся ситуации и яркие проявления их политических устремлений. На страницах этих изданий нашли своё отражение различные стороны политической (больше), экономической и культурной (меньше) жизни русской диаспоры и казачьей её части. В статьях разных авторов отразились чаяния и стремления различных групп казаков, программы политических организаций и общие тенденции политической эмигрантской жизни.

Важнейшим источником по теме является интересная и разнообразная мемуарная литература. В основном в мемуарах участников и современников событий нашёл своё отражение процесс Гражданской войны и исход белых армий на территорию Китая, а также борьба их представителей против Советской власти в более позднее время. Мемуары ценны, прежде всего, отражением личных впечатлений и личного отношения к происшедшему непосредственных участников событий. Их использование «оживляет» исследование и позволяет глубже понять людей, которые действовали в то время и в тех условиях.

Среди мемуаров по дальневосточной эмиграции особую ценность представляют мемуары Г. М. Семёнова «О себе. Воспоминания, мысли и выводы», И. И. Серебrenникова «Мои воспоминания», Г. В. Енборисова «От Урала до Харбина (Памятка о пережитом)», А. В. Зуева «В борьбе за Родину», В. И. Сергеева «Очерки по истории белого движения на Дальнем Востоке», И. Дьякова «О пережитом в Маньчжурии за веру и Отечество», П. Н. Краснова «На рубеже Китая» и др. Вышедшие в 1930-е гг. в Китае они отражали различные стороны жизни оренбургских, забайкальских и сибирских казаков в эмиграции, особенно подробно описан исход казаков в Китай в начале 1920-х гг., начало деятельности Восточного казачьего союза в Харбине.

Эти работы являются хорошим подспорьем в понимании психологии эмигрантской жизни. В произведениях этих авторов нашла своё отражение саморефлексия русских людей, волею

судьбы оказавшихся на чужбине. В них в достаточно яркой и образной форме отразился здоровый патриотизм эмигрантов, их переживания и чаяния. В данных литературных произведениях несомненно можно найти отражение той атмосферы, в которой жили наши соотечественники, оказавшиеся в исследуемый период за пределами России.

В работе над учебным пособием также использована справочная литература, которая позволила проанализировать динамику публикаций в эмигрантских издательских центрах (и в частности – в Маньчжурии), их основные темы и объём. Кроме того, в справочной литературе есть достаточно ценная информация по фактам эмигрантской жизни и персоналиям, имеющим отношение к данной теме.

Научная новизна курса выражается в том, что впервые в отечественной историографии комплексно рассматриваются вопросы места казачьей эмиграции в социально-экономической, политической и культурной жизни русской диаспоры Северо-Восточного Китая (1920–1945 гг.). На основе анализа широкого круга источников освещён процесс формирования диаспоры, проблемы адаптации и пути их решения, выявлено место казаков в диаспоре, их количество, состав, характер расселения. В курсе исследована роль, которую играли казаки в разных сферах жизни эмигрантского сообщества, а также сделана попытка ответить на вопрос: «как влияли казаки на диаспору?». В ходе поиска ответов на этот и другие вопросы в научный оборот вводятся новые архивные источники, поднимаются и анализируются целые пласты эмигрантской культуры (периодика, художественная литература и т. д.), затрагивается целый комплекс вопросов мировоззренческого характера и истории национального и политического сознания. Создаётся целостная картина дальневосточной казачьей эмиграции в составе русской диаспоры Северо-Восточного Китая с её образом жизни, ментальность казачества, оторванного от своей малой и большой Родины.

ТЕМА 1

Историографический анализ по истории российской эмиграции

Актуальность курса обусловлена активностью миграционных и эмиграционных процессов современности. Чтобы более адекватно, научно оценить происходящие сейчас процессы необходимо изучить эмиграционный опыт былых поколений во всём его многообразии. Особый интерес при этом представляет дальневосточная ветвь российской эмиграции, имеющая свою историческую, географическую, социальную, экономическую, политическую и культурную специфику. При исследовании истории российской диаспоры на заграничном Дальнем Востоке (в частности в Северо-Восточном Китае или Маньчжурии) большую роль играет вопрос соотношения разных этнических, социальных, конфессиональных групп в её составе.

В силу исторических обстоятельств казаки в российской дальневосточной эмиграции играли особую роль. На фоне интенсивного процесса расказачивания в советском государстве казаки-эмигранты делали многое не только для приобретения своего экономического благополучия, но и сохранения культуры, традиций, обычаев казачества. В условиях эмиграции на территории Китая в наибольшей степени проявились такие качества казаков, как взаимная поддержка, чувство локтя, способность противостоять экстремальным условиям трудного периода адаптации. Отличительной особенностью казачьей эмиграции было то, что казаки не растворялись в массе русских эмигрантов, а проживали, как правило, обособленно в зарубежных казачьих станицах, объединялись вокруг своих станичных и войсковых атаманов. В новых условиях продолжала играть консолидирующую роль казачья воинская организация и станичный уклад жизни. Создавались и действовали казачьи станицы и союзы, промышленно-торговые организации и общества казаков, их благотворительные и молодежные объединения. Не случайно бывший член Государственной думы князь П. П. Долгоруков писал в 1928 г.: «Многие из

нас, жителей северной и центральной части России, ближе познакомились с укладом казачьей жизни, найдя вместе с белым движением убежище в казачьих областях юго-востока России. В эмиграции мы оценили солидарность и спаянность казаков, выгодно отличающих их от общерусской людской пыли» [1]. Тогда же известный политический деятель, бывший председатель Уфимской Директории Н. Д. Авксентьев отмечал следующие черты характера казаков, ярко проявившиеся в эмиграции: «Привязанность к формам своего общественного быта, своего самоуправления – результат привычки к самоуправлению и умение ценить и использовать его. Влечение к самоорганизации. Трудоспособность, настойчивость, находчивость и умение приспособиться к новым условиям, не отказываясь, однако, при этом от своего индивидуального или национального. Наконец, большая, любовь к своей малой Родине – казачьим областям, сочетаемая с любовью к Родине большой – к России...» [2].

Актуальность теме придает процесс реформирования российского общества, который создал объективные предпосылки для возрождения и возвращения к активной общественной деятельности ряда социальных групп, одной из которых является казачество. Предстоит профессионально исследовать вопрос места и роли казачьей эмиграции в русской диаспоре Северо-Восточного Китая для научной идентификации, выяснения сущности этой социальной группы, её духовно-нравственных и экономических основ жизнедеятельности, ценностных ориентаций. Это даст возможность, на наш взгляд, правильно определить её место в современном обществе, провести прогнозирование её дальнейшей социальной деятельности, выработать адекватную политику государства по отношению к ней.

Историографию российской постреволюционной эмиграции (и в частности её дальневосточной ветви) составляют отечественные и зарубежные исследования.

Отечественную историографию можно условно разделить на два этапа – советскую (1920–1980 гг.) и постсоветскую российскую или современную (1990-е гг. – начало XXI в.). Для первого этапа характерно применение марксистско-ленинской методологии, классового подхода в исследовании этой, прямо скажем, глубоко политизированной темы. Вместе с тем советские учёные пополнили фактологическую базу и исследовали ряд вопросов этой сложной проблематики. Для второго периода характерен

отказ от главенства марксистской методологии, попытка преодоления классового подхода и поиск новых путей изучения истории российской эмиграции, основанных на цивилизационном подходе. Исследователи обратились к ставшим доступными эмигрантским источникам (мемуарам, периодике, документам организаций, переписке и т. д.), усилили внимание к человеку как основному преобразователю общества.

Зарубежную историографию российской постреволюционной эмиграции составляют труды, как российских эмигрантов, так и иностранных исследователей. Причем зарубежные российские авторы – это нередко бывшие участники белого движения, бойцы армий А. В. Колчака, Г. М. Семёнова, В. О. Каппеля. Их труды (в большинстве это работы периода 1920–1950 гг.) широко отражают атмосферу эмигрантской жизни и дают большой фактический материал темы. Работы иностранных исследователей по истории российской эмиграции в Китае появляются в основном в 1990-е гг.

Первые попытки изучения истории российской постреволюционной эмиграции и оценки масштабов и характера складывающейся тогда зарубежной российской диаспоры в отечественной историографии появились уже в 1920–1930-е гг. В это время в СССР были изданы книги В. Белова, Камского, Л. Владимировича, И. Лунченкова, А. Слободского, И. Калинина, А. Киржница, В. Аварина. В этих работах были рассмотрены различные стороны формирования белой эмиграции в первой половине 1920-х гг., в том числе её дальневосточной ветви.

Так, В. Белов в своей книге «Белое похмелье», вышедшей в 1923 г., на базе доступного ему материала попытался дать обзор социального и политического состава, а также условий жизни русской эмиграции.

Психология, настроения и бытовые условия дальневосточной эмиграции отражены в изданных в этот период работах А. Киржница «У порога Китая» и В. Аварина «Независимая Маньчжурия».

В труде Камского «Русские белогвардейцы в Китае», изданном в 1923 г., дан первый анализ драматической судьбы оренбургских казаков во главе с генералом А. С. Бакичем в Китае, в районе Чугучака в 1920–1921 гг.

Помимо отдельных публикаций о жизни и деятельности зарубежной России в 1920-е гг., в условиях новой экономической

политики, появился сборник статей «На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией». Даже советские историки подчеркивали, что эмигрантские круги стремились учесть введение в Советской России НЭП и в соответствии с ней ревизовать свои программные установки.

Эти первые работы по истории российской эмиграции, отличает наличие большого фактического материала об условиях её жизни и быта. В то же время, это были не столько исторические исследования, сколько публицистические и мемуарные работы, причем нередко с явно политизированным и тенденциозным подходом к оценке жизни эмигрантов.

В 1930-е гг. в отечественной исторической науке господствовал сталинский догматизм. Это нанесло урон развитию исторической науки, из поля зрения вынужденно выпали многие проблемы истории зарубежья, в том числе и изучение российской эмиграции. Развернувшиеся репрессии второй половины 1930-х гг. отрицательно повлияли на состояние историографии постреволюционной эмиграции. Изучение темы казачества в течение двух десятилетий, с середины 1930-х до середины 1950-х гг., история жизнедеятельности российской диаспоры, в том числе казачества, оставалась закрытой для отечественных исследователей. В 1945–1946 гг. документы бывшего Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге (свыше 350 тыс. единиц хранения) были перевезены в Москву и размещены в ЦГАОР СССР. Это существенно расширило источниковую базу темы. Однако в условиях сталинщины продолжал оставаться строго ограниченный доступ исследователей к этим архивным материалам. Обстановка «холодной войны» и резко отрицательное отношение официальной советской пропаганды к российской эмиграции не давали возможности развернуть изучение темы. История зарубежной России по-прежнему игнорировалась, взгляды её представителей сходу отвергались. Немногие советские публикации по проблеме в этот период носили в основном пропагандистско-обличительный характер событий тех лет.

Возврат к научному изучению проблематики в отечественной исторической науке наметился только с середины 1950-х гг., после XX съезда КПСС, когда наступил период «оттепели». Стал возможен доступ к некоторым материалам РЗИА, в котором хранились документы политической эмиграции постреволюционного периода. Так, в работах Б. Е. Штейна «Русский вопрос в

1920–1921 гг.» (1958) и Б. М. Шерешевского «Разгром семеновщины (апрель–ноябрь 1920 г.)» (1966) были рассмотрены вопросы создания ДВР (Дальневосточной республики), взаимоотношения японцев и атамана Г. М. Семёнова. Однако эти труды содержали весьма неполные сведения и не давали широкой картины истории казачьей эмиграции.

Только в 1960-е гг. материалы по истории российской эмиграции начинают более или менее регулярно появляться на страницах советских изданий. Широкая панорама эмигрантской жизни была представлена в работах П. Шостаковского «Путь к правде» (1960), Л. Любимова «На чужбине» (1963), Д. Мейснера «Исповедь старого эмигранта» (1963), «Миражи и действительность: записки эмигранта» (1966), Б. Александровского «Из пережитого в чужих краях» (1969). Воспоминания и думы бывшего эмигранта». В названных трудах российских реэмигрантов, которые следует отнести к мемуарной литературе, тем не менее, содержались весьма интересные и ценные наблюдения, авторские оценки жизни российской эмиграции, особенно культурной сферы и политических настроений. Литература такого рода стала важным звеном в историографическом изучении темы и придала новое дыхание развитию советской историографии последующего периода. Вместе с тем дальневосточной эмиграции в этих работах не уделяется сколько-нибудь заметного внимания.

В целом отечественная историография 1950–1960-х гг. лишь касалась некоторых сторон жизни эмигрантов. Но даже и там, положительные общеизвестные факты затрагивались поверхностно, а порой и просто игнорировались. К тому же история русского зарубежья, особенно дальневосточного, изучалась явно недостаточно.

В 1970–1980-х гг. история белой эмиграции стала предметом исследования Л. К. Шкаренкова, В. В. Комина, Ю. В. Мухачёва, А. Л. Афанасьева, Г. В. Барихновского, Г. Е. Иоффе и др. Из трудов этого периода по информативности следует выделить работы Г. Е. Иоффе, Ю. В. Мухачёва, Л. К. Шкаренкова, В. В. Комина. Эти исследования по содержанию можно разделить условно на два блока.

Первый – составляли труды, которые непосредственно не относились к судьбам граждан бывшей царской России и давали лишь отрывочные сведения о некоторых сторонах их жизнедеятельности. Сюда следует отнести монографию Г. Е. Иоффе «Крах

российской монархической контрреволюции» (1977), а также совместную работу Ю. В. Мухачёва и Л. К. Шкаренкова «Крах “новой тактики” контрреволюции после гражданской войны» (1980), отразившие борьбу бело-монархических подпольных организаций СССР против коммунистической власти. Авторами была определена роль зарубежных центров в активизации сил внутренней контрреволюции, стремившейся сорвать социалистические преобразования.

Ко второй группе публикаций можно отнести исторические труды, которые были посвящены судьбам зарубежной России. Прежде всего, необходимо выделить изданные в 1977 г. труды В. В. Комина «Крах российской контрреволюции за рубежом», «Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом», в которых фигурирует «образ» эмиграции, создаваемый советской прессой на протяжении многих лет. Лейтмотивом этих исследований была политическая борьба, остальные аспекты проблемы: культурные, экономические и др. оставались незатронутыми, как и сколько-нибудь существенно, дальневосточная ветвь эмиграции.

Несмотря на эти недостатки, вышеназванные работы давали немало ценного материала для изучения проблемы в целом. Они показывают места расселения эмигрантов, раскрывают антисоветские планы эмигрантских формирований, отношение Советского государства к вернувшимся эмигрантам. На наш взгляд, научные труды В. В. Комина стали рубежными в преодолении оторванности отечественной историографии от зарубежных исследований судеб русской эмиграции.

Заметным исследованием зарубежной России явилась монография Л. К. Шкаренкова «Агония белой эмиграции» (1986), в которой автор очертил пути расселения русских беженцев за границей после окончания гражданской войны в западной части страны. Большую ценность при изучении отдельных сюжетов темы представляют сведения о материальных условиях жизни эмигрантского населения. Но сравнительно немного материала по истории дальневосточной эмиграции не позволило автору развернуть полномасштабную картину российской эмиграции.

Характеризуя отечественную историческую литературу 1970–1980-х гг., следует отметить, что основное внимание в ней было сосредоточено на изучении краха реставраторских настроений наиболее правой части белой эмиграции, обреченности бело-

эмигрантского «активизма», двух тенденций в отношении к СССР среди российской эмиграции в 1920–1930 гг., раскола эмиграции на сторонников «пораженчества» и «оборончества» в конце 1930-х – начале 1940-х гг. В связи с этим определенное место было отведено анализу деятельности лидеров эмиграции, в том числе казачьих (П. Н. Краснов и Г. М. Семёнов). И все же, несмотря на несомненные достоинства этой научной литературы (использование эмигрантских фондов ЦГАОР СССР, опора на широкий круг эмигрантских изданий), она не сумела преодолеть односторонность оценки белой эмиграции. За рамками изучения осталась деятельность российской эмиграции (в том числе и казачества), огромная подвижническая работа по сохранению культуры, обычаев и традиций своего народа, своего сословия. Не появилось и специальных исследований по дальневосточному зарубежью.

В 1991 г. определился новый рубеж российской историографии, изменившаяся внутрисполитическая обстановка в нашей стране вызвала активизацию дальнейшего изучения истории русского зарубежья. За довольно короткое время появилась серия научно-публицистических работ, свидетельствующих о преодолении исследователями прежних идеологических стереотипов.

Начало постсоветского периода в развитии историографии проблемы связано, с открывшимся доступом к эмигрантским источникам, и с политической актуализацией данной исторической проблематики. В результате начался бум исследовательского интереса к судьбам русской эмиграции. За короткое время появился целый ряд основательных исследований, посвящённых разным аспектам истории этого явления. Первыми шагами свободного от узкоклассового подхода исследования проблемы можно назвать книги В. В. Костикова «Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции)» (1990) и М. В. Назарова «Миссия русской эмиграции» (1994).

Так, исследователь В. В. Костиков в своей монографии предпринял, на наш взгляд, первую попытку широкого освещения истории Русского зарубежья. В работе рассмотрены культурно-нравственные проблемы эмигрантов, автором определено место эмиграции в общероссийской культуре. Однако и это исследование почти не дает сведений о жизни дальневосточной эмиграции.

Другой автор, М. В. Назаров, рассматривает духовные ценности российского зарубежья с учетом гуманистических идеалов мировой цивилизации. Работа содержит интересный фактический материал по истории эмигрантских образований. Вместе с тем М. В. Назаров преувеличивает, на наш взгляд, степень враждебности эмиграции к Советской России. К сожалению, он тоже, как и его предшественники, оставляет вне поля зрения дальневосточную российскую эмиграцию.

На рубеже 1980–1990 гг. и в 1990-е гг. появились, наконец, исследования по истории дальневосточной ветви российской эмиграции. Собственно разработке различных аспектов истории дальневосточной ветви русской эмиграции посвящены труды исследователей: В. В. Сони́на, А. А. Худобородова, Г. В. Мелихова, Л. Ф. Говердовской, В. Ф. Печерицы, Е. П. Таскиной, А. Водопьянова, Л. С. Малявиной, О. И. Сергеева, В. Н. Фомина, Е. Н. Чернолуцкой, Е. Е. Аурелине, Г. И. Мальшенко, Я. Л. Писаревской, У Нань Миня и др.

Отметим книгу В. В. Сони́на «Крах белоэмиграции в Китае» (1987), здесь выделены и изучены этапы формирования и развития русской дальневосточной диаспоры. Основное внимание при этом уделено исследованию связей белоэмигрантских организаций с японскими спецслужбами. В то же время, недостаточно уделено внимания другим аспектам истории диаспоры.

В 1994 г. Е. Н. Чернолуцкой опубликован сборник статей «Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность 1920–1945 гг.». Он написан на основе части рассекреченных фондов Государственного архива Хабаровского края (ГАХК). Авторы сборника приводят интересные и малоизвестные страницы постреволюционной эмиграции – тактику и программные установки организаций и объединений, деятельность их лидеров в Маньчжурии (исторически сложившееся и используемое большинством исследователей наименование Северо-Восточного Китая).

В этот же период историография темы приросла научными исследованиями Г. В. Мелихова «Маньчжурия далекая и близкая» (1991), и «Российская эмиграция в Китае. 1917–1924 гг.» (1997). Автор дал краткую характеристику основных районов общеэмигрантского и казачьего расселения в Китае, рассмотрел сложные проблемы адаптации эмигрантов в новых для себя условиях, изучил основные тенденции политической жизни эмиграции в этом регионе. В то же время в этих и последующих работах

авторитетного исследователя «Белый Харбин. Середина 20-х» (2003), «Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке 1925–1932» (2007) казачество как объект исследования не выступает и ему уделяется достаточно скромное внимание.

Научную картину того, как на протяжении почти полувека, сохраняли свои русские корни харбинцы, подкрепленную многими ранее неизвестными источниками и личными воспоминаниями автора, дает Е. П. Таскина в работе «Русский Харбин» (1998).

Непосредственно проблеме истории казачьей эмиграции посвящены монография «Вдали от Родины: российские казаки в эмиграции» и диссертация «Российское казачество в эмиграции, 1920–1945 гг.: Социальные, военно-политические и культурные проблемы» (1997) исследователя А. Л. Худобородова. В них автор рассмотрел процесс формирования основных центров казачьего расселения за границей, проблемы адаптации на новых местах, вопросы экономического положения казаков и организации ими казачьих союзов. В трудах этого автора достаточно глубоко исследованы политические течения и организации казаков-эмигрантов, вопросы сохранения казачьей культуры и её влияние на культуру русского зарубежья, а также проблема участия казаков во Второй мировой войне. Однако широкий характер темы и привлечение материала в основном по истории западного крыла казачьей эмиграции, оставляют открытыми целый ряд вопросов истории казаков-эмигрантов на зарубежном Дальнем Востоке и в Северо-Восточном Китае.

Разноплановый и интересный материал содержит работа Л. Ф. Говердовской «Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг.» (2000). Работая с архивными документами, автор анализирует общественно-политическую деятельность российской эмиграции Китая и ставит некоторые проблемы культурной жизни дальневосточного зарубежья. К сожалению, казачество, как отдельная группа эмиграции, этим исследователем не выделяется и не изучается.

Научные труды проф. Е. И. Тимонина «Национальная культура русского зарубежья (1920–1930-е гг.)» (1997), «Исторические судьбы русской эмиграции. 1920–1945-е гг.» (2000), вышедшие в конце 1990-х, затрагивают круг проблем, относящихся к русским беженцам, оказавшихся во многих странах Европы, Юго-Восточной Азии и Америки. Опора на разнообразные источники позволила автору очертить пути и судьбы белого движе-

ния за рубежом, выявить его особенности. Вместе с тем в этих работах не получила широкого освещения проблема места и роли казачества в эмиграции.

Особенно плодотворным в изучении российской, в том числе казачьей эмиграции, стало последнее десятилетие. Конец 1990-х – начало 2000 гг. ознаменовались появлением научной литературы по самым различным аспектам русского зарубежья. Толчок появлению подобных работ дала открытая публикация в печати ранее не доступных документов и фотографий из Центральных архивов ФСБ и СВР России, издание иллюстрированных сборников и словарей по истории российской эмиграции. В этой связи необходимо отметить издание «Русская военная эмиграция 20–40-х гг. Документы и материалы» (1998), «Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.» (1999), «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Энциклопедический биографический словарь – русское зарубежье» (1997).

В этот период в центральных, и особенно в сибирских и дальневосточных периодических изданиях, впервые получает широкое распространение тематика дальневосточной эмиграции, чему способствует открытие некоторых фондов сибирских и дальневосточных «спецхранов», передача ряда документов из них в свободный доступ. Защищается ряд кандидатских и докторских диссертаций по отдельным аспектам проблемы.

Работы современных исследователей Н. Абловой, Н. Г. Дубининой, Ю. Н. Ципкина, А. Кайгородова, В. А. Апрелькова, Е. Таскиной, А. Хисамутдинова, Ю. Мельникова, М. В. Кротовой, В. Н. Фомина, В. В. Перминова, Ю. К. Кириенко и других, по различным аспектам жизнедеятельности дальневосточной ветви российской эмиграции и публикации дальневосточных авторов исследуемого периода нашли своё отражение на страницах альманахов и журналов «Рубеж», «Белая армия. Белое дело», «Отечественная история», «Вопросы истории», «Знамя», «Октябрь», «Родина», «Юность», «Литературная учеба», «Новый мир», «Дальний Восток», «Проблемы Дальнего Востока».

Так, исследователь Н. Аблова в своей работе «Российская эмиграция в Китае (1924–1931 гг.)» (2000), опираясь на рассекреченные документы Государственного архива Хабаровского края (ГАКХ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), изучила деятельность Харбинского комитета помощи русским беженцам (ХКПРБ), деятельность белоэмигрантских

объединений, в том числе Казачьего союза в Шанхае. Вместе с тем казачьей эмиграции в Маньчжурии (Северо-Восточном Китае) не уделено большого внимания.

Совместное исследование Н. Г. Дубининой и Ю. Н. Ципкина «Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции» (1996) также главным образом посвящено работе Харбинского беженского комитета. На основе статистических данных комитета исследователи рассмотрели удельный вес в русской диаспоре Харбина каждой социальной эмигрантской группы, в том числе казачества. Затронули деятельность Российской фашистской партии (РФП), которая образовалась в Харбине. К сожалению, казачество как отдельный объект исследования в работе не рассматривается.

Работа М. В. Кротовой «Торгово-промышленная жизнь Харбина в 1906–1914» (1995) посвящена начальному периоду развития города, после революции отторгнутого от России и ставшего одним из крупных центров Русского зарубежья. В исследовании анализируется социально-экономическое положение Харбина, характеризуются условия торгово-промышленной жизни города, воссоздается картина взаимоотношений русского и китайского населения накануне массовой эмиграции российских белых армий и гражданского населения.

Автор Ю. Мельников в публикации «Русские фашисты в Маньчжурии» (1991) осветил деятельность фашистов в Северо-Восточном Китае периода японской оккупации. Много внимания уделено фигуре лидера партии Константина Родзаевского. А. А. Хисамутдинов в работе «Русские в Дальнем – Дайрене» (1998) исследовал русскую диаспору российского (до русско-японской войны) города-порта Дальнего (Дайрена). Основное внимание автор уделил общественно-культурной жизни города 1922–1945 гг.

А. Кайгородов свой очерк «Он был забайкальский казак» (1994) посвятил атаману Семёнову. Работа является одной из первых попыток создания биографического очерка о забайкальском атамане с момента его рождения и до казни в 1946 г. Основываясь на архивных документах, воспоминаниях современников атамана и личных впечатлениях (автор сам родился в Трёхречье), он весьма интересно трактует многие поступки и действия Г. М. Семёнова периода Гражданской войны и эмиграции.

В последнее десятилетие появились и защищены диссертационные исследования по теме. Дополняют и обогащают современную историографию диссертации У Нань Миня «Русская диаспора в Китае 20–30-х гг. XX в.» (2001), Е. Е. Аурелине «Российская эмиграция в Маньчжурии в 30–40-е гг. XX в.» (1994) и также её труд «Российская диаспора в Китае» (2008). В них исследователи рассмотрели общие проблемы существования русской общины на территории Китая, вопросы её взаимодействия с местным населением и местными властями. Однако и здесь мало уделено внимания казачьему элементу в составе русской диаспоры.

В другом диссертационном исследовании – Я. Л. Писаревская «Российская эмиграция Северо-Восточного Китая, сер. 1920-х – сер. 1930-х гг.» (2001) – освещены проблемы социально-политического состава российской эмиграции Северо-Восточного Китая, а также тема реэмиграции российских граждан в период 1920-х – середины 1930-х гг. Казачья же эмиграция как объект исследования подробно не рассматривается.

Заметным явлением в историографии темы явились кандидатская и докторская диссертации Г. И. Малышенко «Идейно-политическая борьба в среде казачества российской эмиграции в Северо-Восточном Китае (1920–1937)» (2001) и «Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции: 1920–1945 гг.» (2007). Автор на обширной источниковой базе рассмотрел проблемы идейно-политической борьбы в среде казачества Северо-Восточного Китая. В исследованиях затронуты практически все политические организации и союзы, созданные казаками в Маньчжурии и функционировавшие в 1920–1937 гг. Рассмотрены идейные течения и политические приоритеты казаков-эмигрантов, а также проблема их политического взаимодействия с Бюро по делам российских эмигрантов. Вместе с тем исследования практически не затрагивают некоторых вопросов истории казачьей эмиграции в Северо-Восточном Китае. Например, не ясно каким образом казачий элемент взаимодействовал со всей диаспорой не только на политическом, но и на хозяйственном, социальном и культурном уровнях.

Свой вклад в изучение темы дальневосточной казачьей эмиграции внесла диссертация И. В. Чапыгина «Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая» (1920–1945 гг.)» (2006). Исследование рассматривает формирование и положение русской диаспоры в Северо-Восточном Китае (Мань-

чжурии) накануне и в период массовой постреволюционной эмиграции. В работе анализируется место и роль казачества в русской диаспоре Маньчжурии, его социально-экономическая, политическая и культурная жизнь.

Из последних вышедших трудов по теме можно назвать работы О. К. Антропова «Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.)» (2008), «История отечественной эмиграции» (2011) и «Третий путь для России. Пореволюционные организации и движения российской эмиграции 1920–1930 гг.» (2011). В работах автор изучил и проанализировал разноплановые аспекты истории отечественной эмиграции, главным образом её центральной западной ветви, выделил проблему разработки пореволюционными мыслителями концепции «третьего пути» развития России, альтернативного либерализму и коммунизму. К сожалению, казачьи организации и объединения отдельно автором не рассмотрены.

Зарубежную историографию российской постреволюционной эмиграции, как уже отмечалось выше, составляют труды как самих российских эмигрантов, так и иностранных исследователей.

Эмигрантская историография темы берет свой отчет с 1920-х гг., когда за рубежом выходят книги П. Н. Краснова, П. А. Скачкова, С. Рытченкова, освещающие деятельность эмигрантских, в том числе казачьих организаций в ряде западных стран (Франция, Болгария, Чехословакия, Германия).

Работы И. Г. Акулинина, Г. В. Енборисова, Г. М. Семёнова, И. И. Серебренникова, вышедшие в 1930-е гг. в Китае, также отражают некоторые стороны жизни оренбургских, забайкальских и сибирских казаков в этой стране, особенно начального периода эмиграции, деятельности Восточного казачьего союза в Харбине.

Необходимо отметить, что в середине 20-30-х гг. XX в. в Праге и Париже шло активное накопление и систематизация источниковой базы по эмиграции. Например, в правлении Казачьего союза в Париже была сконцентрирована значительная по объему переписка с десятками казачьих организаций, союзов и объединений многих стран мира, в том числе с казачьими союзами в Харбине и Шанхае. Эти источники явились прочной основой развития зарубежной историографии в 1950–1960-е гг., когда эмигрантская историография темы пополнилась новыми исследованиями. Это работы П. П. Балакшина, Л. Масянова, А. Н. Скрылова и Г. В. Губарева.

Так, автор П. П. Балакшин в труде «Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке» (1955–1957), опираясь на широкую источниковую базу, исследовал проблемы условий жизни эмигрантов в Китае, вопросы их адаптации и трудоустройства, взаимоотношения с местными властями. В его работе освещаются отдельные вопросы политической истории эмиграции в регионе. К сожалению, казачеству в русской диаспоре Китая отводится весьма скромное место.

В конце 1960-х гг. вышел подготовленный А. Н. Скрыловым и Г. В. Губаревым «Казачий словарь-справочник» (1968–1970). В нем представлена в основном информация о жизни кубанских и донских казаков в эмиграции, а также о вольно-казачьем движении. Крайне слабо представлены в словаре казаки азиатской России.

В 1980–1990-е гг. продолжается издание зарубежных эмигрантских трудов (главным образом в США и Австралии), посвященных российской эмиграции, в которых затрагиваются отдельные аспекты жизни казаков в Маньчжурии и Шанхае в 1920–1940-е гг. Это труды В. Санникова «Под знаком Восходящего Солнца в Маньчжурии» (1990) и Е. М. Красноусова «Русский Шанхайский полк» (1984). Данные исследования позволяют составить определенное представление о жизни российской эмиграции, об участии белоэмигрантов, в том числе сибирского и забайкальского казачества в деятельности Русского полка Шанхайского волонтерского корпуса по охране международного селтльмента в Шанхае, в общем понять сложное положение российской эмиграции в Маньчжурии во время японской оккупации.

Из зарубежной историографии российской эмиграции заслуживает особо внимания труд Дж. Стефана «Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции, 1925–1945 гг.» (1992). Исследователь обращается к истории российской эмиграции Китая в контексте исследования процесса распространения в её среде фашизма в 1920–1930-е гг. Подробно рассматривается сотрудничество Бюро российской эмиграции (БРЭМ) с японскими спецслужбами, руководством Квантунской армией. Казачья же эмиграция как отдельная тема остается в стороне и автором не исследуется.

Из научных изданий, выпущенных за рубежом, заслуживает внимание труд «Записки Русской академической группы в США» (1994) и «Россияне в Азии» (1994).

В «Записки...» входят 15 основных статей, пять из которых посвящены теме «Русского Харбина». В них рассматривается

общественно-политическая, культурная, религиозная жизнь Харбина, система образования, литературное творчество местных авторов, просветительская деятельность И. И. и А. П. Серебренниковых в Китае, дается описание их архива, находящегося в настоящее время в США. В сборнике также помещен некролог на смерть поэта В. Перелешина.

Сборник «Россияне в Азии» полностью посвящен дальневосточной эмиграции. Не считая редакционного предисловия, в нем четыре раздела: поэзия, воспоминания, история, коллекции и архивы. Сборник содержит и библиографический раздел – описание редких изданий в русской коллекции Гамильтонской библиотеки Гавайского университета, занимающейся собиранием литературы о жизни русской диаспоры на Дальнем Востоке, и, прежде всего, изданной в Китае. Эти материалы опубликованы впервые и, несомненно, внесут весомый вклад в изучение темы, развитие её историографии.

Огромный интерес китайских исследователей к проблеме российской эмиграции в Китае проявился почти одновременно с разработкой этой темы в российской исторической науке в постсоветский период. И хотя пока никто из китайских исследователей не выбрал казачество в эмиграции отдельной темой работы, заслуживает внимание труд китайского исследователя А. Ван Чжичэна «История русской эмиграции в Шанхае» (переведен в 2008). Исследование интересно комплексным изучением истории политической, общественной и культурной жизни русских в Шанхае.

Таким образом, краткий историографический анализ отечественной и зарубежной литературы по истории российской эмиграции позволяет сделать предварительные выводы:

1. С 1920 г. по настоящее время в отечественной и зарубежной историографии опубликовано несколько десятков научных работ по истории русского зарубежья, в которых нашла своё отражение тема казачьей эмиграции и её дальневосточная ветвь.

2. Тема казачьей эмиграции в русской диаспоре Маньчжурии берет своё начало с 1920-х гг. В отечественной историографии она прошла ряд этапов, сопряженных со сменой общественно-политического устройства и методологических подходов. Только с конца 1980-х гг. она получает своё современное развитие. В последнее 10-летие дальневосточная ветвь эмиграции и казачий вопрос становится отдельной темой своего изучения.

3. Зарубежная историография темы также берет своё начало с 1920-х гг. Она развивалась более динамично и в меньшей мере была подвержена идеологической и политической конъюнктуре, шире использовала источниковую базу и разнообразный методологический инструментарий.

4. Достаточно неплохо изучены географические, социальные, экономические, политические аспекты темы. Слабо исследованы, на наш взгляд, социокультурные, психологические проблемы казачьей эмиграции, её особенности в зарубежье, повседневная история.

5. Злободневной выступает задача по написанию обобщающих комплексных исследований по истории дальневосточной казачьей эмиграции (силами отечественных и зарубежных специалистов) и координация научного поиска. Остро назрела необходимость создания историографических и теоретико-методологических работ по изучаемой теме.

Примечания

¹ Цит. по: Казачество. Мысли современников о прошлом, настоящем и будущем казачества. Ростов н/Д, 1992. С. 39.

² Там же. С. 32.

ТЕМА 2

Маньчжурия и полоса КВЖД как исторически сложившиеся к 1917 г. зарубежные центры русского расселения на территории Северо-Восточного Китая

Появлению русского населения в Маньчжурии (устоявшееся наименование Северо-Восточном Китае) предшествовал ряд исторических событий и процессов, происходивших задолго до революции 1917 г., приведшей к Гражданской войне и ставшей причиной массового исхода военного и гражданского населения проигравшей белой стороны с областей Сибири и Дальнего Востока на её территорию.

В XVII в. освоение русскими землепроходцами Сибири и Дальнего Востока открыло новый этап эпохи Великих географических открытий и способствовало превращению России в крупную тихоокеанскую державу. Россия проявляла большой интерес к восточному соседу Китаю, связь с которым до 50-х гг. XVII в. осуществлялась преимущественно при посредничестве среднеазиатского купечества [1]. Нерчинский договор 1689 г. положил начало официальным отношениям между Россией и Китаем. Начиная с 1693 г. русские казенные караваны довольно регулярно направлялись из Забайкалья в Китай (в период 1693–1719 гг. было организовано десять караванов) [2]. Нерчинск имел неоспоримые географические преимущества для русско-китайской торговли по сравнению с Тобольском и Томском и после нормализации положения на забайкальском участке границы этот край становится главным направлением для поддержания связей России с Китаем. В тексте Нерчинского договора было четко сказано: «А войны и кровопролития с обеих сторон... не всчинать» [3], т. е. любые конфликты должны были разрешаться путем переговоров. Надо добавить, что этот принцип стал фундаментом дальнейших отношений и договоренностей, а торговля сыграла весьма важ-

ную роль в экономическом сближении двух соседних государств, во взаимном ознакомлении с обычаями и нравами их народов.

К середине 20-х гг. XVIII в. стороны приступили к установлению государственных границ, складывающихся по мере освоения народами, вошедшими в состав России и Китая, приграничных территорий. Между двумя странами 20 августа 1727 г. был подписан Буринский трактат, а позднее, 21 октября 1727 г. был заключен Кяхтинский договор. С их подписанием, торговля между двумя странами была упорядочена, а её объем значительно возрос по сравнению с предыдущим периодом.

Потребности обороны южных и восточных окраин, а также относительно небольшие расходы на содержание по сравнению с регулярными частями, побудили российское правительство сохранить подразделения служивых казаков в приграничных районах юга России, в Сибири и на Дальнем Востоке. В этот период делает, по сути, первый эволюционный шаг казачество Забайкалья. По переписи 1721 г. только в Нерчинском ведомстве на 476 служивых казака выявлено 1410 родственников, которые имели формальное право на первоочередное верстание на службу, за счет чего происходил рост казачьего населения. Таким образом, появился наследственный принцип казачьей службы, что послужило началом появления казачьего сословия в Забайкалье, как организованной, мобильной военной силы по охране границы и поддержанию внутреннего порядка. В 1727 г. на границе с Китаем было учреждено 18 караулов, 2 форпоста, к 1728 г. их количество возросло до 31, началось строительство крепостей.

В 1763–1764 гг. обострились отношения с Китаем. Причиной послужило неудачное обращение к богдыхану, взошедшей на русский престол Екатерины II и предложившей обменяться посольствами. Китайскую сторону задела фраза Екатерины: «...Если покоя, верности, мира соблюдать вы не будете, то есть у нас и другие меры». Русскому правительству в ответ были посланы слова: «...Возможно ли, чтобы богдыхану равнялся кто-либо из самодержавных государей и меньше всего женщина, которая правит Россиею» [4]. В 1764 г. китайцы прекратили торговлю в Кяхте, изгнали русских купцов и прервали дипломатические отношения. Таким образом, замыслы присоединить к России Монголию и земли по Амуру не осуществились. К 1774 г. количество постов и караулов на границе с Китаем выросло до 74 единиц с

охватом границы 2343,5 версты. Большинство из них постепенно превращались в приграничные посёлки и станицы.

Интерес к «амурскому вопросу» становится актуальным в очередной раз в XIX в., после того, как Великобритания добилась открытия в Китае пяти портов для торговых отношений. Это грозило упадком кяхтинской торговле, которая приносила России и Китаю миллионные прибыли. Последовательная позиция русского правительства, осуждавшего ведение Великобританией «опиумных войн» (1840–1842 и 1856–1860) против Китая, строгое запрещение ввоза в Китай опиума вызвали признательность цинской стороны. Все это не могло не сказаться на характере российско-китайских отношений, и создало необходимые внешние предпосылки для дипломатического решения вопроса об оставшихся неразмежеванными Приамурье и Приморье.

Важная роль в практическом решении этой проблемы принадлежала генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву. Ему же принадлежит главная роль в создании Забайкальского казачьего войска в 1851 г., как щита от возможных посягательств Китая.

Поскольку в русских правительственных кругах сложилось мнение, что Амур в своих низовьях не судоходен и теряется в песках, а Сахалин полуостров, запирающий своим перешейком выход из современного Татарского пролива на юг, то ценность Амура и Сахалина для России ставилась под сомнение. Н. Н. Муравьев содействовал организации летом 1849 г. экспедиции капитан-лейтенанта (а впоследствии – адмирала) Г. И. Невельского, которая выяснила полную доступность Амура для морских судов и подтвердила островное положение Сахалина, отделенного от материка глубоководным проливом. Значение Амура для России, в связи с выходом реки к Тихому океану существенно возросло.

По российско-китайскому Айгуньскому договору, подписанному 16 мая 1858 г. и ратифицированному правительствами обеих стран, левый берег Амура признавался принадлежавшим России, а правый, до р. Уссури, – китайским. Решение вопроса о принадлежности Приморья договор откладывал. Земли эти признавались временно находящимися в общем владении. По договору, по рекам Амуру, Сунгари и Уссури могли плавать только русские и китайские суда. В том же 1858 г. Усть-Зейский военный пост был преобразован в г. Благовещенск, ставший центром вновь созданной Амурской области, ниже по течению Амура

возник военный пост Хабаровка (будущий Хабаровск) и др. русские селения. Для охраны новой юго-восточной границы, учреждения и обеспечения почтового сообщения по Амуру и Уссури, в 1858 г. было создано Амурское казачье войско, ядро которого составили забайкальские казаки, переселенные правительством в Приамурье и Приморье. Амурское казачье войско охраняло и русскую границу по Амуру.

Основная цель Айгунского договора – разграничения по Амуру и признание за Россией его левой стороны, была достигнута. Европейские государства, прежде всего Англия и Франция, и Китай были вынуждены считаться с заселением Амура как с свершившимся фактом. Практически параллельно с заключением Айгунского договора состоялось подписание российско-китайского Тяньцзиньского договора, который не противоречил уже подписанному Айгунскому договору, намечая при этом широкую программу по уточнению линии границы между двумя странами, её описание и составление карт смежных районов.

2 ноября 1860 г. был заключен Пекинский договор, по которому граница устанавливалась на всем восточном участке по рекам Амуру, Уссури, Сунгача, оз. Ханка и далее по горам до р. Тумыньцзян (граница с Кореей). На западном участке было намечено общее направление прохождения границы по озерам Зайсан и Исык-Куль (потом она была уточнена Чугучакским протоколом 1864 г.) [5]. Присоединение к России Южно-Уссурийского края с его удобными гаванями и водными путями позволило русскому правительству во второй половине XIX в. возобновить заселение и хозяйственное освоение Дальнего Востока. Заселение Южно-Уссурийского края (самой южной части Приморской области) началось с 1860 г. с создания здесь военных постов: Владивостокского, Новгородского, Новокиевского и др.

Айгунский и Пекинский договоры, заключенные в результате мирных переговоров, завершили длительный процесс размежевания владений России и Китая на Дальнем Востоке и таким образом подвели итог важному этапу в истории их взаимоотношений в XVII–XIX вв.

В середине XIX в. из Китая в Приамурье дошли сведения о богатых золотых россыпях, обнаруженных в соседней Маньчжурии. С этого момента в приаргунских районах Китая стали возникать смешанные русско-китайские поселения старателей. Особого расцвета эта вольная золотодобыча достигла в 1880-е гг., чему

способствовал весьма либеральный режим российско-китайской границы. В принципе двусторонние соглашения не запрещали перехода российско-китайской границы подданными обеих империй в любом месте. Русский исследователь, перешедший границу в Хулуьбууре в 1881 г., отмечал: «Пограничные жители пропускаются через границу вполне беспрепятственно, причем не соблюдается никаких формальностей» [6].

Маньчжурия была огромным и богатейшим районом Китая. Её площадь – 1 230 673 кв. км – в два раза превышала территорию соседнего Забайкалья, была равна Амурской и Приморским областям, вместе взятым. Маньчжурия соответствовала по территории двум Франциям и была намного больше площади Франции, Великобритании и Италии, вместе взятых, в три с половиной раза превышала размеры Японии.

Маньчжурия располагала богатейшими природными ресурсами. Значительная часть территории на севере и востоке была покрыта девственной тайгой, богатой пушным зверем; на западе лежали степи, где были исключительно благоприятные условия для животноводства: в них паслись десятки тысяч голов рогатого скота, овец, лошадей и верблюдов; юг с плодородными почвами и теплым климатом был краем развитого земледелия. Маньчжурия славилась своим женьшенем, пантами и травой «ула», используемой для утепления обуви. Здесь успешно искали золото и речной жемчуг; охотники добывали ежегодно до 10 млн фазанов и 1 млн шкурок тарбагана [7].

«Летом 1883 г. по Приамурью стали распространяться слухи о золоте, обнаруженном на территории Китая на речке с местным названием Желта. Эта речка, всего около 15 км длиной, была притоком Албазихи (правого притока Амура). Китайское название её – Мохэ. Сюда хлынул поток золотоискателей. Возникло приисковое поселение, в котором жили русские и, конечно, китайцы, корейцы и др. Это был разношерстный и пестрый люд: коренные сибиряки, ссыльные поселенцы, беглые преступники, охотники за легкой наживой. Число старателей быстро росло, через год их насчитывалось уже 10 тыс. Народ этот – новая амурская вольница – не признавал ни русских, ни китайских властей, да и вообще никакого начальства, никаких законов. К концу 1885 г. её население составляло около 20 тыс., в том числе 500 китайцев более 100 корейцев. Здесь появились магазины, рестораны, гостиницы, игорные и публичные дома, в которых спуска-

лись целые состояния, больницы, даже банки и часовня. Желтугинцы успели добыть примерно 500 пудов золота, большая часть которого ушла в Китай» [8]. Эти места получили название «Амурской Калифорнии» или «Желтугинской республики». Китай, встревоженный наплывом русских на свою территорию, направил в Мохэ войска. Российское правительство выпустило специальное воззвание, чтобы прекратить переход своих подданных за китайскую границу для добычи золота, и послало людей вернуть старателей назад. Тем не менее больше тысячи их остались глухи к голосу своего правительства и продолжали скрываться, что вызвало повторное применение военной силы со стороны китайцев. Поселение Желтуга было сметено с лица земли. В октябре 1892 г. около сотни русских старателей, перейдя границу, проникли в район между реками Морин-Гол и Дербул для добычи золота. Это вызвало новое вооруженное столкновение, русским пришлось оставить 23 строения, 8 домов, крытых берестой, 123 шурфа и 50 шахт [9].

Существование нелегальных посёлков русских золотодобытчиков в Барге (северо-западной Маньчжурии), составляет первый яркий этап в истории освоения территорий соседнего государства.

К началу 1890-х гг. XIX в. русское правительство приняло решение строить Великий Сибирский железнодорожный путь, который был призван связать далекую окраину Российской империи с центральными районами страны. Решение вопроса было ускорено развернувшимися военными событиями на Дальнем Востоке. В 1894–1895 гг. вспыхнула японо-китайская война, закончившаяся тяжелым поражением Китая и показавшая серьезность агрессивного курса Японии. Военное усиление Японии на Дальнем Востоке происходило в условиях, когда дальневосточные области России оставались слабозаселенными, не была обеспечена их военная безопасность. События японо-китайской войны показали необходимость усиления России на востоке и оторванность Приморья и Приамурья от центральных районов страны. Стала ясна важность соединения Владивостока железнодорожным путем с Европейской Россией в кратчайший срок.

В 1896 г. был подписан секретный русско-китайский договор о союзе против Японии и постройке КВЖД (Китайской восточной железной дороги), которая, пройдя через Северо-Восточный Китай, должна была напрямую соединить Сибирскую железную дорогу (от г. Читы) с Владивостоком. Вслед за догово-

ром была заключена конвенция о предоставлении Цинской империей в аренду России портов Люйшунь (Порт-Артур) и Далянь (Дальний), расположенных на Ляодунском полуострове [10]. Тогда же в 1898 г. было принято решение о строительстве там храмов. В Порт-Артуре во имя Святителя Николая, а в Дальнем – храма во имя мученицы Александры, «дни празднования которых совпадают с радостными для всей России днями тезоименитства Государя Императора и Государыни Императрицы» [11].

В задачи данной статьи не входит подробный анализ причин и обоснований строительства КВЖД, условий её эксплуатации, но ясно одно, в пользу «маньчжурского варианта» находились вполне реальные экономические соображения, а также весомые политические и стратегические цели. Именно строительство и эксплуатация дороги дало толчок дальнейшему освоению и развитию этой территории Цинской империи и положило начало второму этапу в истории формирования русской диаспоры в Маньчжурии.

Предварительные работы по сооружению КВЖД начались в 1897 г. одновременно в нескольких направлениях, в том числе из Читы на восток, для встречи с идущими из Владивостока строителями. В 1900 г. для сооружения станции, вокруг которой впоследствии возник китайский г. Маньчжурия, прибыло 130 русских рабочих и инженеров и более 4 тыс. китайских рабочих из провинции Шаньдунь и Хэбэй.

Продуманная политика администрации в отношении местного населения, полное признание и поддержка его прав и интересов привели к быстрому росту доверия китайского населения к строителям КВЖД. В отношениях создалась атмосфера дружбы и сотрудничества, которые характерны для всего последующего длительного периода совместной эксплуатации дороги и жизни русской колонии в Маньчжурии в китайском окружении. Стоит вдуматься в следующий факт. Полоса отчуждения КВЖД никогда не была иностранным селтльментом в Китае, каких было много во всех его крупных городах, где иностранцы селились в изоляции от массы рядовых китайцев, жили только по собственным законам, имели свою полицию и консульский суд. Здесь по всей Северной Маньчжурии, русское и китайское население, являясь для большинства районов одинаково пришлым, селилось рядом, пользовались одинаковыми правами и сталкивались с одними и теми же трудностями при обживании новых мест. Располагая

данными по истории Маньчжурии, можно утверждать, что жизнь русского и китайского населения в полосе отчуждения КВЖД в течение более чем 50-летнего «русского эпизода» в Маньчжурии (за исключением событий июля-августа 1900 г. – восстания ихэтуаней), проходила без эксцессов, без столкновений, тем более на расовой или религиозной почве. При этом, конечно, были мелкие споры и конфликты, которые разрешались с помощью учреждений – цзяошэцзюй (управлений по взаимным сношениям, или дипломатических бюро, созданных инженером А. И. Юговичем). Это были смешанные местные русско-китайские коллегии, в которых рассматривались все недоразумения и вопросы, прямо или косвенно касающиеся нужд дороги, а также русских и китайцев, живших в полосе отчуждения. В эти бюро входили представители местной китайской администрации, а с русской стороны – лица, назначаемые главным инженером. Бюро являлись и смешанными судами, которые разбирали взаимные иски русских и китайских подданных. Строгая законность выгодно отличала эти учреждения от китайских судебных органов – ямыней, где приговор можно было купить за деньги.

Известно, что КВЖД обязательно выкупала у частных владельцев отчуждаемые для нужд дороги земли. Ширина отчуждаемой земли на перегонах между станциями устанавливалась в 40 сажен (по 20 в каждую сторону), но фактически была меньше: по 15 сажен с одной стороны и 18 – с другой (соответственно около 32 м и немногим более 38 м). Под большие станции отчуждалось по 50 десятин земли (54,5 га), под остальные и развязды – до 30 десятин (32,7 га).

Отчуждением земель поначалу ведал в управлении дороги особый отдел отчуждения, просуществовавший до 1912 г., когда его функции были переданы земельному отделу. Смешанные бюро, цзяошэцзюй, проверяли и утверждали все акты по отчуждению земельных участков, являясь, таким образом, представителями интересов китайской стороны. Эти организации были тем действующим связующим звеном, которое объединяло русских и китайцев в полосе отчуждения. Они просуществовали вплоть до 1920 г., пережив, таким образом, крушение Российской империи.

Русские строители дороги, как и все иностранцы в Китае, пользовались правом экстерриториальности. В соответствии со ст. 6 «Контракта на постройку КВЖД», в полосе отчуждения постепенно были созданы все обычные институты русской админи-

стративной системы: полиция, в которой служили русские и китайцы, суд; предусматривалась и охрана дороги вольнонаемной стражей. В условиях развития в Маньчжурии хунхузничества (бандитизма) проблема обеспечения личной безопасности изыскателей и строителей КВЖД была чрезвычайно актуальной. Общество КВЖД, согласно уставу, должно было само заботиться об охране дороги. Лучшим контингентом для такой охраны считались казаки-вольнонаемники. Они составили Охранную стражу КВЖД, первоначально это были пять конных сотен.

Восстание ихэтуаней (боксеров), перекинувшееся к лету 1900 г. на территорию Маньчжурии, нарушило дальнейшее планомерное строительство КВЖД и вынудило русских строителей выехать назад в Забайкалье. Для защиты дороги в Маньчжурию были введены регулярные русские войска. При проведении военных действий русская армия была вынуждена снести китайские пограничные заставы на Аргуни, и Китай потерял возможность охранять границу, что положило начало массовому переселению русских казаков на правый (китайский) берег пограничной реки вследствие нехватки своей земли под выпасы и сенокосы. Хотя в Восточном Забайкалье отсутствовали помещичьи хозяйства, но около 10 млн десятин земли принадлежало царскому дому Романовых – так называемые «кабинетские» земли, которые казаки были вынуждены арендовать. Район Барги, так называемое Трёхречье (бассейн правых притоков Аргуни – Гана, Дербула и Хаула), был издавна знаком забайкальским казакам и привлекал своими естественными богатствами. Еще с конца XIX в. они перегоняли в Трёхречье свои стада и табуны на пастьбу, заготавливали здесь сено и распахивали целинные земли. Находили подсобный заработок, охотясь за дичью и пушным зверем в таежных местах этого района, ставили здесь избы-землянки. Оседать на жительство казаки начали позднее, с 1906–1907 гг., но особенно интенсивно – после начала Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Таким образом, в начале XX в. земельный вопрос составляет основу русской эмиграции на китайский, правый берег Аргуни.

Одним из последствий событий в Маньчжурии в период восстания ихэтуаней, явились реорганизация Охранной стражи и включение её с 19 января 1901 г. в состав Особого Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи с доведением её численности до 25 тыс. человек всех родов войск – конницы, пе-

хоты и артиллерии. Корпус находился в непосредственном подчинении министра финансов. Начальником округа до 1902 г. состоял генерал М. К. Дитерихс, (с его именем впоследствии был связан заключительный этап Гражданской войны на советском Дальнем Востоке, также в Охранной страже дороги в своё время служили: А. И. Гучков, А. И. Деникин, Л. Г. Корнилов – ставшие известными политическими и военными деятелями России). В дальнейшем, проблему обеспечения безопасности КВЖД правительство России (решало путем создания военных поселений в полосе отчуждения. Автором идеи выступил приамурский генерал-губернатор Гродеков. В докладной записке на имя императора он предлагал: «Заселить полосу отчуждения (КВЖД) русским элементом, способным найти силу хотя бы для первоначальной защиты линии от вооруженных нападений, так как охранная стража, разбросанная по всей обширной территории КВЖД, численно недостаточна в каждом её пункте» [12]. Николай II одобрил инициативу и поручил военному ведомству, министерствам финансов и земледелия разработать проект создания казачьих станиц и солдатских слободок вдоль всех веток КВЖД. Первоначально предполагалось привлечь сюда тех же забайкальских казаков и подлежащих увольнению в запас нижних чинов экспедиционного корпуса регулярной армии. Им должна была выделяться земля, которую в 1903–1905 гг. Россия получила в концессию на правах длительной аренды из расчета по 3 тыс. десятин при каждой станции, в том числе и на западной линии. Желающих нашлось не так уж много, хотя Общество КВЖД ежегодно выделяло на эти нужды 200 тыс. рублей подъемных, а государство освобождало их на десять лет от арендной платы за землю. К 1905 г. во всей Маньчжурской армии было зарегистрировано всего 2 518 таких поселенцев. В то же время переселяющиеся на правобережье Аргуни русские занялись привычной добычей золота, а также стали поднимать целину и пасти скот. К 1907 г. только в Аргунском хошуне Барги (западная ветка КВЖД) уже насчитывалось 1 тыс. дворов, в которых проживало более 5 тыс. русских.

К моменту ввода КВЖД в эксплуатацию, общее протяжение её линий с ветками, станционными и карьерными путями составляло 3 189 км. Её 107 станций очень скоро превратились в крупные развивающиеся посёлки. Дорога выстроила в них к 1903 г. (год сдачи КВЖД в эксплуатацию) 294 061 кв. м жилых помеще-

ний, а к 1911 г. – 606 587 кв. м, т. е. 467, 9 кв. м на 1 км главного пути. Общее число служащих на дороге определялось в 1903 г. в 39 112 человек, из которых русских было 18 123, китайцев – 20 948, австрийцев, итальянцев, швейцарцев и турок – 17, японцев – 17 и корейцев – 9. Стоимость КВЖД, включая сооружение порта Дальнего и г. Дальнего, составила к 1903 г. – 318 640 236 зол. руб. К 1906 г. возросла до 375 млн руб. В последующие годы она выражалась суммой уже около 500 млн руб. [13].

Благодаря КВЖД в Маньчжурии образовались новые города: Дальний, Маньчжурия и Харбин. Харбин стал сердцем Маньчжурии. Харбин, современный 4-миллионный центр провинции Хэйлуцзян, был спроектирован, заложен и превращен в город именно русскими инженерами, построен русскими и китайскими строителями, и появился на географической карте впервые в 1898 г. именно в связи со строительством КВЖД.

Существует традиционное представление, что первых русских и других представителей многонациональной Российской империи в Харбине в начальные годы его существования (1898–1903 гг.) было немного – «едва ли две-три тысячи». Это неверно. Огромный размах железнодорожного и городского строительства в начальный период требовал большого числа рабочих рук. Малонаселенная Северная Маньчжурия не могла удовлетворить потребность в рабочей силе, и постройка дороги привлекла сюда десятки тысяч русских и китайских рабочих из России и Северного Китая. Они и заселили край. Известно, что уже в 1899 г. в одном только Харбине насчитывалось около 14 тыс. выходцев из Российской империи. Причем это были различные её национальности – русские, поляки, евреи, армяне, грузины и др. Часть приехала еще в составе изыскательских партий, другая – с обозами строителей. Таким образом, Харбин сразу стал складываться как город многонациональный. Надо отметить, что за всю его историю, здесь не было никаких публичных проявлений национального антагонизма, всегда сохранялась исключительная национальная и религиозная терпимость. Это происходило, видимо, потому, что все выходцы из России в равной степени чувствовали себя пионерами этого пустынного и сурового края, разделяли сообща все трудности его освоения, все называли себя «россиянами», а еще может быть, и потому, что всем находилось дело, и никто ни кому не мешал. Несмотря на трудности, жизнь первых харбинцев-железнодорожников протекала в сравнительно хоро-

ших условиях. Труд квалифицированных специалистов хорошо оплачивался, они быстро обеспечивались благоустроенными казенными квартирами, пользовались привилегиями и льготами.

Харбин имел все условия, все необходимые предпосылки для быстрого и перспективного развития. Вскоре он стал важнейшим транспортным узлом мощной железной дороги, пересекавшей всю Маньчжурию и ставшей кратчайшим звеном Великого Сибирского пути. Город стоял на берегу важнейшей водной артерии Северной Маньчжурии – Сунгари. Окружавшие Харбин китайские населенные пункты – Ашихэ, Шуанчэнпу, Лалинь, Хулань (а позднее и другие, созданные дорогой населенные пункты производства) были удачно сложившимися центрами сельскохозяйственного, главным образом зернового производства и давали дороге огромное количество главных для КВЖД зерновых грузов.

Задуманный как административный центр полосы отчуждения КВЖД, через пять лет со дня своего основания город насчитывал около 45 тыс. человек. Здесь было построено более 300 больших каменных зданий (тогда как большинство сибирских и дальневосточных городов были деревянными), появились первые автомобили и телефоны, электрическое освещение [14].

Русская колония города всеми силами старалась сохранить привычный уклад российской жизни. Активно возводились церкви и школы, открывались клубы и землячества, в 1903 г. стала регулярно выходить первая «большая» харбинская газета «Харбинский вестник».

К началу русско-японской войны Барга, или Хулуныбуир (западная часть Маньчжурии) и Харбин уже превратились в сравнительно крупные промышленные и торговые центры, выполнявшие роль тыла русской армии в ходе маньчжурской кампании.

С началом войны в Маньчжурию хлынула масса торговцев и предпринимателей, а также различного рода дельцов и спекулянтов, стремившихся воспользоваться конъюнктурой, столь благоприятной для развития предприятий и личного обогащения. Начали открываться и работать десятки крупных по тому времени предприятий таких отраслей промышленности, которых прежде либо вовсе не было, либо насчитывались единицы: паровые вальцовые мельницы, самые разнообразные заводы (винокуренные, пивоваренные, кожевенные), различные фабрики, механические, слесарные кузнечные мастерские и др. В «Историческом обзоре КВЖД» приводятся данные о том, что в 1907 г. на западном уча-

стке этой дороги насчитывалось всего 15 970 русских, в том числе в Маньчжурии – 5 577, в Чжайлоноре – 1 428, в Хайларе – 4 375, Бокэту (Бухэду) – 2 767, Чжаланьтуне – 1643. К 1910 г. эта цифра возрастает до 17 061 человек, что составляет более 30 % от общей численности населения Хулуныбуирского аймака. По Восточной линии – 7 127 мужчин и женщин (из них на дороге служили 3 305) и 2 004 ребенка. На Южной линии 729 мужчин и женщин (в том числе служащих – 503 [15]. К 1910 г. посёлков, имевших более 2 тыс. жителей (русских китайцев), было, кроме Харбина, семь: Маньчжурия, Хайлар, Имяньпо, Ханьдаохэцзы, Пограничная, Цицикар, станция Бухэду.

Таким образом, по подсчетам на основе имеющихся официальных статистических данных, к 1910 г. русское население Маньчжурии: линии и посёлки КВЖД, казачье-крестьянское население Трёхречья, Харбин (надо отметить, что после окончания русско-японской войны его население уменьшилось) составило порядка 70–75 тыс. чел. Маньчжурия стала даже неофициально именоваться Желтороссией. Не случайно в 1909–1910 гг. на разных дипломатических уровнях рассматривались проекты ограничения свободного перехода границы [16]. Однако российско-китайская граница так и осталась открытой, что подтверждает «Инструкция для несения службы пограничного надзора сотням, командированным на усиление охраны участков государственной границы в Забайкальской и Приморских областях 30 апреля 1910 г.». В документе отмечалось: «Пограничные жители, переходящие и переезжавшие границу вне мест расположения таможенных учреждений не с торговыми целями... не должны подвергаться... ответственности за тайный переход границы и пропускаются беспрепятственно, при условии соблюдения полицейских требований, установленных местными административными властями» [17].

Постройка КВЖД не только оказала огромное позитивное влияние на развитие экономики, рост народонаселения и другие стороны общественной жизни Маньчжурии, но и активно развивала самую широкую и разнообразную культурно-просветительскую деятельность в крае. Период 1906–1910 гг. был временем широкого развития в Харбине и на линии дороги сети русского начального и среднего образования. Открывавшиеся в массовом порядке школы, которыми заведовал, созданный учебный отдел КВЖД давали образование и русским, и китайским детям. Дви-

жение за создание школ (в том числе специальных: технических, торговых и др.) приобрело широкий размах и позволяет утверждать, что именно в этом направлении – организации системы образования – культурно-просветительская деятельность русских людей в Маньчжурии проявила себя особенно ярко. Исключительное значение имела созданная здесь школьная база. Она приобрела авторитет в последующий период – в годы эмиграции. Выстроенная система обучения позволила русским детям в Маньчжурии, находясь в китайском и японском окружении, получить русское образование и воспитание, сберечь свой язык, национальную самобытность.

Аграрный вопрос, составивший одну из причин самовольного переселения казачьей массы на китайское правобережье Аргуни с начала XX в., получил своё продолжение в целом по всей Маньчжурии. До появления русских большинство современных зерновых культур, овощей и бахчевых культур в крае было неизвестно. Центрами русского земледелия в Маньчжурии стали: г. Дальний, станции Южной линии КВЖД, район Харбина, Хинганский, Хайларский и Трёхреченский районы по Западной линии (где наряду с полеводством главной отраслью сельского хозяйства было животноводство). По станциям Восточной линии: Маоэршань, Эхо, Муданьцзян, Мулин, Пограничная развивалось садоводство и пчеловодство. Наряду с внедрением в сельское хозяйство края новой прогрессивной технологии, новых сортов и совершенно новых для Маньчжурии сельскохозяйственных культур, КВЖД и созданное в 1912 г. Маньчжурское сельскохозяйственное общество уделяли самое пристальное внимание изучению ценного практического опыта китайского крестьянства. Плодотворное сотрудничество двух народов наиболее широко и раньше всего осуществлялось на почве Маньчжурии в самом прямом смысле этого слова. Крупные русские животноводческие хозяйства находились на станциях: Аньда, Сарту, Ламадяньцзы и далее на запад – в Чжаромтэ, Хаке, Хайларе, Маньчжурии, Трёхречье.

К началу Первой мировой войны 1914 г. Маньчжурия и полоса отчуждения КВЖД активно развивались. Военный период также принес территории и КВЖД бурное экономическое оживление. В 1914 г. после начала военных действий, приграничные районы Китая превратились в центры закупок товаров для нужд армии. Русские практически монополизировали торговлю мясом,

рыбой, фуражом, хлебом, кожей и шерстью, обеспечив быстрое развитие торговли и промышленности Маньчжурии.

Русское население Харбина, к началу Первой мировой войны составляло 43 500 чел. (64,5 % общего числа жителей). Если в 1903 г. китайское население в городе преобладало, то к 1914 г. оно, не уменьшившись по абсолютным цифрам (примерно 28 тыс.), составляло 34,5 % общего числа жителей. Возросла доля промышленников и торговцев.

«Известие о начале войны было неожиданным и всколыхнуло глубокое патриотическое чувство русской колонии Маньчжурии. В крупных населенных пунктах прошли стихийные собрания и манифестации. Офицеры-заамурцы забрасывали начальство рапортами с просьбой отправить их на фронт добровольцами. Такие же прошения подавались и молодыми гражданскими лицами... [18]. Собственно мобилизации русского гражданского населения в Маньчжурии и полосе КВЖД в этот период не проводилось. Можно предположить, что это было обусловлено позицией Д. Л. Хорвата (начальника КВЖД с 1903 г.), который был их противником, исходившим из необходимости сохранять экономическое влияние России в Маньчжурии. Когда же летом 1915 г. мобилизация по Маньчжурии была объявлена, она не распространялась на русских подданных, постоянно проживающих в полосе отчуждения, и на служащих дороги.

Таким образом, подводя итог второму периоду существования русского населения в Маньчжурии (Северо-Восточном Китае), оканчивающегося революционными событиями 1917 г. в России, приведшими к крушению Российской империи и гражданской войне, можно утверждать, что территории восточного соседа России – Китая, к этому периоду активно осваивались легальными и нелегальными способами. Первые – были связаны с постройкой и вводом в эксплуатацию КВЖД, как русско-китайского предприятия, с русско-китайским персоналом и обслуживанием, что повлекло за собой основание множества городов и посёлков линии КВЖД со смешанным русско-китайским населением. Вторые – с самовольными переходами русско-китайской границы забайкальских казаков и основанием ими хуторов и заимок, а потом и посёлков в междуречье Аргуни и Амура – район Трёхречья. И если на дипломатическом уровне, русско-китайские отношения всегда оставались достаточно напряженными, и официальное положение россиян в Маньчжурии рас-

сма тривалоcь как нарушение суверенных прав Китая, то в отличие от официального уровня, отношения между русским и китайским населением были более дружественными и основывались на прочных хозяйственных связях. Это подтверждается отсутствием серьезных конфликтов и столкновений и позволяет говорить о достаточно мирных отношениях в указанный период.

Примечания

¹ *Сладковский М. И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 123.

² *Мясников В. С.* Империя Цин и русское государство в XVII в. М., 1980. С. 261.

³ Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916. М., 2004. С. 28.

⁴ *Куриц Ю. Ф.* Казачья доля. Чита, 1995. С. 37.

⁵ Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А. В. Лукина. М., 2013. С. 47.

⁶ *Манакин М.* Описание пути от Старо-Цурухайтуевского караула до г. Благовещенска // Зап. Чит. отд-ния Приамурского отдела ИРГО. Вып. 3–4. 1988, 1901. С. 4.

⁷ Серебренников И. И. Очерки экономической географии Китая // Вестн. Азии. 1925. № 53. С. 5.

⁸ *Мелихов Г. В.* Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991. С. 23.

⁹ *Тарасов А. П.* Забайкалье и Китай: опыт анализа международных связей. Чита : РИС ЗабГПУ, 2003. С. 194.

¹⁰ РГИА. Ф. 323. Оп. 4. Д. 5. Л. 1–2.

¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 179. Д. 1277. Л. 1.

¹² *Тарасов А. П.* Указ. соч. С. 198.

¹³ *Мелихов Г. В.* Указ. соч. С. 55–56.

¹⁴ *Кротова М.* Торгово-промышленная жизнь Харбина в 1906–1914 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 1. С. 126.

¹⁵ *Нилус Е. Х.* Исторический обзор КВЖД. Харбин, 1922. С. 621.

¹⁶ *Дацышен В. Г.* Очерки истории Российско-Китайской границы во второй половине XIX – начале XX вв. Кызыл, 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tuad.nsk.ru>.

¹⁷ *Тарасов А. П.* Указ. соч. С. 200–201.

¹⁸ *Мелихов Г. В.* Указ. соч. С. 301–305.

ТЕМА 3

Исход белых армий, казачества и гражданского населения на территорию Маньчжурии и проблемы адаптации

Формирование восточной ветви российской эмиграции на территории Китая было тесно связано не только с самовольным заселением казачеством китайского правобережья Аргуни в конце XIX в. – начале XX в., строительством и функционированием КВЖД (Китайской Восточной железной дороги), но и с более поздним окончанием гражданской войны на территории Сибири и Дальнего Востока.

Период самого массового существования русской колонии в Маньчжурии пришелся на **пореволюционные** события 1917 г., крушение Российской империи и значительное увеличение русского населения в Китае в период 1917–1922 гг. за счет отхода разбитых белых армий, казачества и гражданского населения с территории России.

В конце 1919 г. – начале 1920 г. одновременно с кризисом Омского правительства, его падением, и прибытием в Забайкалье каппелевцев, а также членов их семей в Маньчжурию, началась первая, по-настоящему массовая волна исхода русских гражданских и военных беженцев на территорию соседнего Китая. Вторая волна в рамках этого периода последовала в октябре 1920 г. (с падением власти атамана Семёнова в Забайкалье). Третья – в конце 1922 г. – с окончанием Гражданской войны на Дальнем Востоке.

В марте 1920 г. Оренбургский отряд генерала Бакича, входивший в состав Семиреченской армии атамана Анненкова (свыше 10 тыс. бойцов, не считая беженцев), оказался прижат к китайской границе силами красных частей и после переговоров с китайскими властями, совершил переход китайской границы у г. Чугучаках [1] (городской уезд Тачэн на севере Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, административный центр округа Чугучак. – *Прим. автора*).

Назначенный А. Колчаком генерал-губернатором Семиречья А. И. Дутов с личным конвоем и оренбургскими казаками (порядка 1 600 человек) перешел русско-китайскую границу и был интернирован у г. Кульджа (городской уезд в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР, административный центр Или-Казахского автономного округа. – *Прим. автора*).

Эти воинские соединения с примкнувшим к ним гражданским населением к 1922 г. рассеялись окончательно: часть офицеров, солдат и казаков ушла на Дальний Восток, часть вернулась в Советскую Россию, часть разъехалась по линии КВЖД и городам Китая: Харбин, Тяньцзин, Пекин и Шанхай.

Большинство же воинских частей и гражданских беженцев покидали Россию восточнее, через границу с Маньчжурией. Первый крупный исход пришелся на 1920 г., когда рухнул режим Колчака (январь – март), и остатки семеновской и каппелевской армии под ударами Народно-революционной армии Дальневосточной республики (НРА ДВР) и партизан были вынуждены оставить к концу октября Читу и отойти к ст. Мациевской (ноябрь 1920 г.), возле границы с Китаем. После длительных переговоров власти Маньчжурии дали разрешение на перевозку вышедшей из Забайкалья Дальневосточной белой армии по КВЖД в Приморье. В процессе переброски этой армии, проходившей с декабря 1920 г. по январь 1921 г. через Маньчжурию по КВЖД, из Забайкалья выехало свыше 25 тыс. человек как военных, так и гражданских лиц. Численность армии по прибытии в Приморье составляла менее 20 тыс. человек. С 16 по 31 января 1921 г. во время эвакуации из Забайкалья через китайскую границу перешло 8 511 офицеров, 16 289 солдат, 7 731 лошадь и 855 повозок [2]. Некоторому количеству бойцов удалось рассеяться по Маньчжурии при проезде через Харбин и другие крупные населенные пункты железной дороги. Это сделали те военнослужащие, кто не хотел воевать дальше, или те, у кого были по линии дороги родные, знакомые и друзья, у которых можно было найти кров и убежище на первое время.

Значительное число забайкальских казаков, перейдя границу с белыми воинскими частями, покинуло эшелоны на ст. Хайлар и ушли в Баргу (Хулунбуир), в район Трёхречья. Там они присоединились к своим землякам, которые двумя-тремя годами ранее перешли китайскую границу, осели на освоенную здесь землю,

покинув, таким образом, пределы родной страны, потрясаемой длительной гражданской войной.

Большинство перебрасываемых в Приморье бойцов Дальневосточной белой армии были родом из Приуралья, с берегов Волги и Камы. Это были знаменитые ижевцы и воткинцы – бывшие рабочие известных уральских заводов, – уфимцы, а также камцы, волжане, уральцы, не принявшие власти советов. Значительно меньше бойцов было из Западной Сибири и совсем немного уроженцев Средней Сибири. В свою очередь, японское командование при содействии китайских властей, организовав переброску через Маньчжурию каппелевских и семеновских войск в Приморье, рассчитывало использовать их в борьбе против Дальневосточной республики (ДВР) и прежде всего для создания антисоветского прояпонского буфера на оккупированной территории Приморья.

В августе 1921 г. вооруженные силы белогвардейцев делились на две большие группы: белоказачьи части атамана Г. Семёнова и каппелевские войска под общим командованием Г. Семёнова. По решению Военного Совета вся белая армия была разделена на три корпуса: 1-й Забайкальский, 2-й и 3-й пехотные. Численность этих частей была следующей:

1-й Забайкальский корпус (6,5 тыс. человек, командир корпуса генерал В. А. Кислицын); Дикая дивизия (до 2 тыс. человек, командир дивизии барон Р. Ф. Унгерн); Отдельный Маньчжурский отряд (до 1,5 тыс. человек: в основном офицеры; командир генерал Шемелин); Монголо-Бурятская дивизия (до 1 тыс. человек; командир дивизии генерал А. И. Тирбах); Забайкальская казачья дивизия (до 1,5 тыс. человек; командир дивизии генерал Т. И. Артамонов), курсанты Читинского военного училища (до 640 человек всех родов оружия; начальник генерал Тирбах) [3].

2-й корпус (3,5 тыс. человек: в основном остатки армии генерала К. В. Сахарова и часть армии генерала В. О. Каппеля; командир корпуса генерал Р. К. Бангерский) [4].

3-й корпус (до 4 тыс. человек: в их числе армия генерала А. Н. Пепеляева и части армии В. О. Каппеля; командир корпуса генерал Г. А. Вержицкий) [5].

Кроме основных сил в Амурском, Троицкосавском-Ургинском, Акшинском и Маньчжурском районах находились отряды белоказачьих частей всех родов вооружения в примерном количестве 4 тыс. человек.

К декабрю 1921 г., т. е. к началу наступления белогвардейцев под командованием генерала Молчанова из Приморья против ДВР, белая армия в целом сохраняла свой трехкорпусной состав и численность порядка 16–17 тыс. человек. Изменения были незначительны.

Последовавшие в новом 1922 г. наступление НРА и одержанные ею победы под Волочаевкой, Спасском, Монастырищем и другими населенными пунктами вынудили эвакуироваться из Приморья японские войска и белые соединения. На территорию Китая из Приморья перешли Сибирский казачий корпус (в основном казаки Урала и Западной Сибири) под командованием оренбуржца генерала В. А. Бородина и Дальневосточная казачья группа (в подавляющем большинстве казаки Дальнего Востока и остатки Дальневосточной Забайкальской армии) под командованием сибирского генерала Ф. Л. Глебова. Основная часть Сибирского казачьего корпуса перешла границу у г. Хунчуна (городской уезд Яньбянь-Корейского автономного округа китайской провинции Гири, расположенный у границы с Россией (Приморский край) и Северной Кореей (Хамгён-Пукто). – *Прим. автора*), была разоружена по требованию китайских властей и размещена около городов Гирина и Мукдена. Часть из них сразу вступила в находившиеся на территории Маньчжурии белогвардейские организации генералов Шильникова и Сычева, другая расселилась по линии КВЖД, Северной Маньчжурии и Трёхречью, пополнив сформировавшуюся там ранее русскую диаспору [6].

Беженцы из России селились вдоль всей линии КВЖД, но особенно много их было в Харбине, который стал центром северо-восточной российской эмиграции. Численность выходцев из России, покинувших страну в годы революции и гражданской войны, трудно поддается определению. Архивные документы и литература содержат весьма противоречивые данные, что связано с активным перемещением эмигрантов и отсутствием тщательного учета.

По мнению большинства исследователей, количество российских беженцев в Китае в начале 1920-х гг. достигало 200 тыс. человек [7]. В докладе представителя Лиги наций «О положении белой эмиграции», составленном в 1929 г., сказано, что в 1917 г. в Китае насчитывалось 53 310 русских, а в 1918 г. – 59 719, в 1919 – 147 170 человек. В 1922 г. число эмигрантов из России увеличилось еще на 28 477 человек [8]. По современным подсчетам исследователя О. И. Сергеева, в начале 1920-х гг. в Китае их

было 500 тыс. человек [9]. По данным исследователя В. Аварина, в начале 1930-х гг. в Маньчжурии проживало 36 млн человек, из них 150 тыс. граждан СССР, 100 тыс. эмигрантов и около 15 тыс. россиян, принявших китайское гражданство [10]. Известный китаевед Г. Мелихов на этот счет пишет: «Численность российской колонии в Маньчжурии в ноябре 1917 г., как показали выборы в Учредительное собрание, составляла приблизительно 100–110 тыс. человек трудоспособного мужского населения (в том числе 25 тыс. солдат и офицеров, занятых в охране дороги), а вместе с членами их семей не менее 200–220 тыс. человек» [11].

В 1918–1922 гг. наряду с прибытием новых партий беженцев, скорее всего, имел место значительный отлив русского населения из края вследствие колчаковских мобилизаций, формирования здесь белых отрядов Семёнова, Орлова и др. Следует учитывать и обратное ушедших в Сибирь, реэмиграцию русских в другие страны. Динамика движения русского населения может быть представлена в следующем виде: число беженцев, как указывалось выше, значительно возросло в результате падения Омского правительства (1919 г.), общего поражения Белого движения и победы Советской власти в Забайкалье (1920 г.) и на Дальнем Востоке в целом (1922 г.). Данные о русском населении г. Харбина и линий КВЖД (т. е. в её полосе отчуждения) на 1 января 1921 г. приводит Земельный отдел КВЖД: в Харбине – 165 857 человек, на Западной линии – 69 780 человек, на Восточной – 42 614 человек, на Южной – 9 972 человека. Всего – 288 225 человек [12]. По данным переписи, проведенной в Харбине в мае 1922 г., численность его русского населения превышала 200 тыс. человек [13]. В октябре – ноябре 1922 г. последовал новый большой приток беженцев в Маньчжурию из соседнего Приморья. После объявления 3 ноября 1921 г. ВЦИК Советской России амнистии рядовым участникам белогвардейских военных организаций около 100 тыс. человек вернулись из Маньчжурии в Россию. В начале 1920-х гг. имела место широкая реэмиграция русских из Китая в США (только в 1923 г., например, она составила около 10 тыс. человек), в том числе студентов и абитуриентов харбинских средних школ – для продолжения образования: а также неучтенное число в Южную Америку, страны южных морей, Австралию и Европу. В течение 1930-х гг. имел место обратный процесс: в Маньчжурию и в Китай прибывали бегущие от

коллективизации и раскулачивания тысячи беженцев из Забайкалья и Приморья.

Таким образом, численность русской диаспоры, на всем протяжении её существования в Северо-Восточного Китае, не оставалась постоянной величиной. Наиболее близкой к истине, с учетом реэмиграции и репатриации 1920-х гг., по всей видимости, является цифра 250–300 тыс. человек. С данной цифрой соглашаются большинство исследователей темы.

Поздний по сравнению с миграцией на Запад и «остаточный» характер восточной эмиграции отразился на её социальном составе. Как отмечал известный тогда писатель и журналист В. Н. Иванов, поселившиеся в Харбине семьи известных аристократических родов России – князей Львовых, Ухтомских, Голицыных, Воейковых и др., вскоре в поисках более комфортных условий жизни в основном его покинули. Остались и пытались адаптироваться к местным условиям те, кому не на что и некуда было ехать [14].

В процентном соотношении наибольший приток эмигрантов наблюдался в 1920 (29,2 %), 1922 (29,4 %) и 1923 гг. (11,2 %). Среди изучаемой совокупности диаспоры назвались русскими 86,5 %, татарами – 7,1 %, поляками чуть более 1 %, башкирами – около 0,5 %. Имелось также незначительное число украинцев, белорусов, евреев, китайцев, бурят, немцев, армян. Более 3 % эмигрантов не указали свою национальность.

В свою очередь, удельный вес крестьян (44,8 %) и казаков (17,5 %) в дальневосточной ветви эмиграции, был хоть и ниже (62,3 % от всей диаспоры), чем их доля по всей Русской эмиграции (77,5 %) (50), но являлся весьма высоким, поскольку отражал в определенной мере политические настроения и поведение казаков и крестьян указанных регионов в годы революции и Гражданской войны. Эта часть населения на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке состояла в основном из середняков и зажиточных. (На Дальнем Востоке, например, среднее и зажиточное крестьянство насчитывало 67 %, тогда как в центре страны – 35 %) [15]. К мещанам себя отнесли – 9,5 % эмигрантов. Доля рабочих (главным образом из Перми, Ижевска и Воткинска) составила 6,4 %. Дворяне (беженцы из Петрограда, Москвы, Киева и др. городов) – 3,6 %. Высшее офицерство, крупные коммерсанты, высокопоставленные чиновники, члены их семей – 2,35 %. Не

указали своё сословие – 10,9 % анкетированных (возможно чиновники и интеллигенция).

В целом приведенные данные о социально-сословном составе русской диаспоры Северо-Восточного Китая (основывающиеся на анализе анкетных карточек, хранящихся в фондах Государственного архива Хабаровского края) показывают наличие в ней всех социальных слоев дореволюционной России. Большой удельный вес крестьянства и казачества объясняется сложным комплексом социально-экономических, политических, военно-организационных, социально-психологических факторов. Вооруженные силы противостоящих режимов формировались главным образом за счет представителей низших социальных групп, которые и вынесли на себе основную тяжесть Гражданской войны. Поэтому поражение одной из сторон вызвало автоматическую эмиграцию не только представителей проигравшей сражение за власть и собственность элиты, но и сотен тысяч людей, втянутых в события вопреки их желанию.

Революция и Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке внесли серьезные изменения в жизнь русского населения соседней Маньчжурии. Политические изменения, ломка сложившихся экономических связей между регионами, волны беженцев, прибытие сюда большого числа солдат и офицеров белых армий, фактический паралич работы КВЖД, всегда ранее являвшейся экономическим нервом края, – все это значительно осложнило и ухудшило материальные условия жизни русских старожилов полосы отчуждения железной дороги. Это не могло не отразиться самым тягостным образом и на судьбе прибывших сюда многочисленных беженцев.

Перед подавляющей массой беженцев сразу же по прибытии в Китай встали проблемы быта, устройства своей, пусть временной, как они полагали, жизни в чужой стране с её глубокими расовыми, религиозными, нравственными и бытовыми различиями в сравнении с тем, что было на Родине, с чем приходилось сталкиваться когда-либо ранее. Большинство вынужденных переселенцев смотрело на своё пребывание в Китае как на временное – на полгода, на год, – надеясь вскоре, когда все «нормализуется», вернуться назад, в Россию, к своей прежней привычной жизни. И пока только малая часть, наиболее политически дальновидных, отдавала себе отчет в том, что все произошедшее с ними – надолго. Однако даже «временное устройство» было серьезной проблемой.

Среди российских эмигрантов, проживающих в Маньчжурии, образовалось два пласта населения. Первый состоял из русских людей, которые прибыли в Маньчжурию еще до революции и гражданской войны в России. Они относительно безболезненно адаптировались и перешли в эмигрантское состояние автоматически. Другой пласт образовали беженцы из России, прибывшие в Маньчжурию по мере крушения белых армий и фронтов. Вот этот-то пласт населения и принял всю тяжесть первоначальных проблем адаптации.

Незнание и трудности освоения восточных языков, незнакомая культура и среда обитания, невозможность конкурировать с местным населением на рынке труда по причине крайней дешевизны рабочей силы, политическое бесправие – вот далеко не все, что характеризовало положение вновь прибывших беженцев в Китае.

Бесспорно, наличие здесь в Маньчжурии русской диаспоры облегчало адаптацию вновь прибывших русских. В наиболее выгодном положении оказались разного рода предприниматели и коммерсанты, у которых в Маньчжурии были предприятия, фирмы, магазины и которые сумели перевести сюда часть своих капиталов из России. Часть же казачества и крестьян, прибыв в эмиграцию, дополнили уже сложившиеся центры казачьего расселения на территории Барги (Трёхречье), начали основывать новые поселения и станицы, занявшись привычным сельскохозяйственным трудом.

Особую группу представляли, на наш взгляд, рядовой и низший командный состав российской армии и казачества, большинство из которого все последние годы не выпускало из рук оружия (многие с 1914 г.) и уже успело позабыть свои гражданские профессии и трудовые навыки. Этой группе приходилось в эмиграции особенно тяжело: они брались за любую работу, но без профессии и квалификации конкурировать с крайне дешевым местным китайским трудом им было чрезвычайно трудно. Эта невозможность конкурировать в неквалифицированном труде с китайскими чернорабочими (кули) являлась коренной особенностью, отличавшей положение российских эмигрантов в Китае от ситуации, складывающейся для эмиграции в других, особенно европейских странах, российского расселения. На получение работы им можно было рассчитывать только в своей, русской, или иностранной (не китайской) среде. В первое время своего эмиг-

рантского существования эта часть русской диаспоры выжила во многом благодаря помощи благотворительных организаций.

Лучше начальная адаптация происходила у квалифицированной части рабочего класса (в частности, ижевских и воткинских рабочих), ремесленников и людей, обладающих определенными специальностями и трудовыми навыками. Положение квалифицированных специалистов, особенно технического профиля, тоже отличалось в Китае от европейских государств, – но несколько в лучшую сторону. Страна остро нуждалась в них; европейские технические знания ценились в Китае очень высоко. Российские беженцы во многом удовлетворили в них потребности Китайской Республики, внося крупный вклад в её систему образования, техническое развитие и модернизацию [16].

Китайская Восточная железная дорога, будучи российским предприятием, естественно стремилась оказать всемерную помощь в трудоустройстве беженцев, но, разумеется, не могла предоставить работу всем. Основной массе приходилось искать заработок, соглашаясь на любой труд, чтобы прокормить себя и свои семьи. Остро стоял вопрос с легализацией – т. е. с получением от китайских властей временного вида на жительство, позволяющего вообще оставаться в Маньчжурии. Но подлинным бичом являлась на первых порах безработица массы средней и высшей интеллигенции, высококвалифицированных людей: врачей, учителей, инженеров и техников, офицеров и чиновников, не говоря уже о людях без профессий. Для всех даже упомянутое выше «временное устройство» являлось серьезной проблемой. И для той, и для другой группы беженцев, прежде всего было необходимо бороться за выживание, за обеспечение существования в новых условиях – для себя и своих семей, – что для многих отодвигало на задний план продолжение какой-либо политической, а тем более – вооруженной – борьбы против власти, побеждавшей и утверждающейся в России, делая эту борьбу достоянием и делом рук узкой группы «вождей» и их немногочисленных (по меркам всей русской диаспоры) сподвижников.

Примечания

¹ *Серебренников И. И.* Великий отход. Харбин, 1936. С. 125.

² *Фомин В. Н., Фомин К. В.* Белая армия на Дальнем Востоке и в Китае в 1921–1922 гг.: дислокация, численный и командный состав // *Белая армия. Белое дело.* 1997. № 2. С. 36.

- ³ Там же. С. 38.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Серебренников И. И.* Указ. соч. С. 204.
- ⁷ Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945) : сб. док. Южно-Сахалинск, 1994. С. 73.
- ⁸ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 849. Оп. 1. Д. 23. Л. 2.
- ⁹ *Сергеев О. И.* Роль российской эмиграции в хозяйственном освоении Барги (район Северо-Восточного Китая) // Ист. опыт освоения вост. районов России : тез. докл. и сообщений Междунар. науч. конф. Владивосток, 1993. Кн. 2. С. 202.
- ¹⁰ *Аварин В.* Независимая Маньчжурия. М., 1934. С. 13.
- ¹¹ *Мелихов Г. В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1922 гг.). М., 1997. С. 58.
- ¹² ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 135. Л. 4–5.
- ¹³ ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 135. Л. 6–7.
- ¹⁴ *Иванов Вс. И.* Из Харбинского жития. Дело не получило благословения бога. Хабаровск, 1992. С. 334.
- ¹⁵ ГАХК. Ф. 1128. Оп. 1. Д. 135. Л. 12.
- ¹⁶ *Мелихов Г. В.* Российская диаспора и западная цивилизация в Китае // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы : тез. докл. 4-й Междунар. науч. конф. Москва, 6–8 окт. 1993 г. М., 1993. Ч. 2. С. 44–47.

ТЕМА 4

Возрастание японского присутствия в регионе и усиление контроля над русской диаспорой

Японская оккупация Маньчжурии, начавшаяся 19 сентября 1931 г., и создание на её территории марионеточного государства Маньчжоу-Го стали началом реализации японской геополитики, в основу которой был положен принцип Ван-Дао («Императорский путь»). Суть принципа Ван-Дао заключалась в провозглашении Японии «первым государством на земле», а японцев «единственной божественной нацией на земле» [1]. 1 марта 1934 г. Маньчжоу-го было провозглашено империей и стало называться Маньчжоу-Ди-Го.

В осуществлении своей колониальной политики в Маньчжурии японские власти, в известной степени, делали ставку на эмигрантское население этой страны, как наиболее зависимое от прежних китайских властей. Обещая эмигрантам обеспечение их прав, оккупационные власти рассчитывали иметь в их лице союзника для реализации своих планов. Особый интерес для Японии представляла русская диаспора, насчитывающая к началу 30-х гг. около 110 тыс. человек, из которых порядка 60 тыс. были эмигрантами [2]. Учитывая антисоветские настроения эмиграции (в особенности казачества и военных) японские власти рассчитывали использовать её для борьбы с СССР. Не уставая повторять, что японская армия пришла в Маньчжурию для наведения порядка и защиты прав японцев, проживающих на её территории, оккупационные власти подчеркивали своё сочувствие к русским, покинувшим Родину из-за непримиримости к коммунизму. Обещая облегчить условия их жизни, японское командование, однако, дало понять, что это не дает повода русской эмиграции считать Японию «источником политических благ эмиграции» и её «от-

крытым пособником и союзником», так как «от идеологических симпатий до практических мер расстояние огромно» [3].

Политическая жизнь российской эмиграции в Маньчжурии отличалась невероятной пестротой. На территории этой страны скопилось множество антисоветских политических и военизированных организаций (Российский общевойсковой союз – РОВС, Союз монархистов-легитимистов, Дальневосточный союз казаков атамана Семёнова, Союз мушкетеров, Национальная организация русских разведчиков), включая активно действующие партизанские отряды, выполнявшие диверсионно-подрывную работу на территории Советского Забайкалья и Приморья. Политические союзы, партии, объединения вели полемику, ссорились между собою, обвиняя друг друга в пассивности и отсутствии плана спасения Родины. Несмотря на политическую полигамию и присутствие в Маньчжурии многочисленных антисоветских группировок основная масса эмигрантов держалась в стороне от политики, занятая проблемой выживания. Ни один из лидеров эмиграции, ни одна организация не обладали достаточным авторитетом для руководящей роли внутри диаспоры и объединения россиян северо-востока Китая.

Политически разрозненная эмигрантская масса не могла стать надежной опорой Японии в её агрессивных планах против СССР. Перед оккупационными властями встала задача: объединить российскую диаспору в единое целое под эгидой идеологии сильной политической организации, либо административным путем.

Попытки объединить эмиграцию вокруг единой политической организации не удалось. Многие видные общественные и политические деятели не высказывали желаний служить японским интересам, даже если они и несли угрозу большевистскому режиму в России. Поэтому японские власти решили проблему в административном порядке, создав в Маньчжурской империи Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), с целью реформирования существовавших структур самоуправления и создания на этой основе единой системы, которую можно было использовать для всеобъемлющего контроля за жизнью русской диаспоры. Министр народного благополучия Маньчжоу-Ди-Го 28 декабря 1934 г. издал приказ, а 29 декабря 1934 г. согласно резолюции министерства внутренних дел Маньчжоу-Ди-Го Бюро было учреждено как центральный орган, «призванный объединить вокруг себя все те элементы эмиграции, которые не могут относиться

равнодушно к судьбам своей родины» [4]. Таким образом, оккупационными властями был создан общеэмигрантский орган, который должен был представлять интересы всей русской диаспоры перед властями Маньчжоу-Ди-Го.

В положении о деятельности Бюро говорилось: «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи является административным органом этого государства. В его функции входит «руководство во всех отношениях общественной деятельностью различных эмигрантских организаций и отдельных эмигрантов, защита их правовых, экономических и культурных интересов, согласование и урегулирование вопросов, возникающих между отдельными лицами и различными организациями» [5].

Под контролем Бюро к 1937 г. были объединены 142 эмигрантские организации – военные, общественные, культурные, религиозные и др. В структуре Бюро было несколько отделов: 1 – общий, 2 – культурно-просветительный, 3 – административный (с железнодорожным подотделом), 4 – финансово-хозяйственный, 5 – благотворительный, 6 – юридический, 7 – Дальневосточный союз военных.

Без регистрации Бюро эмигрант не мог устроиться на работу, пойти на службу, переехать в другое место или страну, организовывать коммерческие предприятия, нанимать работников и т. д. Все предприятия эмигрантов в Маньчжурии (от мастерских до банков) должны были быть зарегистрированы в Бюро. «Оно охватило все слои эмигрантов, в том числе и казаков, и являлось эффективным инструментом контроля над русской эмиграцией со стороны Японской военной миссии. В картотеке Бюро было зарегистрировано свыше 44 тысяч эмигрантов» [6].

Как уже отмечалось, БРЭМ было создано Японской военной миссией для контроля над представителями всех групп российской эмиграции (в том числе военной) в Маньчжурии. Собрав под свою опеку 163 общественно-политические, корпоративные, национальные, культурно-просветительские и религиозные организации эмигрантов, БРЭМ просуществовало 10 лет, с 1934 по 1944 гг. Задачи его деятельности постоянно уточнялись и корректировались. Бюро вело статистический учет эмигрантского населения, степень обеспеченности его заработком, а также занималось выяснением его политической и гражданской благонадежности.

Регистрации в Бюро подлежали все эмигранты, проживающие на территории Маньчжоу-Ди-Го; им выдавалась личная

книжка с фотографией и номером регистрации, где указывалось место службы, оклад, адрес, несколько страниц документа было отведено под уплату взносов, эмигрантам также выдавался нагрудный знак. Каждым эмигрантом собственноручно заполнялась анкета «Биографические сведения» из 73–87 вопросов. Согласно отчету канцелярии Бюро «На 15 декабря 1935 г. на учете состояло 23 500 человек мужского пола от 17 лет персонально, 163 организации: 2 – политических, 27 – общественных, 26 – научно-профессиональных, 8 – медико-санитарных, 43 – учебных заведений и родительских комитетов, 18 – военных организаций бывших военных, 11 – духовных и 4 – инородческих общин, 15 – благотворительных, 9 – молодежных организаций...» [7]. Все организации до 10 числа каждого месяца обязаны были предоставлять отчеты по специально разработанной форме и их деятельность была поставлена под постоянный контроль как со стороны самого Бюро, так и со стороны русского отдела Японской военной миссии.

Пункт 13 Положения о БРЭМ определял право на снятие с учета «по собственному желанию...», однако в действительности, это было возможным лишь в случае выезда из страны навсегда. Сняться с учета в Бюро и, остаться жить в Маньчжоу-Ди-Го, было равносильно самоубийству, так как отсутствие личной книжки и номерного знака БРЭМ ставило человека вне закона и возбуждало опасный интерес со стороны японской военной миссии и жандармерии. Пункт 5 обязывал всех состоящих на учете «как словом, так и делом, поддерживать и укреплять государственный порядок Маньчжоу-Ди-Го и уважать законы империи» [8]. Находящиеся под защитой Бюро эмигранты обязаны были «всеми средствами содействовать властям Маньчжоу-Ди-Го в их борьбе с коммунистическим интернационалом» и подчиняться распоряжениям Бюро [9]. За нарушение этих обязанностей следовало исключение с учета и лишение эмигрантского паспорта с последующей депортацией из пределов империи.

Формально новый эмигрантский центр подчинялся министру народного благополучия Маньчжоу-Ди-Го, фактически – Японской военной миссии, взявшей на себя его финансирование. Эти факты: подведомственности и финансирования, как руководители Бюро, так и его японские покровители не афишировали. Финансовые поступления прикрывались благотворительностью, вызванной симпатией и сочувствием японских властей к россий-

ским изгоям, оказавшимся на чужбине в труднейших условиях существования. На самом деле, как уже отмечалось выше, организованная под эгидой жесткой власти эмиграция интересовала Японию лишь как союзник в деле претворения в жизнь колониальной политики страны в Восточной Азии и возможной войны с СССР. По поводу источников финансирования в уставе организации говорилось кратко: «Бюро содержится за счет средств, изыскиваемых самим Бюро среди эмигрантов» [10]. Ежемесячный взнос в Бюро для каждого зарегистрированного лица составлял 1 % от заработка или получаемого содержания. Определенную долю в бюджете Бюро представляли доходы от издательской, хозяйственной деятельности, эксплуатации недвижимого имущества, устройства благотворительных мероприятий. Согласно уставу Бюро имело право приобретать, отчуждать и продавать собственность, а также организовывать разного рода торгово-промышленные мероприятия. БРЭМ издавало еженедельную газету «Голос эмигранта» и ежемесячный журнал «Луч Азии». Среди подведомственных Бюро организаций и учреждений были мужская и женская гимназии, богатая по выбору книг и доступная по цене за пользование её фондом библиотека.

На руководящие должности в БРЭМ были назначены представители генеральско-офицерского корпуса царской России, лица, политически благонадежные, отмеченные заслугами в борьбе против Советов, выразившие готовность сотрудничать с оккупационными властями. За период существования БРЭМ с 1934 по 1945 гг. все четыре его начальника (В. В. Рычков, А. П. Бакшеев, В. А. Кислицин, Л. Ф. Власьевский) были генералами и участниками Гражданской войны. Прием служащих в БРЭМ производился из числа членов казачьих, военных и монархических эмигрантских организаций, существовавших тогда в Маньчжурии и принимавших участие в создании Бюро. Сведения о политической ориентации служащих БРЭМ содержатся в анкетах, заполнявшихся ими при поступлении на работу. Анализ 306 анкет, относящихся к 1937–1943 гг., показал, что 23,7 % анкетированных входили в казачьи организации; 20,2 % в Дальневосточный союз военных; 17,4 % – монархические организации; 10,4 % – Российский фашистский союз; 9,7 % – Национальная организация русских разведчиков; 6,9 % – Се-хо-хой (политическая организация, созданная японцами для пропаганды идеи мирного сотрудничества народов); 6,2 % – Союз мушкетеров; 4,9 % – другие органи-

зации, в 0,6 % анкет ответ отсутствует, что объясняется небрежностью лиц, заполнявших анкету, либо отсутствием данного вопроса в самой анкете, так как ряд анкет представляет собой вольное изложение кратких сведений о себе. Кроме штатных работников имелись внештатные служащие и секретные агенты.

Общий отдел БРЭМ контролировал и координировал работу всех отделов Бюро и его Отделений на местах. Культурно-просветительный отдел координировал и осуществлял агитационную работу среди эмигрантов и особенно среди эмигрантской молодёжи. Также этот отдел принимал участие в организации эмигрантских воинских и диверсионных школ, кружков изучения японского языка.

Административный отдел осуществлял регистрацию эмигрантского населения с 14-летнего возраста. Были введены специальные анкеты, в которые заносились автобиографические данные эмигрантов. Также составлялись семейно-имущественные списки, в которых указывались: 1) номер по порядку и номер семьи, 2) адрес, 3) фамилия, имя, отчество главы семьи и всех проживающих с ним, 4) даты рождения всех членов семьи, 5) имущество недвижимое, 6) движимое имущество, 7) перечень сельскохозяйственных орудий, 8) сёдла, 9) экипажи (телеги, сани и т. д.), 10) двигатели и моторы, 11) посевная площадь по культурам. Этим же отделом выдавались личные эмигрантские книжки и специальные удостоверения для получения полицейских виз. Удостоверения утверждались печатью начальника 3-го отдела Японской военной миссии. Копии удостоверений оставались в Бюро, которое, кроме прочего, вело наблюдение и учёт куда, зачем и сколько раз выезжал за границу эмигрант. Этот же отдел выдавал рекомендательные письма для получения работы, а также нагрудные, жилищные, тележные и особые значки. Эмигрантский нагрудный знак имел форму щитка с трёхцветным российским флагом (бело-сине-красный). На лицевой стороне имелся иероглиф, обозначающий территорию приписки. На внутренней стороне ставился номер знака. Жилищные и другие знаки имели круглую форму, были окрашены в белый цвет, в центре выштамповывался номер. Номер нагрудного значка вписывался в паспорт эмигранта красными чернилами в верхнем правом углу первого листа под фотографией. Эти значки выдавались с 8-летнего возраста. Кроме вышеназванного административный отдел БРЭМ рекомендовал кандидатов из населения на должности сотских и

десятских самоохраны (которые, кроме прочего, были обязаны собирать информацию для японской разведки). После проверки благонадёжности их утверждали начальник Бюро и японский советник, который предоставлял их на утверждение в Японскую военную миссию.

Финансово-экономический или хозяйственный отдел ведал финансовыми и коммерческими делами, а также отвечал за сбор 1%-ного налога с эмигрантов и фуража для японской армии. Благотворительный отдел ведал приютами для сирот и богадельнями для престарелых (расформирован в 1944 г.). Юридический отдел БРЭМ производил разбор всевозможных судебных и бракоразводных дел.

7-й отдел был организован в 1935 г. по инициативе Японской военной миссии. Дальневосточный союз военных ставил перед собой цель: «соединить в одно целое кадры российской императорской армии на Дальнем Востоке, привлечь в свои ряды молодёжь, имеющую склонность посвятить себя военной службе... Изыскание средств и работы для материальной поддержки членов союза и ... моральное объединение членов союза, воспитание и поддержание в них неуклонного стремления к борьбе с коммунизмом и воссозданию великой императорской России». Дальневосточный союз военных был создан, с одной стороны, чтобы организовать офицерство и казачество, не вошедшее в Союз казаков, а с другой стороны, чтобы создать этому союзу противовес и не концентрировать слишком большие силы российской военной эмиграции под одним началом. Более того, японцы реорганизовали созданный до них Союз казаков на Дальнем Востоке в Союз казаков в Восточной Азии (1933) и перенесли его администрацию из Харбина в Хайлар. Следующим шагом стало подчинение Союзу казаков всех казачьих объединений и станиц, которые раньше входили в Восточный казачий союз. И это было не случайно, так как ВКС был плотно связан с казачьими объединениями в Европейских странах, которые были в конфронтации с Германией и её союзницей Японией. Поэтому Восточный казачий союз был упразднён, а его структурные единицы вошли в Союз казаков в Восточной Азии.

Без регистрации Бюро эмигрант не мог устроиться на работу, пойти на службу, переехать в другое место или страну, организовывать коммерческие предприятия, нанимать работников и т. д. Все предприятия эмигрантов в Маньчжурии (от мастерских

до банков) должны были быть зарегистрированы в Бюро. Оно охватило все слои эмигрантов, в том числе и казаков, и являлось эффективным инструментом контроля над русской эмиграцией со стороны Японской военной миссии. В картотеке Бюро было зарегистрировано свыше 44 тыс. эмигрантов.

В начале своего существования Бюро имело достаточно простую структуру: во главе его стоял начальник, в ведении которого находились канцелярия и четыре отдела: 1 – переселенческий, 2 – информационный, 3 – административный, 4 – хозяйственно-финансовый. Переселенческий отдел занимался «сельскохозяйственным устройством эмигрантов и расселением их на участках, предоставленных правительством» [11]. Начальником отдела был назначен генерал-лейтенант А. П. Бакшеев – глава Дальневосточного союза казаков [12]. Информационный отдел был создан для идеологической обработки населения. Его начальником с первых дней существования по март 1942 г. был «вождь» дальневосточных фашистов К. В. Родзаевский, длительное время пользовавшийся покровительством японцев [13]. Административный отдел занимался регистрацией эмигрантов, оформлением паспортов, выполнял формальности, связанные с переходом беженцев из СССР в эмигрантское состояние. Возглавил этот отдел Н. Р. Грассе. В сферу деятельности 4-го отдела, которым руководил войсковой старшина Иркутского казачьего войска М. Н. Гордеев, входили экономические проблемы русских эмигрантов. Первым председателем Бюро стал генерал-лейтенант Генерального штаба В. В. Рычков, находившийся на этом посту с 9 января 1935 г. до своей кончины 22 августа 1935 г.

Нагрудный знак № 1 Бюро принадлежал официальному представителю «вождя» российской эмиграции в Маньчжурии атамана Семёнова – генерал-майору Л. Ф. Власьевскому [14]. Сам «вождь» не мог встать на учет в Бюро по той причине, что не имел к этому учреждению юридической принадлежности, поскольку проживал под Дайреном на территории японской концессии. Выбранный японцами как символ антибольшевистской борьбы он постоянно находился под их надзором.

Уже к лету 1935 г. для руководителей БРЭМ и его японских покровителей стало очевидным, что структура Бюро требует усовершенствования. Объективно это было вызвано сложностью и масштабом задач, которые предстояло решить Бюро в процессе организации жизни российского эмигрантского населения в

Маньчжоу-Ди-Го. Кроме того, БРЭМ, как общеэмигрантский центр, созданный японскими властями и зависимый от них, являлся, тем не менее, своеобразным «эмигрантским правительством», аналогов которому во всем русском зарубежье не было. При отсутствии опыта требовалось время для поиска нужных организационных форм. Со своей стороны, Японская военная миссия, стремилась усовершенствовать БРЭМ, чтобы наилучшим образом приспособить его для решения своих собственных задач.

К 1935 г. структура Бюро усложнилась и имела следующий вид: начальник (после смерти Рычкова им стал Бакшеев), эмигрантский совет (из представителей общественности Маньчжоу-Ди-Го) как совещательный орган, по всей видимости, должен был продемонстрировать уважение официальных властей к эмигрантской общественности, канцелярия и 6 отделов. Было создано 2 новых отдела: благотворительный и железнодорожный, расширены функции информационного отдела, который стал именоваться культурно-просветительским и информационно-осведомительским. В августе 1935 г. отделения Харбинского бюро работали в Маньчжурии, Синьцзине, Дайрене, Хайларе, Трехречье, Бухэду, Чжаланьтуне, Цицикаре, на ст. Пограничная. В 23 населенных пункта, где имелось русское население, работали представительства бюро и его отделений. Позднее деятельность БРЭМ распространилась на все населенные русскими пункты Маньчжурии, а в таких городах, как Хайлар, Муданьцзян, Цицикар и т. д., открылись районные бюро с собственными отделениями и представительствами на местах. В 1940 г. Харбинское бюро стало называться Главным бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. Соответственно численность штата Бюро возрастала по мере усложнения его аппарата (увеличение числа отделов, появление подотделов, президиума, секретариата и т. д.) и включения в орбиту деятельности новых населенных пунктов. «В марте 1936 г. на службе в харбинском Бюро числилось 215 человек. В 1944 г. аппарат Главного Бюро в Харбине насчитывал до 250 человек и около 360 человек в 1945 г.» [15].

С 1 октября 1935 г. при Бюро стал функционировать арбитражный суд, в сферу юрисдикции которого входило «разрешение разного рода споров и недоразумений, возникающих между российскими эмигрантами, проживающими на территории Маньчжурской империи» [16]. Суд состоял из 9 судей, 3 кандидатов и 3 секретарей. Слушание дела проходило в присутствии трех су-

дей и секретаря. Для возбуждения дела истцу достаточно было подать заявление в канцелярию Бюро. Все должностные лица суда назначались приказом начальника Бюро, причем должность судьи предполагала юридическое образование или судебный стаж. Официально деятельность арбитражного суда распространялась на всех эмигрантов, проживающих на территории Маньчжурии, однако, фактически, его услугами пользовались лишь жители Харбина.

Создание БРЭМ повлекло за собой ликвидацию ряда эмигрантских организаций, начались аресты, которые шли преимущественно по линии правления Харбинской национальной общины и Русского общевоинского союза. Всего было арестовано около 40 видных деятелей эмиграции. Им инкриминировались «вредительские выступления против БРЭМа, Маньчжоу-Ди-Го и разложение эмиграции» [17]. Задержание лидеров было кратковременным и преследовало цель развалить Дальневосточное объединение эмиграции – русский краевой национальный антикоммунистический центр, возглавляемый Д. Л. Хорватом. Программа Дальневосточного объединения эмиграции несла идею о «неделимости России при её возрождении» [18], что не могло устраивать японцев. Своей цели японцы достигли, лидеры ряда политических и общественных организаций <...> после освобождения выехали из Маньчжурии в Шанхай.

Деятельность Бюро бдительно контролировалась японской военной миссией через своего представителя, который на правах советника входил в состав президиума организации. Так, на одном заседании в мае 1936 г. члены президиума слушали «указания советника Бюро капитана Оноучи относительно замеченных им недочетов в работе Бюро». В итоге начальникам отделов в срочном порядке было предложено произвести обследование служащих отделов в «отношении их политической благонадежности» [19].

Вместе с японскими организациями «Кюовакай» (Се-хо-хой – японское произношение иероглифов) культурно-воспитательный отдел БРЭМ занимался идеологической обработкой эмигрантов в духе антисоветизма, антикоммунизма и преданности Японии за то «сочувствие» и «заботу», которую японские власти проявляют в отношении россиян, проживающих в Маньчжоу-Ди-Го. Для формирования у населения чувства «благодарности» к Стране восходящего солнца и распространения японского образа жизни власти создали Комиссию японо-русского сближения, которая

разрабатывала программу мероприятий для осуществления поставленной задачи. На местах, при учебных и общественных заведениях эмигрантов была создана сеть кружков с аналогичным названием, где изучались история, культура и язык Японии, разъяснялась современная политическая ситуация и т. д. Обязательным стало участие эмигрантского населения в национальных праздниках и торжествах Японии и Маньчжоу-Ди-Го, в антисоветских и антикоминтерновских акциях, устраиваемых культурно-просветительским отделом БРЭМ и «Киовакай».

После того, как в ноябре 1936 г. Япония стала участницей «антикоминтерновского пакта», тем самым, взяв на себя роль буфера против проникновения коммунизма в Восточную Азию, а также после известных событий на оз. Хасан и р. Халхин-Гол в 1938–1939 г., военная миссия усилила нажим на второй отдел БРЭМ, требуя активизации антикоммунистической работы с эмигрантами. Особая роль при этом отводилась воспитанию молодежи как категории населения, наиболее подверженной «вредному влиянию коммунистической пропаганды». В учебных заведениях стали регулярно проводить контрольные работы для выявления политической зрелости учащихся. Так, например, в 1939 г. старшие классы народных школ писали сочинения на тему: «Почему мы не живем в России». Выпускники повышенных народных школ – «Что коммунисты сделали с Россией». Учащиеся последних классов высших народных школ – «Разрушительная работа Коминтерна в России, в Азии и во всем мире и как с ней бороться» [20]. Курировал проведение работ лично начальник культурно-просветительского отдела К. В. Родзаевский.

С целью вовлечения молодежи в политическую борьбу в августе 1939 г. при БРЭМ был создан антикоммунистический союз российской дальневосточной молодежи. Антикоммунистический союз, по замыслу его организаторов, должен был стать общеэмигрантской молодежной организацией – антиподом комсомола. Судя по всему, этой цели японские власти не достигли. Всевозможные молодежные организации продолжали создаваться и требования официальных властей о концентрации усилий БРЭМ на воспитании у молодого поколения эмигрантов чувства преданности Маньчжоу-Ди-Го и Японии звучали все настойчивее.

Для подготовки к возможной войне, в учебных заведениях была введена военная подготовка. Через регистрационный отдел все мужское население российской эмигрантской колонии было

строго учтено. Лица призывного возраста проходили специальную подготовку в военно-полевых условиях. Японская военная миссия призывала русских юношей для службы в полицейских, охранных, диверсионно-разведывательных отрядах. В 1938 г. на ст. Сунгари-2 был развернут русский Отряд Асано, а к концу 1943 г. на территории Манчжурии существовали три русских воинских отряда. В задачу Бюро входил учет призывного населения и пропаганда русских воинских отрядов.

В покаянном письме к И. В. Сталину лидер русских фашистов в Манчжурии К. В. Родзаевский, хорошо информированный о деятельности Бюро, писал о нем, как о «фактическом русском отделе японской военной миссии» [21]. Действительно, Бюро выполняло для Японской военной миссии обязанности и разведывательного характера. Через сеть своих представителей Бюро знало, что делалось по всей эмиграции в Манчжурии и Китае. Вся ценная для Японской военной миссии информация поступала через Главное управление Бюро в Харбине. Его представители обязаны были ежедневно являться с рапортами в военную миссию. Таким образом, по-видимому, собирался для военного министерства в Токио разведывательный материал по Манчжурии, Забайкалью и русскому Дальнему Востоку. Часть этих сведений поступала от белых партизан, ходивших на советскую территорию по поручению Бюро или Российской фашистской партии.

Деятельность Бюро подвергалась критике и негативной оценке со страниц русских газет Китая. «Глубоко вредную работу проводят в Харбине безответственные лица, ставшие во главе пресловутого бюро... Эти «лидеры» не пользуются доверием общественности и ведут противорусскую политику», писала в октябре 1935 г. шанхайская газета «Новый путь» [22].

Для подобной оценки деятельности БРЭМ по-видимому были основания: созданное японской военной миссией Бюро в своей деятельности не могло выходить за рамки, предписанные японскими хозяевами. В штатах Бюро, его отделений и представительств работали разные по политическим убеждениям и личным качествам люди. Первые – преданно служили японским властям, делая карьеру путем сделки с собственной совестью, вторые, оставаясь русскими патриотами, пытались своей деятельностью облегчить участь соотечественников, третьи, получали «просто работу» – средство к существованию.

Несмотря на обвинительно звучащую критику со страниц эмигрантских изданий за сотрудничество с японцами, Бюро занималось конкретной работой, значение которой в жизни маньчжурских россиян не подлежит сомнению. Несмотря на жесткие тиски оккупационного режима, БРЭМ стремилось сохранить русские корни эмиграции, воспитывать в русском духе молодое поколение. Своеобразным завещанием русской молодежи стала книга В. А. Кислицина «Пути русской молодежи», вышедшая уже после смерти автора в 1944 г. Адресованная молодым, она отражает тревогу «отцов» за своих «детей», не знавших старой России, выросших в условиях восточной страны, культура которой так не похожа на русскую. «Наш долг... пробудить в них сознание гордости своей страной и народом. Мы должны сделать из них русских», – писал В. А. Кислицин [23]. Похожую цель ставил перед собой и культурно-просветительский отдел Бюро во главе с Родзаевским. Личность фашиста К. В. Родзаевского весьма противоречива и однозначной оценке не подлежит, как и деятельность его отдела в целом. С одной стороны, К. В. Родзаевский – верный слуга японцев, ярый антисемит, фанатик фашистской идеи, готовый ради её осуществления пойти на союз с кем угодно, скандально известный в Харбине своим участием в темных делах мафии, похищении людей и убийствах. С другой стороны, К. В. Родзаевский ходатайствовал перед властями об открытии детских площадок и летних лагерей для детей из бедных семей, организовывал смотры молодых эмигрантских талантов и гастроли победителей этих смотров по стране, навлекал на себя гнев высокого начальства попыткой противодействовать реформе просвещения 1937 г., урезавшей возможности получения высшего образования для эмигрантов. В конце 1941 г. второй отдел стал инициатором создания оперного театра в Харбине. «Если нашей молодежи дать шанс поработать в опере, многие ныне известные певцы и певицы, вероятно, станут большими артистами», – писал К. В. Родзаевский в рапорте начальнику БРЭМ по поводу организации «Харбинской оперы» [24]. В условиях военного времени 1941–1945 гг. Япония сократила финансовую поддержку БРЭМ, поставив и без того скудный бюджет Бюро в жесткие рамки. Поэтому создание оперного театра потребовало больших материальных затрат и организационных усилий.

Под руководством БРЭМ эмиграция ежегодно отмечала российские национальные праздники, связанные с историей и куль-

турой страны, а также православные религиозные праздники. Инструкция по культурной работе устанавливала перечень официальных праздников для российской эмиграции: День Св. Владимира – День русской православной культуры (28 июля), День памяти российских героев (11 сентября), День непримиримости (7 ноября), День Св. Георгия Победоносца – праздник российских воинов (6 мая) и др. В этой же инструкции говорилось о том, что задача культурной работы состоит «в выработке общего сознания всех национальностей российской эмиграции, в изучении сущности русской культуры, в заботливом сохранении наследия предков и пополнении этого наследия новыми культурными сокровищами» [25]. Часто устраивались лектории на темы русской истории, организовывались театрализованные представления, вечера русской музыки и поэзии и т. д. В 1930–1940 гг. БРЭМ являлся механизмом этнокультурного воспроизводства русской диаспоры, усилиями которого открывались и поддерживались школы, творческие коллективы, пропагандировались русская литература и искусство.

Главным результатом культурно-просветительской работы Бюро явилось то, что молодое поколение эмигрантов, не знавших России, выросло русскими. И поэтому национальное самосознание, воспитанное на идеалах русской культуры и русских традициях, плюс тяжелое материальное положение, отодвигавшее политику и идеологию на второй план, в конечном итоге, перевешивало всю мощь японской пропагандистской машины.

Роль Бюро в судьбе русской эмиграции не ограничивалась культурно-просветительской деятельностью. Создавая эту организацию, японские власти преследовали свои собственные цели, но, невольно, способствовали объединению русской диаспоры в единый организм, представляя её лидерам возможность сконцентрировать усилия на решении жизненно важных проблем эмиграции.

Практика свидетельствует, что с 1935 г., жизнь русской диаспоры Северо-Восточного Китая оказалась привязанной к Бюро. Без его санкции нельзя было устроиться на работу, перемещаться по стране и за её пределы, создать общественную организацию, открыть своё дело и предприятие. Трудно было привыкнуть к пресмыкательству перед японскими властями, ношению униженных «собачьих» номеров – так называли эмигранты обязательные номерные значки, которые получили все зарегистрированные в БРЭМ, обязательному участию в политических акциях,

устраиваемых Японской военной миссией и т. п. С другой стороны, в БРЭМ каждому эмигранту можно было прийти с просьбой о помощи, в поисках защиты нарушенных прав, с ходатайством об устройстве ребенка, потерявшего родителей.

В начале 1930-х г. 20–25 % российских эмигрантов не имели работы [26]. Эта же цифра фигурирует в отчете начальника шестого отдела Бюро М. А. Матковского в декабре 1935 г. Безработица – одна из важнейших проблем, которую, по мере своих возможностей, решало Бюро в 1930-х – начале 1940-х гг. С декабря 1935 г. в шестом отделе начал работать трудовой подотдел, занимавшийся учетом безработных и их трудоустройством. Для решения проблемы безработицы организовывались трудовые артели, изыскивалась работа по подрядам, создавались крестьянские, пчеловодческие, садоводческие хозяйства. Кроме этого, усилиями Бюро был создан фонд помощи безработным, который формировался из однопроцентных отчислений от заработка лиц, получивших работу с помощью Бюро, а также из благотворительных вкладов населения. Трудовым подотделом была организована касса взаимопомощи и служба охраны труда несовершеннолетних. Аппарат БРЭМ обеспечивал рабочими местами около 400 человек – в 1936 г. и более 600 человек – в 1940-х гг. Согласно официальным данным, к 1942 г. Бюро удалось свести количество безработных к минимуму. Тем самым Бюро оказало в вопросе трудоустройства безусловную помощь эмигрантам, несло в данном случае позитивные моменты, поскольку оставшийся без работы обрекал себя и свою семью на голодную смерть.

Бюро встало на защиту своих соотечественников, когда по приказу Японской военной миссии у них были отобраны охотничьи ружья. В своем ходатайстве оно указало, что охотой 2,5 тыс. эмигрантов добывают своим семьям пропитание, и просило Японскую военную миссию вернуть ружья их владельцам [27]. И данное заступничество тоже можно поставить Бюро в заслугу.

Конечно, японская военщина и маньчжурские власти далеко не всегда считались с Бюро. Следует признать, что помощь БРЭМ и благотворительных организаций касалась сравнительно небольшой части нуждавшихся в ней российских эмигрантов. Это признавалось в докладе начальника 5-го отдела Бюро: «Та помощь, которая оказывается в настоящее время бедным русским эмигрантам благотворительными учреждениями г. Харбина, далеко не удовлетворяет всей той нужды, которая имеет место сре-

ди русской эмиграции. Нужда эта слишком велика и разнообразна... Большая часть бедных людей, жаждущих какой угодно работы и за какую угодно плату, принуждены владеть голодное существование, ютятся в сырых полуподвальных квартирах» [28]. В архиве Бюро сохранились некоторые письма и обращения, свидетельствующие о бедственном положении эмигрантов. Бывший читинский городской голова, полковник Забайкальского казачьего войска А. М. Такмаков в своем письме, адресованном Бюро в 1935 г., писал: «Городская больница почти недоступна для бедноты... умирающих бездомных вопреки христианскому православному обряду сваливают в общую яму в своих отрепьях без гробов и отпевания» [29]. Но все же при скудном финансировании 5-й благотворительный отдел БРЭМ имел собственную амбулаторию, в которой неимущие эмигранты могли получить бесплатную медицинскую помощь. Кроме этого, Бюро содержало приют для хронических больных и, совместно с Серафимовской благотворительной столовой, Иннокентьевским ночлежным домом, отпускало средства на лечение бедняков и сирот в больницах Харбина, оказывало регулярную и единовременную помощь нуждающимся эмигрантам. В сферу забот благотворительного отдела входило и захоронение лиц, не имевших родственников [30].

После очередной реорганизации БРЭМ в 1943–1944 гг., круг полномочий этой организации был значительно сокращен, ужесточился контроль эмигрантским населением со стороны властей. По требованию Японской военной миссии, Бюро должно было сконцентрировать своё внимание на военно-воспитательной работе с молодежью, в связи с чем в структуре Бюро появился военно-воспитательный отдел под руководством полковника Н. Б. Коссова. В задачу отдела входила пропаганда и агитация эмигрантской молодежи к службе в военных формированиях в составе армии Маньчжоу-Ди-Го, а также обеспечение набора новобранцев в эти формирования. В осуществлении поставленных задач принимали участие 3-й (административный) отдел Бюро и Дальневосточный союз военных. Работа по созданию вооруженных формирований, обучение бойцов и командиров, обеспечение функционирования этих формирований входили в сферу компетенции Японской военной миссии. С введением всеобщей воинской повинности на территории Маньчжоу-Ди-Го служба эмигрантов призывного возраста стала обязательной. Уклонение от

призыва могло окончиться подвалами японской жандармерии или физическим уничтожением.

Значение БРЭМ в жизни российской эмиграции стало особенно заметным в годы Второй мировой войны. Власти запретили торговым организациям отпускать эмигрантам мясо, рис и другие продукты питания. В аптеках русским врачам ограничили отпуск медикаментов. Не хватало транспортных средств для скорой медицинской помощи. Эти, особенно продовольственные, и множество других важных проблем и вопросов обострили ситуацию. Бюро, удалось упорядочить снабжение продуктами первой необходимости, тысячи эмигрантов избежали голодной смерти. Даже после того, как в 1943 г. Японская военная миссия взяла на себя общее руководство жизнью эмиграции, превратив Бюро полностью во вспомогательную структуру [31], круг задач, решаемых этой организацией, был по-прежнему широк и злободневен. Февральский съезд 1944 г. районных начальников Бюро рассмотрел вопросы: закупка предметов первой необходимости, состояние рынка на местах, снабжение продовольствием эмигрантского населения, проблемы переселенцев, «изыскание новых возможностей приложения труда», организация заботы о детях, матерях, бедняках и престарелых и т. д. [32]. Таким образом, БРЭМ оставалось единственной организацией, где эмигрант мог реально найти поддержку и понимание.

Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ) – явление уникальное и противоречивое, не имеющее аналогов в истории русского зарубежья. С одной стороны, в условиях жесткого оккупационного режима этот общеэмигрантский центр, созданный и финансируемый Японской военной миссией служил её политическим планам, с другой стороны, именно эта организация спасла российскую эмиграцию от «распыления», объединив их в одно целое, и, в меру своих сил, стала защитником её культурных, правовых и экономических интересов.

Таким образом, можно сделать вывод, что русская диаспора Северо-Восточного Китая начала складываться и во многом сложилась задолго до основного наплыва эмигрантов после революционных событий и Гражданской войны в России. Это в значительной мере облегчило участь представителей постреволюционной эмиграции в этом регионе, которые, с одной стороны, оказались в инокультурной, инополитической, иноязычной, инациональной среде, а с другой – могли использовать и широко ис-

пользовали опыт и систему связей своих соотечественников, давно обосновавшихся в Китае. Естественно, что это оказало положительное влияние на процесс адаптации эмигрантов на этом месте. Вместе с тем национальный, социальный, конфессиональный, территориальный состав российской эмиграции в этом регионе был неоднороден. Одним группам было проще, другим – сложнее. Такой группе, как интеллигенция пришлось сложнее, таким как крестьянство и казачество – проще. Во многом этому способствовали развитая земледельческая культура, уклад жизни и система сельских социальных связей у последних двух групп. Однако, сравнивая эти элементы русской эмиграции региона, надо отметить, что казаков, кроме прочего, отличало наличие воинской культуры (что давало возможность служить в армиях принимающей страны) и традиционной казачьей войсковой консолидированности (что защищало от «распыления» в новых условиях и давало возможность стать объединяющим началом в политической жизни диаспоры). Именно это привело к тому, что японская оккупационная администрация в работе с русской диаспорой Северо-Восточного Китая сделала ставку именно на казачество, что в итоге привело к достаточно своеобразным результатам.

Примечания

¹ Белоусов С. Дважды перевербован // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 5. С. 136.

² ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 218. Л. 5.

³ Заря. Харбин, 1932. № 43. С. 7.

⁴ Дубинина Н. И. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции / Н. И. Дубинина, Ю. Н. Ципкин // Белая армия. Белое дело. 1996. № 1. С. 78.

⁵ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁶ Там же.

⁷ Водопьянов А. Дальневосточная эмиграция. БРЭМ / А. Водопьянов // Русские в Китае. 1999. № 16. С. 14.

⁸ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 19. Л. 8.

⁹ Там же.

¹⁰ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

¹¹ Великая Маньчжурская империя. Харбин, 1942. С. 293.

¹² Дальневосточный союз казаков в ряде документов именуется Союзом казаков на Дальнем Востоке. В Маньчжурии его возглавлял А. П. Бакшеев. Главой Союза, распространявшего свою деятельность не только на Маньчжурию, но и за её пределы, являлся атаман Семёнов.

¹³ РФП (РФС) пользовалась покровительством со стороны Японской военной миссии. В 1940 г. по политическим соображениям японские власти пере-

вели РФС на полулегальное положение, а в июне 1943 г., в связи с успехами СССР на фронтах Великой Отечественной Войны, деятельность РФС была ликвидирована.

¹⁴ Японские власти провозгласили «вождем» русской эмиграции в Маньчжурии атамана Семёнова. В списке претендентов на роль «вождя» значились: Н. Л. Гондатти, В. А. Кислицын, Г. А. Вержбицкий, А. П. Бакшеев, К. В. Родзевский.

¹⁵ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 145. Л. 115–153; Д. 216. Л. 1–14.

¹⁶ Положение об арбитражном суде при Бюро российских эмигрантов в Маньчжурской империи. Харбин, 1935. С. 1–2.

¹⁷ Аресты в Харбине // Харбинское время. 1935. 16 авг.

¹⁸ *Аблажей Н. Н.* Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск, 2003. С. 136.

¹⁹ Архив РУ ФСБ по Читинской области. Д. № 69. С. 15.

²⁰ Там же. Д. № 63. С. 21.

²¹ Письмо К. В. Родзевского И. В. Сталину // Отечеств. история. 1992. № 3. С. 97.

²² Новый путь. Шанхай, 1935. 14 окт.

²³ *Кислицын В. А.* Пути русской молодежи. Харбин, 1944. С. 13.

²⁴ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 60. Л. 325.

²⁵ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 73. Л. 16.

²⁶ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 218. Л. 19.

²⁷ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.

²⁸ Там же.

²⁹ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

³⁰ Великая Маньчжурская империя. Харбин, 1942. С. 295.

³¹ Реорганизация БРЭМ была предпринята Японской военной миссией после того, как стал очевидным коренной перелом на советско-германском фронте.

³² ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 189. Л. 44, 47.

ТЕМА 5

Казачья эмиграция в социально-экономической жизни русской диаспоры

В составе эмиграции на территории Северо-Восточного Китая были представлены все слои общества дореволюционной России. Самую большую часть русской эмиграции составляли трудовые массы населения – 68,7 %, из них крестьяне – 44,8 %, рабочие – 6,4 %, казаки – 17,5 %. Доля других сословий была незначительной – дворян насчитывалось 3,6 %, на высшее духовенство, крупных коммерсантов, высокопоставленных чинов и их семей приходилось 2,35 %, мещан было 9,5 % [1]. Казаки с семьями составляли 17,5 % состава русской эмиграции в Маньчжурии в 1922–1923 гг., это свыше 20 тыс. человек [2]. Однако этот показатель не был стабильным. Если в течение 1920-х гг. количество казаков несколько сократилось, так как многие из них возвратились на Родину ввиду целого ряда амнистий, а часть приняла китайское подданство, то в 1930-е гг. вновь наметился приток казаков ввиду разворачивавшейся на Родине в СССР сплошной коллективизации и репрессивной политики власти.

В свою очередь состав казачьей эмиграции был неоднородным – тут были рядовые станичники, офицеры (нередко с дворянским титулом), священнослужители, интеллигенция, разночинцы и т. д. Неоднородны были казаки по национальному составу (русские, украинцы, калмыки, татары, буряты и др.), соответственно различными были и религиозные конфессии (православие, старообрядчество, ислам, буддизм). Подавляющее число казаков были русскими и исповедовали православие. Неоднородным был и территориальный состав казачества, и хотя большинство казаков в Северо-Восточном Китае были выходцами из Забайкалья (в частности, в Трёхречье их было до 90 %), также в этих пределах нашли своё пристанище выходцы практически из всех казачьих войск дореволюционной России: Донского, Кубанского, Терского, Уральского, Амурского и др. Одних только

оренбургских казаков в эмиграции в 1923 г. на заграничном Дальнем Востоке насчитывалось более 5 тыс. человек. Из них 500 человек было в Харбине в полосе отчуждения КВЖД, 150 человек – в лагерях Гирина, 100 человек в лагере Чань-Чуня, 50 человек в лагере Южсина, 800 – в Маньчжурии, 700 – в лагере в Сайдине, 500 – в лагере в Гучене, 1200 в Западном Китае в Кульдже и т. д. [3].

Заметно ухудшило правовое и политическое положение казаков-эмигрантов установление советско-китайских дипломатических отношений в 1924 г. и введение совместного управления КВЖД. В силу этих и других причин определённая часть россиян и в том числе казаков эмигрировали в Австралию, США, страны Латинской Америки. По данным переписи на 1 апреля 1940 г. проведённой Бюро по делам российских эмигрантов, всего в Маньчжурии насчитывалось около 72 тыс. эмигрантов, причем учитывались лица мужского пола от 16 лет [4]. В это же время средняя рождаемость в русских эмигрантских семьях составляла 30 человек на 1 тыс., а смертность – 31 человек на 1 тыс. человек [5].

Отличительной особенностью казачьей эмиграции (как уже говорилось выше) было то, что казачество не растворялось в основной массе русских эмигрантов, а проживало, как правило, обособленно в зарубежных казачьих станицах, объединялось вокруг своих станичных и войсковых атаманов. То есть и на чужбине продолжали играть свою консолидирующую роль казачья воинская организация и станичный уклад жизни. Как писал в те годы один из эмигрантских авторов: «В эмиграции известная спайка есть только у казаков, вся остальная эмиграция, почти вся без исключения, разрозненная, политиканствующая пыль» [6]. И с этим утверждением соглашаются большинство исследователей темы.

Начало 1920-х гг. было, пожалуй, самым тяжёлым периодом в организации быта и хозяйственной деятельности казаков на чужбине. Это усугублялось и тем, что местная власть часто препятствовала организованному расселению казаков, видя в них потенциальную военную угрозу. Не очень дружелюбно встретило такой поток эмиграции и местное население. Для оказания помощи российским эмигрантам и в том числе казакам в Маньчжурии создавались общественные и благотворительные организации. «Особенно важна их деятельность была в Китае, где со стороны

центральных и местных органов власти эмигрантам ждать помощи не приходилось» [7].

Характер казачьей общественной организации в значительной мере помог им консолидироваться и заняться активным обустройством жизни на новой территории. Опираясь на военную, по сути своей, организацию жизни, они смогли в достаточно короткие сроки обустроить своё хозяйство. При этом казаки стремились консолидироваться по войсковому принципу (дончаки с дончаками, забайкальцы с забайкальцами и т. д.) и воссоздавали системы войскового и станичного управления общественной жизнью и хозяйством как то было на Родине. Примером удачного использования земляческого и войскового начал при адаптации в новых условиях может служить опыт Енисейской казачьей станицы в Харбине, созданной в 1923 г. Испытывая на первых порах серьёзную материальную нужду, казаки-енисейцы не растерялись, не пали духом и «держась дружною семьёй около старших руководителей» сразу же организовали трудовое объединение, что позволило им закупить лошадей, составить программу джигитовки и ездить с ней на гастроли, зарабатывая тем самым деньги для себя и станицы. Причём эти выступления проходили не только в Китае, но и на Филиппинах, как то было в 1923 г. [8]. Оставшаяся в Харбине часть казаков-енисейцев занялась извозом и работой на лесных концессиях, некоторые из них поступили на службу в частные фирмы и правительственные учреждения «везде зарекомендовав себя с лучшей стороны» [9]. По прошествии некоторого времени эти казаки создали Енисейскую станицу в Харбине (просуществовала до 1945 г.) которая играла важную роль в вопросах духовной и материальной поддержки казаков.

На новом месте казаки-эмигранты занимались главным образом подённой работой, земледелием, скотоводством, охотой и рыбной ловлей, извозом, торговлей, лесозаготовками и строительством, службой в частных и государственных учреждениях, а также собственно военной казачьей службой. В частности, в г. Маньчжурия после первичного обустройства, большая часть эмигрантского населения была занята домашним хозяйством (свыше 150 хозяйств), торговлей (около 60 предприятий), имелось 50 домовладельцев, живших на доходы от недвижимости. Часть эмигрантов работала в правительственных, гражданских и военных учреждениях. Некоторые из них занимались охотой, ремеслами, сенокосением (в летнее время), контрабандой и даже

конокрадством, как постоянным занятием. Позднее вылазки для переправки контрабанды и для кражи лошадей на территорию СССР и МНР будут совмещаться с выполнением разведывательных заданий Японской военной миссии. В г. Маньчжурия эмигранты в экономическом отношении находились в более благоприятных условиях, чем в других местах. Этому способствовали занятия хозяйством, что обеспечивало семьи молочными продуктами, мясо было более дешёвым, чем, например, в Харбине, озеро Далайнор снабжало людей рыбой, сенокосы – кормом для скота, а близость Чжалайнорских и Болинских угольных копей давала возможность иметь топливо. Физический труд русских эмигрантов, особенно сенокосчиков в сезон косьбы, оплачивался в 150 гоби (маньчжурский доллар) при готовом столе. Конторский труд эмигрантов оплачивался в 2–3 раза меньше [10].

Естественно, что экономической основой казачьей инфраструктуры в Северо-Восточном Китае стало сельское хозяйство (земледелие, скотоводство, промыслы). Если на первых порах казакам приходилось перебиваться подённой работой и случайными заработками, то со временем, они стали переходить к привычным формам хозяйствования. Казаки-переселенцы оседали на землях, пригодных для сельскохозяйственной деятельности (или расчищали эту территорию, приспособливая её под посевы и покосы), обзаводились скотом (в том числе племенным), развивали своё частное хозяйство. Как и на Родине в России, в станицах со временем стали выделяться состоятельные люди, которые, кроме прочего, своей зажиточностью обеспечивали существование бедным казакам. Это могла быть безвозмездная или заёмная помощь деньгами, семенами, инвентарём или скотом, активное участие в общественных и благотворительных организациях, в учреждениях управления, предоставление рабочих мест (в виде найма батраков), организация торговли, учреждение промышленного производства (в случае удачного развития своего хозяйства).

О характере хозяйства зажиточных казаков-эмигрантов можно судить по архивным данным [16]. Например, житель станицы Ключевая казак К. Л. Зверев (1886 г. р.) к 1940 гг. имел 25 лошадей, 80 голов крупного рогатого скота, трактор, заседал до 100 десятин земли. Другой казак М. С. Первухин (1895 г. р.) имел 16 лошадей, 50 голов крупного рогатого скота, трактор и заседал до 70 десятин земли. Житель пос. Попирай забайкальский казак М. Пешков (переселенец из села Зоргол) имел 40 лошадей,

130 голов крупного рогатого скота, до 1000 овец, заседал до 20 десятин земли и нанимал 5 батраков. Житель того же посёлка казак П. К. Козулин имел 20 лошадей, 80 голов крупного рогатого скота и заседал 10 десятин земли. Житель с. Верх-Кули (Шанкули) казак А. В. Чегодаев имел два трактора и заседал до 300 десятин. Казак И. Т. Аксёнов из того же села заседал до 160 десятин земли. В пос. Верхний Тулунтуй крупные хозяйства имели забайкальские казаки Д. Г. Каюков и П. В. Каюков, бывшие жители пос. Булдуруй, а также И. П. Чупров, бывший житель с. Чупрово [11]. Как видим, хозяйство некоторых казаков-эмигрантов можно назвать не только достаточно зажиточными, но и богатыми. Для таких хозяйств характерен не только наём батраков, но и использование тракторной техники, что говорит о достаточно высоком уровне механизации и эффективности товарного хозяйства.

Вместе с расширением у казачьего населения товарного сельскохозяйственного производства своё развитие получали торговля, сфера услуг и мелкая и средняя промышленность, ориентированная на переработку местного сырья и удовлетворение потребностей населения. Со временем во многих казачьих посёлках стали появляться лавки, магазины, чайные, рестораны, мельницы, фабрики и даже заводы. И если в густонаселённом Харбине казачья экономика как-бы растворялась в общеэмигрантской (а также в китайской и японской), то в сельскохозяйственных регионах (особенно в Трёхречье) – она нередко доминировала по ряду показателей.

Так, в казачьем пос. Верх-Кули было 270 дворов с населением до 2 тыс. человек. Здесь действовали водяная мельница, молочный и маслодельный заводы, аптека, магазин. В 1941 г. общая посевная площадь казачьего посёлка составляла 1 054 гектара пшеницы, 1 139 га овса, 77 га ячменя и 41 га гречихи. В другом пос. Верх-Урга было около 100 дворов, функционировали кожевенный завод казака Шмелёва и три магазина. В станции Ключевая (140 дворов и около 730 человек населения) работало шесть мельниц, маслозавод и три лавки. В с. Покровка (165 дворов и до 900 жителей) было две мельницы, овчинный завод, телеграф, телефон. В пос. Попирай (73 двора, 400 жителей) заседалось до 200 десятин земли, у казаков имелось 350 лошадей, 550 голов крупного рогатого скота, 5 водяных мельниц, маслозавод и магазин. В пос. Усть-Кули (70 дворов при 400 жителях) у казаков функцио-

нировали три мельницы и маслозавод. Лучшие казаки отмечались казачьим обществом. Поселковый атаман А. А. Парамонов в мае 1943 г. был награждён похвальным листом за увеличение производства сельскохозяйственной продукции в посёлке. В пос. Щучье (62 двора при 300 жителях) имелись мельница и молочно-маслодельный завод.

В пос. Хунхульди работало два магазина (винно-бакалейный и галантерейный). Один из них принадлежал И. Х. Ишлякову, другой – Т. М. Окладникову (брату атамана станицы). Вообще братья Окладниковы являлись также владельцами крупной сельскохозяйственной фирмы и занимались подрядами на концессиях Южно-Маньчжурской железной дороги. Следует отметить, что большинство жителей пос. Хунхульди в зимнее время работали на лесных концессиях Сандор и Яндор, а также активно занимались извозом.

В пос. Драгоценка (Найлумту) (251 двор, 1500 жителей), который был средоточием жизни казачьей эмиграции в Западной Маньчжурии, имелись: маслодельный завод, паровая мукомольная мельница, кожевенный завод, кирпичный завод, электростанция, автотракторные мастерские, две столярные мастерские, две кузнечно-слесарные мастерские, прачечная, общественная баня, три парикмахерские, восемь столовых и ресторанов, гостиница. По внешнему виду посёлок напоминал большое сибирское село-станцию. Здесь возвышались и кирпичные здания, но большинство домов было деревянными, с большими приусадебными хозяйствами. Во многих домах было электрическое освещение, также в посёлке функционировал междугородний телефон. В большинстве приграничных сел на советской стороне, в Забайкалье, электричество пришло гораздо позже, а в некоторые не пришло и поныне.

В районе г. Маньчжурии к 1945 г. имелось около 60 предприятий (магазинов, мастерских, подрядных контор, гостиниц, ресторанов, кафе, сыроварен, маслоделен и пр.) владельцев русских эмигрантов, в том числе казаков. В частности это: Отель «Тамая» Ляпустиной Марии Алексеевны (Вторая улица № 34), Маслодельный и сыроваренный завод Кондюрина Александра Ипполитовича (Третья улица № 75), Контора транспортника и скотопромышленника Голкина Ивана Михайловича (Третья улица № 14), Кожевенно-обувной магазан Третьякова Андрея Михайловича (Пушкинская улица № 89), Мясная торговля Юшкова Григория Ивановича (Вторая улица № 153), Русский бар Киселё-

ва Фёдора Кузмича (Пушкинская улица № 14), Мясная торговля С. Ф. Ганина. Последний названный нами коммерсант был самым крупным скотопромышленником среди эмигрантов, проживал в большом собственном доме на Третьей улице г. Маньчжурии.

В г. Хайларе российским эмигрантам-казакам принадлежали: винокуренный и водочный заводы братьев Воронцовых (производительностью 100 тыс. ведер в год), мукомольня братьев Воронцовых, шубно-пимокатное производство Окулова, шубно-пимокатное производство Горбунова, кожевенный и пимокатный заводы И. П. Катаева, колбасная фабрика Г. И. Клавдиева, мануфактурный магазин А. И. Агеева, винно-гастрономический магазин М. А. Авентисова, производство и торговля обувью И. П. Катаева, мастерская и магазин обуви И. И. Потапова, шорно-сапожная торговля М. П. Мыльниковой, автогараж П. П. Павлова, верблюжий обоз Х. Х. Сухова, ломовой обоз С. М. Маньшина, контора подрядчиков концессии «Мантэзу» (Южно-Маньчжурская железная дорога – ЮМЖД) по заготовке и вывозу лесных материалов братьев Окладниковых. Последнее предприятие считалось уже крупным производством даже по эмигрантским меркам [12].

Таким образом, казачье население Северо-Восточного Китая, пройдя сложный период адаптации, постепенно, стало принимать активное участие не только в колонизации неосвоенных китайских земель и развитии сельского хозяйства (в том числе товарного), но и в развитии промышленности, прежде всего ориентированной на переработку местного сельскохозяйственного и природного сырья. Также получила своё развитие и сфера услуг.

Развитие казачьей (как и всей эмигрантской) экономической инфраструктуры сталкивалось с целым рядом проблем, обусловленных, прежде всего, местными условиями. Казакам, как и другим эмигрантам, было трудно конкурировать с местным населением на рынке физического труда, так как китайцы были готовы работать за гораздо меньшие деньги, чем те, которые требовались эмигранту для выживания. Также играли роль настороженное, а иногда и враждебное отношение местного населения, языковой барьер, отсутствие начального капитала у большинства эмигрантов, отличия хозяйственного уклада в принимающем обществе и др. Нередко большие проблемы эмигрантам доставляли местные власти, от которых приходилось откупаться взятками (на которые надо было иметь деньги или другие ценности). В этих условиях не все казаки смогли приспособиться к мирной хозяйственной

жизни в эмиграции. «Часть из них пошла на службу в китайские вооружённые силы», а часть казаков участвовала «в качестве наёмников в гражданской войне и междоусобице в Китае в 1920-е гг. в рядах различных вооружённых группировок» [13]. Кроме прочего, военному ремеслу казаков в эмиграции способствовал сам характер казачества как военного сословия, также еще свеж был бесценный опыт военных событий, в которых казакам не так давно пришлось участвовать (Первая мировая и Гражданская войны).

Наибольшие экономические (да и политические) проблемы казакам-эмигрантам в Маньчжурии принесла японская оккупация и действия новой оккупационной администрации. Для реализации своей политики по отношению к русскоязычному населению Маньчжурии японцы создали Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ). Они передали БРЭМ средства ликвидированного ими Коммерческого банка. Используя эти средства Бюро занималось ростовщическими операциями, предоставляя эмигрантам небольшие кредиты. Также японцы выделили в распоряжение Бюро большое количество сенокосных участков. БРЭМ их распределяло между эмигрантами, а за это брало с них 30 % сена в свою пользу. Кроме того, Бюро занималось подрядами на перевозки.

Финансово-экономический отдел Захинганского бюро (с которым в силу своего географического расселения больше всего приходилось иметь дело казакам) ведал подрядами по поставке сена для военного ведомства, проводил разного рода коммерческие сделки, имел кооператив – распределитель нормированных товаров и продуктов, выплачивал жалование служащим Бюро. Также он проводил сбор однопроцентного налога с эмигрантов, оказывал материальную помощь нуждающимся эмигрантам путём выдачи временных или безвозвратных ссуд, взимал разные недоимки с эмигрантов, ведал устройством банкетов. Прочие отделы Бюро и его отделения на местах были подотчётны финансово-экономическому отделу во всех приходно-расходных суммах.

До 1943 г. отдел возглавлял Николай Анатольевич Юдин, сотрудниками были: бухгалтер – А. Г. Зимин, казначей – И. Н. Бакшеев, А. Д. Смирнов, А. М. Семёнов, М. Кудякова. В октябре – ноябре 1943 г. в отделе была проведена ревизия в присутствии начальника японской военной миссии полковника Кобори и нескольких бухгалтеров – японцев. Из служащих Бюро присутствовали генерал А. П. Бакшеев и все сотрудники Финансово-экономического отдела. После окончания ревизии Н. А. Юдин от

занимаемой должности был освобождён, часть сотрудников отдела, за исключением А. Д. Смирнова и М. Кудяковой, уволены. С этого момента отдел был переименован в сельскохозяйственный. Начальником отдела стал генерал Г. Г. Эпов, он же стал выполнять функции главного бухгалтера. Его помощником был делопроизводитель М. М. Стуков, казначеем – А. В. Бочкарёв, сотрудниками отдела – А. Д. Смирнов и М. Кудякова [14].

Японская Военная Миссия напрямую лоббировала интересы японских коммерсантов, которые стремились вытеснить русских эмигрантов и местное китайское население из некоторых экономических ниш. Поэтому нередко владельцам коммерческих предприятий приходилось дёшево продавать свои предприятия японцам. В противном случае их могли обвинить в антияпонской деятельности, арестовать, а предприятие – конфисковать.

В значительной мере усложнилось положение эмигрантов, в том числе казаков, с наступлением фактической войны США с Японией (с декабря 1941 г.). Оккупационными властями был установлен минимум продуктов, которые эмигранты могли оставлять для своих личных надобностей, а остальные должны были сдавать японцам по твёрдым ценам. Также японцами была монополизирована торговля мясом и рыбой (эти продукты почти полностью отправляли в Японию). Таким образом, экономическое положение эмигрантов в большинстве населённых пунктов Маньчжурии в 1942–1945 гг. значительно ухудшилось. В это время японские власти поощряли занятие сельским хозяйством (армии требовали продовольствия), к чему принуждали даже коммерсантов, которые были вынуждены ликвидировать свои предприятия и переводить капиталы в сельское хозяйство, уступая торговые и промышленные позиции японским предпринимателям. Например, около Маньчжурии было организовано овцеводческое хозяйство братьев С. Ф. и Ф. Ф. Ганиных, которые начали проводить метисацию (скрещивание) монгольской овцы с мериносowymi баранами «рамбулье» и с баранами «ромвей-марш», а в 1943 г. их хозяйство перевели в район ст. Ламадяныцзы, где условия для овцеводства оказались значительно хуже [15].

В конце августа 1944 г. гостиница «Никитинское подворье», существовавшая в Манчжурии свыше 30 лет, была продана прежней владелицей Марией Кельсевой Никитиной японской монополии «Хинганское общество водных продуктов» за 200 тыс. гоби. А винно-бакалейный магазин Тимофея Алексеевича Воробьёва

(который находился в доме № 34 по Второй улице г. Маньчжурии) был конфискован японцами, а сам Воробьёв был отправлен в тюрьму «за симпатии к Советской России».

Город Хайлар вместе с пос. Якэши являлись центрами лесной промышленности в Западной Маньчжурии, которая до японской оккупации фактически почти вся находилась в руках концессионеров братьев Воронцовых. После 1925 г. было учреждено Хаминское лесопромышленное товарищество, в которое вошли КВЖД, братья Воронцовы и Цинцикарское провинциальное управление. Руководство делами концессий оставалось за братьями Воронцовыми. После 1932 г. хозяевами стали японцы в лице Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД). В 1942 г. японцы забрали у Воронцовых на ст. Якэши электростанцию, заводы, мельницы и магазин, оставив им только сельское хозяйство и гужевые перевозки.

Материальное положение населения Маньчжурии, в том числе казаков-эмигрантов, в годы войны 1941–1945 было очень тяжёлое. Продавать и вывозить продукты из своей провинции без разрешения властей запрещалось. На учёт была взята абсолютно вся продукция. Полицейские власти часто устраивали обходы жилых помещений и производили обыски вплоть до того, что заглядывали даже в кухонную посуду, в которой готовилась пища. Лица, замеченные в нарушении правил о вывозе продуктов, подвергались штрафу не менее 300 гоби или же тюремному заключению. Не менее строгий надзор был установлен за правилами получения продуктов по карточкам. В сентябре 1943 г. Захинганское районное бюро по делам российских эмигрантов опубликовало в газете сообщение о том, что некоторые эмигранты незаконно получали продукты из кооператива Бюро по продуктовым карточкам на членов своих семей, выбывших из Хайлара на продолжительный срок. Эмигранты предупреждались властями: «Лица, которые будут пытаться получать незаконным путём продукты, будут подвергаться штрафу от 3 000 до 5 000 гоби или же заключаться в тюрьму на срок до 3 лет. Не лишне будет для российских эмигрантов знать, что подобного рода поступки в Германии караются смертной казнью» [16].

Распределение продуктов производилось по принципу национальной дифференциации. Японцы снабжались из закрытых распределителей продуктами первой категории и получали в месяц на одного человека: риса – 12 фунтов, муки белой – 2 фунта,

бобов – 2 фунта, крупы разные – 2 фунта, спичек – 2 коробки, бобового масла – 1 фунт, сахара – 1 фунт, соли – 2 фунта, мяса – 5–7 фунтов. Для китайского населения на одного человека полагалось в месяц: пшеница – 4 фунта, гаоляна – 6 фунтов, кукурузной муки – 4 фунта, гречневой крупы – 2 фунта, бобового масла – 0,5 фунта, сахара – 0,6 фунта, мяса – 5 фунтов. Норма для монголов была такой же, как и для китайцев, но в некоторых случаях вся месячная норма заменялась 30 фунтами пшеницы. Норма для российских эмигрантов была такой: муки белой – 10–12 фунтов, масла растительного – 1 фунт, сахара – 0,5 фунта, соли – 2 фунта, спичек – 2 коробки, мяса – 5 фунтов. При этом, если норма мяса на одного человека составляла в месяц 5 фунтов, то на семью в 2 человека выдавали 7 фунтов, на семью из 3 человек – 10 фунтов, а на семью из 10 человек – 20 фунтов [17]. На протяжении всего 1942 г. на 10 дворов, без учёта количества в них жителей, было выдано 30 м мануфактуры.

Следует сказать, что если японцы в Маньчжурии получали свою продуктовую норму полностью, то местное и эмигрантское население часто недополучало свою норму или получало суррогатные и низкокачественные продукты. И если на бумаге некоторые нормы распределения продуктов были близки или примерно одинаковые, то в жизни они значительно различались по качеству. При норме мяса у японцев 5–7 фунтов и у русских 5 фунтов, японцы получали наиболее ценные и питательные виды мяса 1-й категории, в то время как русским выдавали самые дешёвые виды мяса, нередко подпорченные или очень низкого качества. Вместе с тем лица, сотрудничавшие с японской администрацией, получали качественные продукты в полном объёме. Японцы ценили коллаборационистов из числа русских.

В целом можно сделать вывод, что казаки, в большинстве своём, опираясь на казачьи традиции станичного и войскового управления, с одной стороны, и на вековые казачьи сельскохозяйственные и коммерческие традиции – с другой, более или менее успешно адаптировались в суровых условиях китайской действительности и создали свою экономическую инфраструктуру. Специфика казачьей общественной жизни позволила им более тесно консолидироваться, что защищало их от ассимиляции и позволяло более результативно своими семьями заниматься хозяйственно-экономической деятельностью. Обустроив своё сельское хозяйство, многие казаки со временем переходили к то-

варному производству сельскохозяйственной продукции. Это давало возможность более широко заниматься торговлей и организовывать промышленное производство. Казаки-эмигранты принимали активное участие в таких сферах эмигрантской (да и общекитайской) экономики, как: производство зерновых, овощных и технических культур (русские земледельцы, в том числе казаки, ввели в сельское хозяйство Манчжурии новые культуры: гречиху, овёс, ячмень, помидоры, хрен, репчатый лук, кочанную капусту, кормовую и сахарную свёклу, лён и др.). Они культивировали садоводство, виноделие, производство мяса, шкур и молока, разведение племенного скота (племенное овцеводство и, конечно же – племенное коневодство). Казаки оказывали транспортные услуги (извоз и гужевой транспорт), занимались промысловой охотой и рыболовством, маслоделием, мукомольным производством. В их ведении была переработка кожи и шерсти, лесозаготовительная и лесоперерабатывающая промышленность, пошив обуви и одежды, торговля продуктами и промышленными товарами, содержание чайных, ресторанов и гостиниц. При всем этом казаки исполняли гражданскую и военную службу. Они сохранили эти черты сословия здесь, как это было на Родине. Таким образом, казачья экономическая инфраструктура, во-первых, была ориентирована на удовлетворение нужд эмигрантского населения (переработка местного сырья и обеспечение эмигрантского населения необходимой продукцией), а во-вторых, играла заметную роль в целом ряде отраслей эмигрантской (да и китайской) экономики.

Примечания

¹ *Мальшенко Г. И.* Идеино-политическая борьба в среде казачества российской эмиграции в Северо-Восточном Китае, 1920–1937 гг. : дис ... канд. ист. наук. Омск, 2001. С. 41.

² *Худобородов А. Л.* Российское казачество в эмиграции 1920–1945 гг.: Социальные, военно-политические и культурные проблемы : дис ... д-ра ист. наук. М., 1997. С. 63.

³ *Худобородов А. Л.* Вдали от родины: российское казачество в эмиграции. Челябинск, 1996. С. 11.

⁴ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 830. Оп. 1. Д. 56. Л. 4.

⁵ Там же.

⁶ Цит. по: *Худобородов А. Л.* Российское казачество в эмиграции 1920–1945 гг.: Социальные, военно-политические и культурные проблемы : дис ... д-ра ист. наук. М., 1997. С. 376.

⁷ *Худобородов А. Л.* Вдали от родины ... С. 25.

⁸ *Лаврентьев К. И.* Енисейское казачье войско и Енисейская Зарубежная казачья станица в Харбине // Вестн. казачьей выставки в Харбине 1943 г. : сб. ст. о казаках и казачестве / под ред. Е. П. Березовского. Харбин : Изд-во Представительства Союза казаков в Восточной Азии, 1943. С. 84.

⁹ Там же.

¹⁰ Архив РУ ФСБ по Читинской области. Д. № 65. С. 5.

¹¹ *Чапыгин И. В.* Забайкальское казачество в эмиграции на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в 1920–1930-е гг. // Наука и школа. 2013. № 4. С. 175.

¹² Там же. С. 176.

¹³ *Худобородов А. Л.* Российское казачество в эмиграции 1920–1945 гг.: Социальные, военно-политические и культурные проблемы : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. С. 140–141.

¹⁴ Архив РУ ФСБ по Читинской области. Д. № 64. С. 70.

¹⁵ Там же. С. 70–71.

¹⁶ *Чапыгин И. В.* Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая (1920–1945 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. С. 109.

¹⁷ Там же. С. 109.

ТЕМА 6

Казачьи организации в политической жизни российской эмиграции

Процессу экономической и социо-культурной адаптации казачков-эмигрантов сопутствовала активизация их политической жизни. Благодаря вековым традициям войсковой и станичной организации общественной жизни, казаки достаточно быстро стали объединяться на новом месте в общественно-политические организации. Вслед за организацией быта, основанного на казачьем станичном укладе жизни, стали появляться различные казачьи союзы. Ещё в 1920 г. в Харбине из остатков Оренбургского казачьего войска была создана Рабочая артель, которая через два года была переименована в Оренбургскую казачью Дальневосточную станицу, а позднее составила основу Оренбургской имени атамана Дутова станицу. В 1923 г. была образована Сибирская, а в 1924 г. – Амурская казачьи станицы. В 1931 г. из казачьей молодёжи Харбина была организована Молодая имени атамана Г. М. Семёнова казачья станица. На 1 декабря 1938 г. насчитывалось уже 27 станиц, 9 из которых располагались в Харбине: Амурская, Забайкальская, Енисейская, Иркутская, Кубано-Терская, Молодая имени атамана Г. М. Семёнова, Оренбургская, Сибирская, Уссурийская. По западной линии железной дороги располагались станицы: Манчжурская, Цаганская, Хунхульдинская, Хайларская, Чжаромская, Якэшинская, Найджин-Булакская, Цицикарская и Бухэдинская. Казаки несли службу по охране железнодорожной линии, а посёлки являлись цепью пограничных застав. На восточной линии КВЖД размещались станицы: Вэйшахэйская, Яблонская, Ханьдоахэцзунская, Пограничная. Казаки этих станиц помимо охранной службы работали на Мулинских каменноугольных коях и лесных концессиях. На восточной линии КВЖД велась наиболее интенсивная антисоветская деятельность.

Постепенно казаки стали объединяться под знамёнами своих войск. Организационным центром всей казачьей эмиграции стало

правление Забайкальского войска, которое располагалось в Харбине в двухэтажном здании из красного кирпича возле Бинцзянского вокзала. Г. М. Семёнов, вернувшись из поездок в Японию, Америку и Шанхай, на совещании войскового правления признал, что бывшие союзники отвернулись от казаков и на их поддержку рассчитывать нельзя. Только барон Танака, тогда ещё лидер военной партии в Японии, в случае прихода к власти обещал помощь в сохранении войсковой организации с перспективой войны с Советской Россией и создания буферного казачьего государства под протекторатом Японии.

Монархическая эмиграция создала Российский общевойсковой союз (РОВС) под главенством великого князя Николая Николаевича, но у неё постоянно были натянутые отношения с казачеством и, особенно, с сибирскими и дальневосточными атаманами. Кроме того, РОВС по-прежнему сохранял тесные связи с бывшими странами Антанты, руководство которых относилось к казачеству с недоверием. Поэтому, по предложению генерал-лейтенанта А. П. Бакшеева, был создан оргкомитет казачьего союза под его председательством и начата работа по сбору сведений и регистрации офицерского состава и казачьего актива. Учёт казаков был проведён в Китае, Корее и Японии, образованы станицы и воинские подразделения. Всей организационной работой руководили генералы Бакшеев, Власьевский, Зубковский. Сам Г. М. Семёнов в основном жил в Дайрене и занимался военно-политической деятельностью, появляясь в Харбине с инспекционными целями.

В итоге этой деятельности, осенью 1922 г. был образован Союз казаков на Дальнем Востоке. Начальником Союза являлся сам атаман Семёнов, его заместителем генерал Бакшеев, начальником штаба генерал Власьевский. Для оперативного руководства станицами западной линии КВЖД был создан Хайларский отдел, на севере Китая – Северо-Китайский отдел, которые подчинялись непосредственно Семёнову. Казачьи станицы, расположенные в Харбине и на восточной линии КВЖД, подчинялись штабу Союза. Союз своими основными задачами считал: 1) свержение коммунистической власти в России путём вооружённой борьбы с ней; 2) установление в России законности и порядка после свержения коммунистов; 3) защиту интересов казачества и закрепление его прав в будущей «национальной России». Союз до 1929 г. самостоятельно вёл работу по закордонной

разведке, формировал отряды для действий в приграничье, боевые группы для заброски на бывшие территории казачьих войск. При этом комплектованием групп непосредственно руководил сам генерал А. П. Бакшеев.

В январе 1923 г. в Харбине был создан Восточный казачий союз (ВКС), в который вошли казачьи станицы Северо-Восточного Китая. Председателем правления и совета ВКС единогласно был избран полковник Оренбургского казачьего войска Г. В. Енборисов, заместителями – полковник Е. П. Березовский (Сибирское казачье войско) и доктор Коренев (Амурское казачье войско). В состав руководящих органов вошли: оренбуржцы – надворный советник Архипов и генерал Косьмин; сибиряки – генерал Белов и есаул Грибановский; амурцы – генерал Вертопрахов и Нижегородцев; енисейский казак старший советник Кузнецов. За годы своего существования ВКС менял состав правления. Этому, кроме прочего, способствовала внутривосточная борьба среди атаманов, а также претензии генерал-лейтенанта Г. М. Семёнова на лидерство в дальневосточной эмиграции. После полковника Г. В. Енборисова союз возглавил сибирский казак, полковник Е. П. Березовский, а после него генерал Е. Г. Сычѳв. Программа этой организации призывала объединиться всем русским зарубежного Дальнего Востока «во имя спасения Родины от большевизма». Помимо лозунгов эта организация имела и свою программу политического обустройства. По сути, Восточный казачий союз выступал в качестве представительства Казачьего союза в Париже. При этом ВКС создавался, прежде всего, для защиты экономических интересов казачества, но со временем занял место в ряду других политических эмигрантских организаций.

Следует сказать, что антисоветская деятельность, будучи приоритетным направлением казачьих политических организаций (по определению своему бывших военно-политическими), не ограничивалась лозунгами и агитацией. В рамках деятельности этих союзов предусматривались и практические действия. В частности, по инициативе забайкальца генерала И. Ф. Шильникова, в приграничной зоне Забайкалья по р. Аргунь были созданы казачьи посты, в которых базировались партизанские отряды, действующие против Советской власти на территории СССР. Известными руководителями этих отрядов были казаки Почекунин, Мыльников, Гордеев, Ширяев и др. Чаще всего местами действий

партизанских отрядов были угольные районы Сучана, Иман, среднее течение Уссури, левый берег Амура от Хабаровска до Благовещенска, Хинганские горы, левый берег Аргуни, где партизаны распространяли свою деятельность вплоть до Нерчинска. В Приморье в середине 20-х гг. активно действовал партизанский отряд И. Г. Ширяева, помощника атамана Уссурийского казачьего войска Калмыкова. С 1923 г. активно действовал казачий отряд в районе ст. Пограничная. Со временем здесь было создано три отряда – отдельно из уссурийских, амурских и забайкальских казаков [1]. Подобная деятельность пошла на убыль только с 1929 г. в связи с укреплением советской пограничной системы.

Надо сказать, что советские спецслужбы противодействовали активной подрывной деятельности казачьих эмигрантских организаций не только усилением пограничной фортификации. Они проводили значительную разведывательную и контрразведывательную деятельность. В частности, в штабе Г. М. Семёнова ещё с 1919 г. служил переводчиком казак из бурят знаток восточной культуры Е. Д. Таров, который был агентом ВЧК. Ушедший вместе с семёновскими частями осенью 1920 г. на территорию Маньчжурии, он непосредственно участвовал в организации Союза казаков на Дальнем Востоке и работал в его правлении вплоть до 1932 г. В правлении союза Е. Д. Таров осуществлял учёт личного состава и передавал сведения через харбинскую резидентуру в Читинскую резидентуру ВЧК-ОГПУ. Поэтому до 1932 г. чекисты имели детальную картину оперативно-подрывных действий казачьей эмиграции [2].

Негативное отношение к большевизму объединяло разные слои и группы зарубежного казачества. Но в то же время говорить о политическом единстве в рядах казаков, в том числе в Северо-Восточном Китае, не приходится.

Основные споры в среде казаков-эмигрантов возникали по вопросам «самостийности» казачества и формы будущего государственного устройства в России. Казаки-монархисты выступали за восстановление монархической власти в границах Российской империи. Они считали своё сословие неотъемлемой частью российского народа и его защитником.

Последователи умеренно-демократического направления выступали за сохранение неделимой России, но с учреждением определённой автономии и самостоятельности для земель казачьих войск, закреплённой демократической конституции.

Монархистам и умеренно-демократическому крылу противостояло радикально-демократическое антимонархическое течение. Программа этих казаков предполагала создание в России федеративной республики, в состав которой казачьи территории должны были входить на правах отдельных штатов. Позднее в этом движении стали преобладать так называемые самостийники, выступавшие за отделение казачьих территорий от России и создание независимого государства «Казаккии».

Казачьи союзы Северо-Восточного Китая по многим вопросам примыкали к умеренно-демократическому течению, но в то же время, по ряду вопросов (в частности о необходимости вооружённой борьбы с советской властью под предводительством великого князя Николая Николаевича) они тяготели к монархистам [3]. Движение же «самостийников» в рядах казаков Маньчжурии широкой поддержки не получило. И у этого явления были исторические причины. Движение «самостийников» находило поддержку прежде всего в среде казаков – выходцев с Дона, Кубани, Терека и других земель, где казачество в своё время во многом складывалось как «вольное», и только позднее было подчинено централизующимся государством. Этот факт истории запечатлелся в культуре и мировоззрении казачества европейской России и проявился в тяжёлые годы социальных и политических брожений. По-другому дело обстояло с казачьими войсками, находящимися в азиатской части России. Они возникали как служилое сословие колонизируемых территорий, и исторически воспринимали себя как часть российского общества и государства. Поэтому движение за независимую «Казаккию», получившее определённое распространение в западной ветви казачьей эмиграции (где большинство казаков были выходцами с Дона), не получило поддержки и широкого распространения у казаков в Маньчжурии (большая часть из которых была выходцами из Забайкальского казачьего войска).

В целом, говоря о казачьей политической деятельности в Северо-Восточном Китае в 1920-е гг., можно сделать вывод, что большую роль в этой деятельности сыграли казачьи традиции войскового и станичного управления. Складывающиеся по земляческому принципу станицы и посёлки организовывали союзы, которые, опять же по «казачьей линии» связывались с эмиграцией в Европе и других частях света и занимались достаточно активной политической деятельностью. Будучи более организован-

ным, чем другие группы эмиграции, казачество более активно занималось политической (прежде всего военно-политической) деятельностью, чем активизировало политическую жизнь всей русской эмиграции в Северо-Восточном Китае.

В значительной мере изменилась жизнь русской диаспоры после оккупации Маньчжурии японскими войсками. Маньчжурия, после её захвата японцами в конце 1931 г., получила с 1 марта 1932 г. название Маньчжоу-Го – Маньчжурского государства, а с 1 марта 1934 г. была переименована в Маньчжоу-Ди-Го – Маньчжурская Империя. Главой Маньчжоу-Го, а затем императором Маньчжоу-Ди-Го был поставлен последний потомок династии Цин в Китае Пу И. Но фактически, вся полнота власти в Маньчжоу-Ди-Го находилась в руках командующего Квантунской армией, который одновременно был полномочным и чрезвычайным послом Японии в Маньчжоу-Ди-Го. С этого времени практически все официальные общеэмигрантские и казачьи организации действовали под контролем со стороны разведывательного аппарата Японской военной миссии. Период относительно самостоятельной организационной и антисоветской деятельности казачьих объединений ушел в прошлое. Теперь, вольно или не вольно им приходилось действовать в рамках планов японских политиков и военачальников. Известно, что часть казачьей эмиграции встретила японцев восторженно, с действиями японской стороны она связывала надежды на свержение власти советов в СССР и своего скорейшего возвращения на родину. На японцев рассчитывали и опирались разные заметные фигуры казачьей эмиграции, в частности – Г. М. Семёнов. Японцы же, в свою очередь, стремились использовать российскую эмиграцию в реализации своих военно-политических планов относительно восточных территорий СССР. Прежде всего, это касалось представителей военной эмиграции – офицеров русской дореволюционной армии и казаков. Именно на них японское командование делало ставку в вопросах военно-политической консолидации российской эмиграции в Маньчжурии и организации активной диверсионно-разведывательной деятельности на территории СССР. В то же время японцы рассматривали русскую военную эмиграцию как резерв Квантунской армии. Но с другой стороны, японское командование прекрасно понимало, что в полной мере на эмигрантов оно рассчитывать не может, так как в её рядах русский патриотизм был на достаточно высоком уровне, а это могло навредить их планируемой войне с Россией. Отсюда складыва-

лись два основных логических посыла японской политики по отношению к российским эмигрантам – тотальный контроль и жёсткая консолидация сверху.

Стремление к тотальному контролю всех сторон жизни русских эмигрантов выразилось в образовании указом правителя Маньчжоу-Го Пу И 28 декабря 1934 г. Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ), которое с 1940 г. было переименовано в Главное бюро по делам российских эмигрантов (ГБРЭМ). Основными задачами этой организации было: «Обеспечивать единство белоэмигрантов, готовить их к борьбе с Коминтерном за освобождение России, что возможно лишь при условии нового порядка в Азии под эгидой Японии» [4]. Политическая деятельность БРЭМ осуществлялась по указанию Японской военной миссии и шла в пяти направлениях: обработка общественного мнения эмигрантов, воспитательная работа среди молодёжи, деятельность по линии «Киовакай», религиозно-воспитательная работа и военная подготовка эмигрантов.

БРЭМ (как уже говорилось в гл. I) возглавляли белые генералы из близкого окружения Г. М. Семёнова – В. В. Рычков (1934–1935), А. П. Бакшеев (1935–1938), В. А. Кислицын (1938–1943), Л. Ф. Власьевский (1943–1945), руководившие одновременно и Союзом казаков. Подобный выбор был неслучаен. Казачьи руководители ещё до японской оккупации руководили казачьими союзами, которые достаточно активно работали (в том числе против СССР), поэтому неудивительно, что японцы, консолидируя русскую эмиграцию Маньчжурии и организовывая антисоветскую военно-политическую деятельность, сделали ставку на казачество, как наиболее организованную, военно-подготовленную и политически активную часть эмиграции.

При БРЭМ был открыт и переселенческий отдел, которым руководил хорунжий М. Н. Гордеев. Задачей этого подразделения являлось устройство эмигрантских посёлков в глухих местах, где переселенцы должны были заниматься сельским хозяйством под надзором японцев. Целью этого переселения (чаще всего насильственного) было, во-первых – увеличение производства сельскохозяйственной продукции для обеспечения Квантунской армии, а во-вторых – территориальное распыление эмиграции, как опасного элемента в тылу японских войск.

Как уже отмечалось, БРЭМ было создано Японской военной миссией для контроля над представителями всех групп россий-

ской эмиграции (в том числе военной) в Маньчжурии. Характер расселения казачьей эмиграции привёл к тому, что казаки в основном взаимодействовали с Захинганским районным бюро по делам российских эмигрантов, которое дислоцировалось в г. Хайларе (контора располагалась по адресу: 1-я Западная улица, д. 33, в кирпичном одноэтажном доме с железной крышей) [5].

Захинганское бюро было ведущим органом эмиграции в Западной Маньчжурии (Западно-Хинганская провинция). Здесь проживали главным образом забайкальские казаки, которые эмигрировали в 1920 г. или бежали в 1931–1933 гг. во время сплошной коллективизации. Бюро возглавлял генерал-лейтенант А. П. Бакшеев, который был и начальником Союза казаков в Восточной Азии. Захинганское районное бюро по делам российских эмигрантов осуществляло контроль и руководство над всеми местными Бюро и Представительствами от г. Маньчжурии до Чжаланьтуня включительно и от Хунхульди до Трёхречья. Захинганскому бюро подчинялись: 1) Бюро по делам эмигрантов в г. Маньчжурия, которое имело своё отделение в г. Чжалайноре и представительства в пос. Далайнор, на станциях Цаган и Хорхонтэ; 2) Бюро по делам эмигрантов в г. Хайларе, которое имело свои представительства на станциях Ваньгун, Угунор и Хакэ; 3) Бюро по делам эмигрантов в г. Якэши, которое имело представительства на станциях Чжаламутэ, Маньдхэ, Унур и в посёлке 16-го разъезда. Захинганское бюро было подчинено ГБРЭМ в г. Харбине, а советником в нём был японец Сугиока Михаил Павлович, фактически он же был его техническим руководителем.

Захинганское районное бюро по делам российских эмигрантов имело следующие отделы: 1) секретариат или общий отдел; 2) финансово-экономический отдел; 3) регистрационный отдел (считался самым важным и подчинялся непосредственно 3-му (контрразведывательному) отделу Японской военной миссии в г. Хайларе); 4) военный отдел (был непосредственно подчинён военному отделу Японской военной миссии в г. Хайларе. В ведении военного отдела Захинганского бюро находились Захинганский отдельный корпус, в состав которого входили Сводно-хайларский полк, Отдельная северо-хинганская бригада, Якэшинский сводно-казачий полк, Сводно-волонтёрский отряд г. Маньчжурия», Сводно-волонтёрский отряд в Бухэду и Сводно-волонтёрский отряд в Чжаланьтуне. Военный отдел проводил периодические военные сборы эмигрантов, производил наборы мо-

лодѣжи в Русские военные отряды на ст. Сунгари-2 и в г. Хайларе (Конно-казачий полицейский отряд). В отделе велись списки резервистов и служащих военных отрядов, с указанием семейно-имущественного положения, списки командного и личного состава частей и т. п. Начальником военного отдела был подполковник П. М. Портнягин, начальником штаба А. Г. Зимин, адъютантом начальника отдела хорунжий В. О. Кобяков, делопроизводителем рядовой казак Толпыгин); 5) благотворительный отдел (ведал приютами для сирот и богадельнями для престарелых); 6) культурно-просветительный отдел занимался в основном агитационной работой. Последние два отдела были расформированы в 1944 г.

В Маньчжурии Бюро по делам российских эмигрантов размещалось на Первой улице в доме № 13. Более пяти лет его начальником был полковник А. М. Заалов. Он активно воевал против Красной армии в составе армии Колчака. После ареста Заалова был уволен его заместитель и секретарь БРЭМ С. В. Цивинский, а место начальника занял С. А. Брызгалов. По данным на март 1944 г. в штате БРЭМ г. Манчжурии числились: секретарь и заместитель начальника М. Д. Аникеев, советник БРЭМ японец Оохаси (сотрудник Японской военной миссии), советник по казачьим делам станичный атаман Сводно-казачьей станицы в г. Маньчжурии А. Ф. Попов (в декабре 1943 г. его на этом посту сменил М. Д. Аникеев), казначей-делопроизводитель А. В. Макаров, заведующий хозяйственной частью Ф. А. Хомяков, старший квартальный Бюро А. С. Шарков.

БРЭМ в Маньчжурии имело отделение в Чжалайноре, начальником которого был Г. И. Войлошников. А также представительства: на ст. Цаган, на ст. Хорхонтэ, в пос. Далайнор. При этом в пос. Чжалайнор-копи в конце 1941 г. проживало 317 эмигрантов, на ст. Чжалайнор – 377, на ст. Цаган – 200 человек, на ст. Хорхонтэ – 95 и в пос. Далайнор – 45 человек [6].

На примере работы БРЭМ в Маньчжурии можно представить, чем занимались эти органы управления эмигрантами. Административная работа БРЭМ заключалась в учёте российских эмигрантов, регистрации подрастающего поколения, вновь прибывающих в район БРЭМ эмигрантов. БРЭМ производило разбор спорных дел между эмигрантами, свидетельствовала договоры, соглашения и сделки, выдавала удостоверения на право получения и замену видов на жительство. Без удостоверения БРЭМ Де-

партамент полиции не выдавал эмигрантам виз на право выезда из Маньчжурии. Бюро вело учёт эмигрантского населения для набора рабочей силы среди эмигрантов, составляло списки эмигрантов для работы в японских разведывательных службах (проводников на территорию СССР, разведчиков и агентов), проводило подготовительную работу для мобилизационных целей, вело учёт эмигрантов по возрасту и по уровню военной подготовки. Отдельно велся учёт казачьего населения, а также их военной экипировки вплоть до учёта лошадей и казачьих сёдел.

Кроме уже упоминавшихся казачьих союзов и эмигрантских объединений в оккупационный период достаточно активно стали действовать такая организация, как Российский фашистский союз. Центром русского фашистского движения в Северо-Восточном Китае стал Харбинский юридический факультет. Организационное оформление партии русских фашистов произошло в 1931 г. Главной задачей своей деятельности её представители считали свержение коммунизма и возрождение России. Политическая программа этой партии предусматривала: примирение труда и капитала; частную собственность; благосостояние общества; добровольное объединение соседних стран; высший государственный орган – Всероссийский земский собор. Руководил Русской фашистской партией К. В. Родзаевский. Фашистская идеология привлекала к себе и некоторое число убеждённых антикоммунистов из казачьей среды. Вербовка в члены РФП велась и в Союзе казаков. В мае 1936 г. в Харбине был проведён парад всех фашистов. В колонну, наряду с другими, входили казаки-фашисты, каждый в форме своего войска и со свастикой. По сути, РФП была филиалом японской разведки, что, в частности, проявилось в том, что из членов этой партии велась вербовка в разведовательно-диверсионные отряды. Более того, представителям именно этой партии отдавался приоритет при наборе в другие военные и гражданские структуры. В частности, так называемый 1-й отряд спасения Родины, заброшенный на территорию СССР в 1936 г. состоял практически полностью из казаков-фашистов.

Организации РФС существовали в городах Маньчжурия (Маньчжурский отдел РФС), Чжалайноре, Хайларе, на ст. Цаган. Самая активная организация была в Маньчжурии, её Отделу подчинялись Чжалайнорская и Цаганская организации. После 1938 г., когда РФП начала терять своё влияние, К. В. Родзаевский и его «сподвижник» Майковский (как выяснилось позже – со-

трудник НКВД) получили в БРЭМ должности начальников отделов. В 1943 г. по решению Японской военной миссии члены РФС в этих населённых пунктах были включены в Отделы молодёжи при Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии. Председателем Отдела молодёжи там был М. Д. Анিকেев, он же временно исполнял обязанности начальника БРЭМ.

Достаточно активно в среде казаков работала прояпонская организация «Киовакай». Её центральный штаб находился в Хайларе и объединял штабы этой организации на линии железной дороги (ст. Маньчжурия – ст. Чгунор), а также в западной части Новой Барги. Больше всего казаков было в организации «Киовакай» в Маньчжурии. Начальником районного штаба в Маньчжурии долгое время был японец Озаки. В состав правления штаба от эмиграции входил и начальник БРЭМ. В числе сотрудников штаба, помимо японцев, находился активный фашист М. А. Тертумасов. На районном съезде «Киовакай» 15–18 апреля 1942 г. от русской эмиграции из Маньчжурии присутствовал начальник БРЭМ А. М. Заалов, С. А. Безобразов и коммерсант Н. К. Усатый. На этом съезде обсуждались вопросы: о необходимости открытия в Маньчжурии Дома российских эмигрантов, организация докладов для населения, организация военно-инструкторских курсов для молодёжи, осуществление военно-воспитательной подготовки молодёжи, организация летнего лагеря и выпуск эмигрантского журнала. Съезд обсуждал вопросы распределения продуктов для мелких торговцев-эмигрантов, а также вопрос организации лиц, занимавшихся земледелием и скотоводством. «Киовакай» вместе с Японской военной миссией содействовали открытию в Маньчжурии Дома российской эмиграции, который стал местом сосредоточения деятельности всех эмигрантских организаций. На съездах «Киовакай» постоянными делегатами были: начальник Захинганского районного бюро по делам эмигрантов А. П. Бакшеев, от Маньчжурии А. М. Заалов (до своего ареста в 1943 г.), после него – С. А. Безобразов, от Трёхречья – станичный атаман В. Л. Сергеев или его помощник Н. К. Зверев.

Также в городах и посёлках, где жили казаки под контролем БРЭМ и ЯМВ действовали такие организации, как: Антимоунистический комитет г. Хайлара, Дамские кружки, Русские клубы, Русские дома, Российские сектора женской организации государственной обороны Маньчжоу-Го, Русский отдел Союза сенокосчиков, Охотничье общество, Общество русского транспорта

при БРЭМ, Русский отдел союза автовладельцев, кружки изучения японского языка, кооперативы.

В г. Хайларе два раза в неделю издавалась газета «Захинганский голос» – печатный орган Захинганского районного бюро по делам российских эмигрантов. Газета распространялась практически во всех населённых пунктах. Один раз в месяц выходил журнал того же названия на русском языке. Также в г. Хайларе работала радиостанция, транслировавшая передачи на русском языке.

Очень важное место как в деятельности ЯМВ и БРЭМ, так и других подчинённых им организаций играла молодёжная политика. Все эти организации стремились втянуть эмигрантскую молодёжь и в том числе молодых казаков в политическую жизнь. Конечной целью этого привлечения молодёжи, как правило, было использование её в разведывательно-диверсионной и боевой деятельности против СССР. Ещё летом 1924 г. молодые казаки г. Харбина создали Союз мушкетёров, который находился под покровительством князя Никиты Александровича (племянника Николая II). Во главе союза стоял В. С. Барышников. Основным направлением деятельности союза стало привлечение молодых казаков к службе в отрядах генералов Нечаева и Мыльников, полковника Емлина и есаула Овечкина. В этих отрядах они приобретали навыки верховой езды, владения оружием, изучали методы ведения диверсионно-разведывательной работы на территории СССР. Многие из «мушкетёров» вступили в прояпонскую организацию «Сахэхуэй», которую возглавлял командующий Квантунской армией.

В 1934 г. на территории Северо-Восточного Китая возник Восточный отдел Национальной организации русских разведчиков (НОРР). Основная база и штаб «русских разведчиков» находились на ст. Пограничная, где осуществлялась подготовка кадров для японских спецслужб из рядов эмигрантской, в том числе казачьей, молодёжи. НОРР сотрудничала с Союзом казаков во главе с генералом А. П. Бакшеевым и РФП во главе с К. В. Родзевским. В целом руководство Национальной организации русских разведчиков придерживалось взглядов монархических кругов, выступавших за вооружённую интервенцию японских войск на территорию СССР. Кроме НОРРа в местах расселения казаков действовали Дальневосточный отдел Национально-трудового Союза нового поколения (НТСНП) и Антикоммунистический со-

юз российской дальневосточной молодёжи (АСРДМ) [7]. Также при Союзе казаков была создана молодёжная организация «Казачья смена», в которую входили казачата от 8 до 14 лет. При Союзе также были организованы двухгодичные военно-училищные курсы для подготовки комсостава из молодёжи.

Предметом особого внимания японцев, которые проводили свою политику через БРЭМ, было создание вооружённых охранных, полицейских, диверсионно-разведывательных и армейских формирований из эмигрантов, и прежде всего казаков.

Заместитель начальника Японской военной миссии в г. Хайларе на собрании членов самоохранны отмечал: «Эта организация не должна являться только передаточным органом распоряжений государства, а должна стать активным органом, каждый районный и десятский которого обязан быть ответственным за протекающую жизнь своего района. Обязанность каждого районного, сотского и десятского заключается не только как передатчика распоряжений государства населению, но также и в наблюдении за жизнью населения, его настроения и состояния духа» [8]. Из этих слов понятно, какую роль отводила Японская военная миссия отрядам самоохранны. Порядок работы этих отрядов, в частности в Хайларе, был таким. Город делился на четыре района, которые обслуживались 92 чинами руководства самоохранны (в 1942 г. их численность была сокращена до 49 человек). Должностные лица делились на три категории: начальники районов, сотские и десятские. Эти должности считались «почётными». Срок службы в самоохранны устанавливался в один год. Начальники самоохранны находились в непосредственном ведении Захинганского бюро по делам эмигрантов и получали распоряжения только через его представителей. Все персональные назначения и замены начальников самоохранны проводило Бюро своим приказом. При этом каждый эмигрант был обязан безоговорочно давать необходимые сведения десятскому, тот – сотскому, сотский – районному начальнику, а тот в свою очередь – в Бюро. Службу в самоохранны обязаны были нести все эмигранты без исключения и в определённые сроки.

Помимо органов самоохранны казаки принимали активное участие в деятельности местных полицейских органов. Например, в Департаменте полиции г. Маньчжурия работали: полицейские, надзиратели, помощники надзирателя, служащая паспортного стола, шофёр, уборщицы. В железнодорожной полиции на

ст. Маньчжурия служили казаки Н. Роголёв (полицейский), Н. Ставицкий (старший полицейский), Серёдкин и др. Более того, в г. Хайларе имелась специальная полицейская школа для русских эмигрантов. Этой школе были подведомственны две полицейские школы для китайцев и монголов в Маньчжурии. Школа в Хайларе была в конце 1941 г. преобразована в Конно-полицейский отряд, а в конце 1943 г. в Конно-казачий полицейский отряд. Конно-полицейским отрядом командовал есаул И. А. Пешков. В офицерском составе отряда числились: хорунжий В. Н. Потапов, хорунжий К. А. Вологдин, прапорщик Г. Н. Чипизубов, прапорщик Н. Н. Бородин. Отряд был кавалерийским, личный состав был одет в полицейскую форму, на лошадях были казачьи сёдла, численный состав служащих не превышал 30 человек.

Конно-казачий полицейский отряд начал своё существование с октября 1943 г. после реорганизации Конно-полицейского отряда. Командный состав отряда на тот момент был таким: есаул И. А. Пешков – командир отряда, есаул И. И. Зыков – заместитель командира, хорунжий В. Н. Потапов – командир первого взвода, хорунжий К. А. Вологдин – командир второго взвода, прапорщик Г. М. Черепанов – командир третьего взвода. Младший командный состав отряда: вахмистр Э. П. Брезин, вахмистр Ю. Поручиков, вахмистр П. И. Переводчиков, урядник А. Пешков, урядник И. И. Овчинников. Конно-казачий полицейский отряд насчитывал около 150 человек. Рядовые были обмундированы в форму японской армии, но погоны и кокарды казачьи, офицеры носили казачью форму. Оружие – винтовки чехословацкого образца (без штыков), остальное оружие – японское. Отряд непосредственно подчинялся военному отделу Японской военной миссии в Хайларе (начальником этого отдела в 1943–1944 гг. был поручик Кобо). При этом в отряде ежедневно находились один или два японских офицера, которые часто менялись.

В конце октября 1943 г. при отряде были сформированы офицерские курсы, которые существовали до апреля 1944 г. На них обучалось 12 человек, которые в итоге были выпущены с производством в офицеры.

В 1938 г. под руководством японского полковника Макомото Асано был создан ряд учебно-тренировочных центров для подготовки разведчиков и диверсантов (в районе пос. Суну). В них проходили двухлетний курс подготовки молодые русские

эмигранты, причём изначально туда отбирались преимущественно добровольцы из казаков и члены РФП. Но с 1942 г. молодёжь направлялась в эти отряды принудительно, общий контингент служащих в этих отрядах увеличился, а срок подготовки был сокращён до одного года. Отряды Асано стали основной базой разведывательно-диверсионной работы против Советского Союза, проводившейся Японской военной миссией. При этом если сначала использовалась тактика массовой заброски небольших диверсионно-разведывательных групп на советскую территорию, то позднее, с началом войны, практиковалась заброска хорошо подготовленных кадров для глубокого внедрения.

Из армейских образований казаки служили в Захинганском отдельном корпусе, в задачи которого, помимо прочего, входило «дать строевую подготовку молодым, а старших побудить повторять пройденное в дни их прошлой службы» [9]. Командовал Захинганским отдельным корпусом генерал-лейтенант А. П. Бакшеев, а начальником штаба был генерал-майор П. И. Блохин. В состав корпуса входили: 1) Сводно-Хайларский полк; 2) Сводно-волонтёрский отряд в г. Манчжурии; 3) Якэшинский Сводно-казачий полк; 4) Сводно-волонтёрский отряд в Бухэду; 5) Сводно-волонтёрский отряд в Чжаланьтуне; 6) Трёхреченский полк, который 23 октября 1942 г. был преобразован в Отдельную Северо-Хинганскую бригаду в составе одного конного и одного пехотного полков. Оба полка были пятисотенного состава. На укомплектование этих полков были призваны проживающие в посёлках Трёхречья казаки, годные к несению службы, а также казаки, состоящие в рядах Особого казачьего отряда в г. Хайларе и в отрядах Асано [10].

С одной стороны, можно сделать вывод, что представители казачьей эмиграции в массовом порядке принимали участие в создании эмигрантских антисоветских организаций и вооружённых формирований под эгидой Японской военной миссии. Многие казаки служили в охранных, полицейских, разведывательно-диверсионных и армейских частях, которые, по сути, подчинялись командованию Квантунской армии. Значительно было количество казаков и в командном составе эмигрантских формирований. Однако нельзя сказать, что все казаки-эмигранты смешивали свою антисоветскую настроенность с необходимостью действовать в рядах Японских вооружённых сил хоть против советской, но все-таки России. Также недовольство казаков вызывал тоталь-

ный контроль их жизни и притеснения (репрессии, допросы, принудительные переселения целыми посёлками) со стороны японских властей. Это недовольство выразилось как в саботаже разных мероприятий ЯВМ и БРЭМ, так и в открытой вооружённой борьбе с японцами. В частности, в 1935 г. поднялось антияпонское восстание в Трёхречье, которое было жестоко подавлено. Набирала силу и дальнейшая миграция россиян, в том числе казаков, из Китая в другие страны (Австралию, США, Канаду, Бразилию и др.). Это говорит о том, что достаточно большая часть казаков (особенно рядовой состав), вынужденно проявляла лояльность, как к представителям Японской военной миссии, так и её ставленникам на местах, и вынужденно шла на службу в японские и прояпонские военные структуры. Подобное положение вещей достаточно ярко проявилось уже в ходе боевых действий между армиями СССР и Японии, когда за отказ поднять оружие против советских войск японцами был расстрелян из пулемётов Хайларский отряд казаков, а два других отряда были разоружены и расформированы.

Середина и конец 1941 г. прошли под знаком решительных мероприятий Главной японской военной миссии в г. Харбине. Эти мероприятия предусматривали объединение эмиграции в интересах японской разведки в период подготовки нападения Японии на СССР. Именно в это время Главная ЯВМ в г. Харбине категорически потребовала от российских эмигрантов прекратить партийные и групповые распри и объединиться вокруг Главного бюро по делам российских эмигрантов (ГБРЭМ) в Харбине, как единого эмигрантского центра, состоящего под контролем и руководством японской разведки. С середины 1941 г. стали прекращать свою независимую от БРЭМ деятельность такие организации, как Монархическое объединение и Дальневосточный союз военных, а перед Российским фашистским союзом была поставлена дилемма – либо полностью подчиниться распоряжениям ЯВМ, либо перестать существовать как эмигрантское политическое объединение. В 1942 г. РФС официально был распущен, но фактически его кадры были влиты в структуру БРЭМ.

В годы войны японцы ужесточили контроль над российской эмиграцией. Малейшее неповиновение, колебание в исполнении приказа, неосторожно вырвавшееся критическое замечание или просто подозрение в наличии сомнений в победе так называемого нового порядка влекло за собой немедленное отстранение от по-

рученных обязанностей и арест. Например, в декабре 1943 г. был арестован бывший начальник Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии А. М. Заалов, который был ранее на отличном счету в Японской военной миссии. Ещё в апреле 1942 г. эмиграция Маньчжурии в торжественной обстановке отметила юбилей пребывания А. М. Заалова на посту начальника местного БРЭМ. На торжество приехал заместитель начальника Хайларской ЯВМ полковник Таки, который на юбилейном собрании сказал: «Если я не ошибаюсь, на территории Манчжоу-Го таких опытных начальников Бюро, каким является А. М. Заалов, может найтись ещё один или два человека» [11]. После ареста Заалова начальником БРЭМ в Маньчжурии был назначен С. А. Безобразов, который до этого назначения занимал должность начальника культурно-просветительного отдела БРЭМ и директора русской школы, был активным членом Российского фашистского союза.

В конце 1943 г. японское командование через Главное бюро по делам российских эмигрантов (в г. Харбине) ввело обязательную воинскую повинность для всех эмигрантов в Русских воинских отрядах (бывшие подразделения эмигрантов под командованием японского полковника Асано). 1 декабря 1943 г. начальник ГБРЭМ в г. Харбине Л. Ф. Власьевский публично заявил: «Государственные власти проявили акт наивысшего доверия к российским эмигрантам, предоставив возможность получать эмигрантской молодёжи военную подготовку, участвуя в обороне Маньчжоу-Го и получать эту подготовку в полном соответствии с идеалами российской эмиграции. На основании этого Главное бюро приступило к развитию деятельности Сунгарийского, Ханьдаохэцзуннского и Хайларского русских воинских отрядов» [12]. Эти формирования действовали на следующих принципах: 1) отряды являлись базой воинской подготовки российской эмигрантской молодёжи, 2) командный и рядовой состав полностью формировался из российских эмигрантов, 3) срок подготовки был определён в полтора года, 4) отличительным знаком отрядов являлся значок установленной формы.

1 января 1944 г. Конно-казачий полицейский отряд был переименован в Русский воинский отряд в г. Хайларе. Отряд имел назначение на случай войны с СССР действовать в советском тылу и проводить диверсионно-подрывную работу. Однако это формирование не участвовало в боях против Красной армии ни на фронте, ни против Советской власти в тылу, поскольку в авгу-

сте 1945 г. японцы расстреляли многих рядовых и офицеров отряда. Более того, японцы, опасаясь, что «русские отряды» могут повернуть оружие против них при наступлении Красной армии, ещё до начала военных действий (в июле 1945 г.) преобразовали достаточно большую часть из них в трудовые дружины и разоружили. Поводом к этому мог послужить бунт в одной из школ ЯВМ в пограничье, когда курсанты с боем прорвались на советскую сторону. Вообще же, реальная численность воинских казачьих подразделений не превышала 1000–1500 человек, причём, как уже отмечалось, они как правило не принимали участия в боевых столкновениях с РККА, а часть их была расстреляна самими японцами. И это было не случайным. В начале 1945 г. Управление НКВД по Читинской области сделало вывод на основе разведывательных сведений, что «до 90 % эмигрантов не поддерживают немцев». В другом разведывательном материале говорилось: «Эмигрантская молодёжь, в связи с насильственным призывом её в белоэмигрантские формирования, выражает большое недовольство японцами. Молодые белоэмигранты говорят, что пусть японцы не думают, что если молодёжь принуждается сейчас служить для японцев, то это совпадает с её желаниями» и далее «Наоборот, молодёжь обозлена этим насильственным призывом и в случае войны не станет класть свои головы в угоду японцам. Большинство эмигрантов слушают советское радио и, слыша о победах Красной армии, радуются, что русские бьют немцев» [13]. Подобный естественный патриотизм российской эмиграции подогревался и деятельностью советских спецслужб. Для читинских и хабаровских органов разведки и контрразведки задача по разложению эмигрантских воинских подразделений (особенно отрядов Асано) была одной из приоритетных.

Можно сделать вывод, что политическая (в том числе – военно-политическая) деятельность казачьей эмиграции в Маньчжурии протекала в рамках двух периодов: 1920–1931 гг. – до японской оккупации и 1932–1945 гг. – в условиях японской оккупации Северо-Восточного Китая. В ходе первого периода были созданы казачьи союзы и другие политические организации, в которых активно действовали представители зарубежного казачества. Эта деятельность была относительно свободной, распространялась на разные стороны жизни и выражалась в создании и участии в деятельности разных эмигрантских идейных движений и политических организаций. При этом благодаря своей войсковой сплочённости и военно-станичному укладу жизни, казаки

играли существенную роль в организации политической жизни русской эмиграции. Поэтому они во многом были консолидирующей военно-политической силой всей российской эмиграции в Маньчжурии.

Характер политической деятельности казаков, с некоторыми оговорками, можно назвать антисоветским. Это естественно, если учесть характер предшествующих событий и их положение на чужой территории. Такая деятельность нередко носила военный характер, чему способствовало то, что ещё до прихода японцев под рукой эмигрантских атаманов уже были боеспособные казачьи подразделения.

С приходом японцев начался новый период в политической и военно-политической жизни российской эмиграции в Маньчжурии. Японская военная миссия рассматривала эмигрантов, с одной стороны, как угрозу своему тылу, а с другой – как активный резерв своей военной политики по отношению к СССР. Поэтому, с одной стороны, японцами были установлены условия тотального контроля над жизнью русской эмиграции, а с другой – развёрнута активная работа по её политической консолидации (на базе антибольшевизма) и использованию в разведывательно-диверсионных и военных целях. При этом особую роль японцы отводили прежде всего казачеству (наряду с белым офицерством), так как оно оказалось самой консолидированной, политически-организованной и боеспособной силой в российской эмиграции Маньчжурии. Поэтому можно сказать, что казаки выступили консолидирующей политической силой российской эмиграции в Северо-Восточном Китае как в дояпонский период, так, особенно в период японской оккупации.

Примечания

¹ *Мальшенко Г. И.* Идеино-политическая борьба в среде казачества российской эмиграции в Северо-Восточном Китае, 1920–1937 гг. : дис ... канд. ист. наук. Омск, 2001. С. 67.

² *Худобородов А. Л.* Вдали от родины: российское казачество в эмиграции. Челябинск, 1996. С. 46.

³ *Мальшенко Г. И.* Указ. соч.

⁴ *Худобородов А. Л.* Российское казачество в эмиграции 1920–1945 гг.: Социальные, военно-политические и культурные проблемы : дис ... д-ра ист. наук. М., 1997. С. 381–383.

⁵ Архив РУ ФСБ по Читинской области. Д. 67. С. 14.

⁶ Там же. С. 14–16.

- ⁷ *Малышенко Г. И.* Указ. соч. С. 77–78.
- ⁸ *Худобородов А. Л.* Российское казачество в эмиграции 1920–1945 гг.: Социальные, военно-политические и культурные проблемы. С. 329.
- ⁹ *Чатыгин И. В.* Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая (1920–1945 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. С. 120.
- ¹⁰ Там же. С. 121–122.
- ¹¹ Архив РУ ФСБ по Читинской области. Д. 66. С. 102.
- ¹² Там же. С. 102–104.
- ¹³ Там же. С. 104.

ТЕМА 7

Социокультурная адаптация казачества в среде российской эмиграции

Представителями казачьей эмиграции в Северо-Восточном Китае велась достаточно активная культурная жизнь, которая, с одной стороны, была частью культуры всей русской диаспоры, а с другой – выделялась на фоне культурной жизни других групп анклава большей активностью. Последнему, кроме прочего, способствовали: наличие вековой традиционной казачьей культуры, традиционная сплочённость казачества как специфической группы населения, а также наличие мощной войсковой централизации, регулирующей не только военно-политические, но и культурные вопросы жизни казаков (особенно в 1930-х – первой половине 1940-х гг.).

Перемещённые в достаточно небольшой период времени в иную географическую, государственную, национальную, конфессиональную, языковую и культурную среду, казаки, как и другие российские эмигранты, оказались перед необходимостью социокультурной адаптации. Вписывая себя в исторически сложившиеся новые системные отношения, русские эмигранты в Китае, с одной стороны, могли опереться на давно проживающих здесь соотечественников (коммерсантов, служащих, крестьян и др.), хорошо знающих местный язык, нравы и обычаи, а также хорошо знакомых с системой работы местной администрации. Но с другой стороны – русские в Китае не могли рассчитывать на помощь местной администрации и местного коренного населения (как-то было в некоторых странах Европы) в силу их недоверчивого и часто агрессивного отношения. Поэтому переселенцам приходилось рассчитывать только на себя и на своих собратьев, т. е. на внутренний ресурс эмигрантской общины. А это, в свою очередь, в значительной мере повышало роль таких объединяющих факторов, как язык и культура. Если на родине язык воспринимался как средство общения, то в новых исторических условиях – как

неотъемлемая часть самоидентификации и сплочения группы как стратегии выживания. Любое проявление национальной культуры оценивалось уже не как обыденное явление быта, а как ценность, определяющая твою принадлежность к нации и находящаяся под угрозой исчезновения. Поэтому наряду с «разбазариванием» и забыванием культурных ценностей в сложный период одними представителями эмиграции, другими параллельно велась активная работа по собиранию, изучению, публикации и развитию явлений культуры, принесённых с собой с Родины.

Вторым по важности вопросом (после решения задач социально-экономического плана: пропитание, жильё, работа), который стремились решить казаки в эмиграции – было обустройство духовной жизни. А так как основу духовной жизни казаков составляло Русское православие, то необходимой задачей была организация отправления православного культа. С одной стороны, возведение культовых сооружений в столь сложное время можно смело назвать духовным подвигом народа, а с другой, и это факт, организация православных приходов была настоятельной потребностью для русского эмигрантского населения. Храм играл объединяющую, консолидирующую роль, что сказывалось во всех сферах жизни, а кроме того, не секрет, что потребность в религии значительно возрастает в критические моменты истории обществ и их групп. Храм выполнял умиротворяющую функцию в жизни сообщества людей, оказавшихся в экстремальной ситуации. Поэтому русские поселенцы стремились побыстрее обзавестись молебным домом, часовней или церковью.

Надо сказать, что при всех тяготах существования, казаки были в более выгодном положении при организации приходов. Благодаря консолидации и целенаправленному использованию войсковой казны, они могли аккумулировать достаточно большие (для тех условий) суммы денег на общественно-полезные нужды (какими были постройка храмов и содержание священства). Поэтому достаточно большая часть православных храмов, построенных на территории проживания эмигрантского населения, была создана и содержалась казаками. Общее количество «казачьих» церквей доходило до нескольких десятков. При этом их прихожанами часто были не только казаки, но и представители других групп эмиграции, особенно в крупных населённых пунктах со «смешанным» населением. Например, в административном центре Трёхречья – Драгоценке (Найлумту) казаками был построен

Кафедральный собор (настоятелем и благочинным церковью был о. П. Макоев); в пос. Караганы – Молитвенный дом пророка Божия Илии; в пос. Попирай – церковь Покрова Пресвятой Богородицы; в ст-це Ключевой – церковь Казанской Божией Матери (настоятель о. С. Сушко); в ст. Дубовой – церковь святителя и Чудотворца Николая; в пос. Верх-Урга – церковь Михаила Архангела (настоятель иеромонах о. Г. Шатилов); в Усть-Урге – церковь Рождества Пресвятой Богородицы; в Верх-Кули – церковь Покрова Пресвятой Богородицы (настоятель о. М. Поникаровский) и старообрядческая церковь Успения Пресвятой Богородицы (настоятель протоирей о. И. Шадрин); в Покровке – церковь Казанской Божией Матери и старообрядческая – Покрова Пресвятой Богородицы; в Челотуе – церковь Успения Пресвятой Богородицы (настоятель о. Г. Ланской); в пос. Солонечном – мужской монастырь Владимирской Божией Матери (на реке Ган) [1].

В Маньчжурии имелось три православных церкви: Иннокентьевская; Казанско-богородская; Серафимовская. На ст. Чжалайнор была Михайло-Архангельская церковь в пос. Чжалайноркопи – Пророко-Ильинская с настоятелем в обеих церквях иеромонахом Павлом (Афанасьевым). В его же ведении находились на ст. Цаган – Казанско-богородская церковь и часовня на ст. Хорхонта. Целый ряд «казачьих» церквей был в Хайларе и Харбине. И как писал один казачий автор в начале 40-х гг: «В посёлках и выселках, в которых в настоящее время хотя ещё и не имеется храмов, тем не менее справляются престольные праздники; церковные службы исполняются в честь святых, почитаемых небесными покровителями этих посёлков» [2].

Источников священства для построенных храмов было два. Их могла поставить Пекинская духовная миссия Русской Православной церкви (как то было в Иннокентьевской церкви г. Маньчжурия), либо это были священники, эмигрировавшие вместе с другими слоями российского общества. Ввиду исторических условий вторых было гораздо больше, но распределялись они не равномерно. Если в относительно состоятельном Трёхречье священниками было обеспечено большинство церквей, то в г. Маньчжурия и прилегающих станциях один священник окормлял до четырех приходов.

Председателями приходских советов чаще всего были состоятельные и уважаемые люди (как А. М. Третьяков в Иннокен-

тьевской церкви г. Маньчжурия), что могло служить не только духовной, но и хозяйственной консолидации прихода.

Показательно, что в казачьих поселениях строились и старообрядческие храмы (как церковь Успения Пресвятой Богородицы в пос. Верх-Кули и церковь покровы Пресвятой Богородицы в пос. Покровка). Более того, второй пример показателен ещё и тем, что именно старообрядческая церковь, а не имеющаяся рядом православная – Казанская, дала название всему населённому пункту. Это говорит о вовлечённости части казачества в старообрядчество (как до эмиграции, так и после) и лишний раз проявляет неоднородность такого явления истории, как казачество.

Насущными для казаков-эмигрантов были и вопросы приречения нуждающихся. И это понятно, если учесть условия, в которых оказались люди на чужбине. Благотворительные учреждения функционировали, как правило, в крупных населённых пунктах. Например, в Маньчжурии существовали Приют им. Епископа Ионы, в котором помещалось 11 детей и Богадельня для престарелых, где жило 11 человек (данные начала 1930-х гг.). В то же время «существенную поддержку зарубежному казачеству оказывало Харбинское особое совещание Российского общества Красного Креста» [3]. А наиболее крупной общественной организацией в Маньчжурии, «координировавшей деятельность многих благотворительных учреждений был Харбинский комитет помощи русским беженцам».

Одной из важнейших проблем культурного строительства казаков в Маньчжурии стала организация образования подрастающего поколения. В решении этой проблемы большую роль играла казачья администрация. В станицах, посёлках, городах открывались школы, училища, курсы. Самым массовым образовательным учреждением была начальная школа для детей. Несмотря на все трудности, уже в 1930-е гг. практически каждый крупный казачий населённый пункт имел свою школу. В частности, в русской школе в Маньчжурии обучалось до ста учеников, многие из которых были из казачьих семей. В этой школе работало 8 преподавателей (А. Н. Кузнецов, А. А. Деревцов, В. В. Вдовкин и др.) В пос. Хунхульди имелась эмигрантская школа, в которой, наряду с другими, обучались дети казаков. Школой заведывала М. В. Плясунова. Характерно, что при этом учебном заведении функционировал родительский комитет, что говорит о включённости родителей в образовательный процесс и было про-

диктовано сложностями в организации учебных заведений. Характерен пример казачьего пос. Павловское, состоявшего из 20 дворов. В школе этого посёлка в 1944 г. обучалось 20 детей. И это достаточно показательно. Как описывал образовательную ситуацию в казачьих посёлках Трёхречья, один современник: «В каждом посёлке имеются народные училища, в некоторых – повышенные» [4]. И действительно, отношение казаков к образованию подрастающего поколения было серьёзным. В той же Драгоценке (административном центре Трёхречья) в 1942 г. было построено большое здание Повышенного народного училища, существующего до этого.

Ещё 28 февраля 1920 г. в Харбине были открыты Высшие экономико-юридические курсы, также в Харбине действовал Русско-китайский техникум и ряд других учебных заведений русской эмиграции, в которых вместе с другими учились и казаки.

И хотя казачьи учебные заведения и, прежде всего, военные училища «действовали в основном в славянских странах» [5], тем не менее, и в Китае эта сфера образования успешно развивалась. Эмигрантские военные училища в Китае возникли уже в 1920-е гг. и «имели своеобразный вектор развития» [6]. Кроме обучения российских эмигрантов, в том числе казаков, они также осуществляли воинскую подготовку китайских военных и нередко принимали участие во внутрикитайских вооружённых конфликтах.

Одной из важнейших сторон культурной жизни казачьей эмиграции и средством её влияния на культуру всей русской диаспоры была периодическая печать. Сам факт появления эмигрантских журналистских коллективов, издательских центров и типографий говорит, во-первых, о достижении определённых положительных результатов в экономическом и культурном развитии переселенческого сообщества, а во-вторых, об осознанной необходимости в собственной периодике. И не случайно именно пресса во многом создаёт и поддерживает единое информационное и интеллектуальное поле, особенно в суровых условиях эмиграции, когда каждое печатное слово на родном языке воспринималось по-особому.

Надо сказать, что организация казачьих изданий сталкивалась с целым рядом как экономических, так и политических трудностей. Поэтому многие издания, которые планировались как периодические, выходили в свет всего один или несколько раз.

В пределах Северо-Восточного Китая регулярно выходила одна казачья еженедельная газета «Казачья жизнь», появившаяся в 1936 г., вдали от крупных населённых пунктов Маньчжурии – в Трёхречье, в селении Драгоценка, в центре целой группы казачьих посёлков. В этой газете размещались статьи как о событиях местной жизни, так и сведения о мировых событиях и даже статьи беллетристического характера. Также освещались экономические, полемические, хозяйственные, культурные проблемы казачьей эмиграции. Эта газета выходила в 1936, 1940 и 1942 гг. Иногда «казачья периодика» реализовывалась в форме вкладных страниц в не казачьих газетах. Так, в газете «Наш путь», издававшейся в Харбине в 1937 г. имелись страницы с заголовком «Казачьи Думы» и содержащие статьи по казачьей тематике.

Большое распространение в казачьей среде получили «однодневные» газеты, которые выпускались в тех случаях, когда надо было отметить печатным словом или праздник казачьей организации или юбилей войска. Первой однодневной казачьей газетой, появившейся в Маньчжурии, был «Сибирский казак», вышедший в день войскового праздника Сибирского казачьего войска – в Николин день, 19 декабря 1929 г. Следующий выход этой газеты был через год, в Николин день 1930 г. 19 декабря 1930 г., появилась вкладной лист под заголовком «День Сибирского Казака» в харбинской газете «Русское слово» за № 1441. В 1931–1933 гг. «Сибирский казак» выходил в свет в день войска. Но с 1934 г. он выходить перестал и в этот день стали выходить только вкладные листки в газетах общего характера (в частности «Русское слово», «Заря», «Голос эмигрантов», «Харбинское время») [7].

Среди однодневных казачьих газет, выходивших к какому-либо знаменательному дню были также: «Амурский казак», «Забайкальский казак», «Оренбургский казак», «Казачий Клич», «Дальневосточный казак», «Голос крестьянина и казака». Центральной темой однодневных газет было празднование дня войска, при этом особое внимание в статьях уделялось его истории и былым заслугам перед отечеством. Нередко именно на страницах этих изданий наряду с объединительными, звучали реваншистские ноты, что, впрочем, было естественно.

К периодическим казачьим журнальным изданиям может быть отнесёно издание «Россия и Казачество», первый номер которого вышел в сентябре 1933 г. Оно планировалось как ежемесячное, но фактически, за три года существования вышло только

10 номеров. Другие журнальные издания редко выдерживали более одного издания. К таковым относятся: «Казачество в Азии», «Дальневосточный казак», «Казачий клич», «Атаманский клич», «Казачий набат», «Казачий путь», «Зарубежное казачество», «Зарубежный казак». Все вышеперечисленные журналы освещали общеказачью проблематику. Они издавались либо в Харбине, либо в Хайларе и, как правило, имели тираж в пределах 1000–1500 экземпляров. Журналами, посвящёнными одному или нескольким казачьим войскам были: «Иркутский казак», «Сибирский казак», «Оренбургский казак», «Дальневосточное казачество», «Енисейские казаки», «Жёлтый лампас». Если первая группа журналов была издана Союзом казаков и обслуживала интересы и нужды всех имеющихся в Маньчжурии казаков, то журналы второй группы выходили по инициативе или представительству отдельных казачьих войск. По числу выпусков на первом месте стоит Союз казаков на Дальнем Востоке, позднее переименованный в Союз казаков в Восточной Азии. По видимому тут сыграло роль и влияние Японской военной миссии, которая стремилась через этот союз не только контролировать прессу, но и посредством прессы контролировать общественное мнение в эмигрантской среде.

В целом количество и содержание казачьей периодики и единовременных изданий говорит о достаточно активной политической и культурной жизни казаков на территории Северо-Восточного Китая. Наряду со статьями по хозяйственно-экономическим проблемам и коммерческой рекламой, в определённой мере характеризующих экономическую жизнь эмиграции, в газетах и журналах размещались статьи по истории казачества, предпринимался анализ недавних событий Первой мировой войны, революции, Гражданской войны, исхода и расселения на новых территориях, а позднее и проблемы Второй мировой войны. Достаточно активно обсуждались вопросы политического бытия и будущего как казачества, так и эмиграции в целом. Краеугольным камнем статей нередко был вопрос о месте казачества в бывшей и будущей России и то, как следует относиться к Советской, но все-таки России. Нередко поднимались вопросы о возможностях возвращения в Россию. Кроме того, определённое место в казачьих изданиях занимали вопросы культуры и образования. То есть казачьи издания, с одной стороны, отражая характер развития жизни казачьей эмиграции (и выражая характер само-

рефлексии казачества на чужбине), с другой стороны, направляли и усиливали это развитие, во многом помогая консолидации и развитию всей русской диаспоры Северо-Восточного Китая. Этим же целям служила и радиостанция в Хайларе, которая вела передачи на русском языке.

Очень важной стороной культурной жизни казачьей (как и всей русской) эмиграции была литературная и издательская деятельность. Несмотря на сложности «беженского» положения, бывшие подданные Российской империи, в том числе и казаки, создавали литературные произведения и, более того, умудрялись их публиковать и распространять. Анализ эмигрантской литературы говорит о достаточно активной творческой жизни на чужбине. Эмигранты не только активно писали, но и обсуждали, рецензировали, спорили на страницах своих изданий. Подобную активность во многом можно объяснить яркостью впечатлений от пережитого. Являясь современниками великих перемен, пострадав от них и продолжая быть их заложниками, российские эмигранты часто были не в силах сдерживать подобную психоэмоциональную нагрузку и выплёскивали пережитое на бумагу. А так как читающая масса пережила то же самое, что и авторы, эта литература принималась и понималась.

В Северо-Восточном Китае центром литературной жизни был Харбин. Именно здесь издавалась основная масса литературных произведений и в том числе авторов-казаков. Наиболее активно творили и издавали в Маньчжурии такие писатели и поэты, как Н. А. Байков, Б. Березовский, В. С. Логинов, П. Волгин, М. И. Борисов, И. Н. Волков, М. В. Волкова, С. И. Гусев-Оренбургский, Г. В. Енборисов, М. И. Колосова, А. Ачаир. Последний автор был своеобразной «литературной звездой» эмигрантской Маньчжурии. Алексей Ачаир (А. А. Грызлов, 1896–1960) родился в ст-це Ачаир Сибирского казачьего войска, окончил кадетский корпус и Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию, был казачьим офицером. В 1922 г. поселился в Харбине, где занимался педагогической и литературной деятельностью, был секретарём Христианского союза молодёжных лиг. Взяв себе литературный псевдоним по названию родной станицы, А. Ачаир публиковал свои стихи во многих харбинских журналах и газетах. По его инициативе было создано литературное объединение «Молодая Чураевка», которое сотрудничало с созданным в Париже Н. Н. Туоровёровым Кружком казаков-литераторов. В три-

дцатые годы объединение издавало свою ежемесячную газету «Чураевка», которую редактировал В. Перелешин. В ней публиковались стихи и рассказы молодых литераторов. Педагог и поэт старшего поколения А. Ачаир был основателем и вдохновителем этого объединения.

Впечатляет жанровое многообразие произведений казачьих авторов: повести, рассказы, мемуары, романы, новеллы, пьесы, стихи, поэмы и др. Прежде всего казаков-эмигрантов занимали сюжеты пережитых событий, современного состояния вещей, перспектив развития и, что особенно важно для нас, своего места во всех этих процессах. Большую часть эмигрантской (в том числе казачьей) литературы можно назвать проявлением саморефлексии людей, волею судьбы и истории оторванных от Родины и заброшенных в инокультурную среду. Здесь и воспоминания повседневной (бытовой) истории дореволюционной России и Сибири, как у М. И. Борисова, и яркие описания смутных дней революции и Гражданской войны как в книгах Г. В. Енборисова. Здесь же переживания о судьбах оставленной Родины, как в стихах М. В. Волковой и М. И. Колосовой, пьесах С. И. Гусева-Оренбургского, и отражение жизни российских людей на новом месте, как в творчестве Н. А. Байкова, В. С. Логинова, Б. Березовского и др. Особый интерес представляют произведения последней группы авторов, ибо именно в них нашло яркое отражение самовосприятие эмигранта на чужбине, восприятие принимающего общества, русской диаспоры и места казачества в ней. В целом эти авторы достаточно высоко оценивали роль казаков, казачьего духа, казачьего уклада и казачьих организаций в жизни русской общины Маньчжурии.

Неотъемлемым элементом культурной жизни казачества в Китае была организация и проведение Казачьих выставок. Подобные выставки, проводившиеся, в частности, в Харбине презентовали разные стороны хозяйственной, военно-политической и культурной жизни казачества на новой территории. При этом подобные мероприятия можно скорее расценить как явление внутренней жизни русской диаспоры, играющее роль экономического, политического и культурного сплочения эмигрантов, и в частности казаков. Выставка как явление культурной жизни играла важную идентификационную и самоидентификационную роль в инонациональной, иноконфессиональной и инокультурной среде. В ходе этого мероприятия издавался «Вестник казачьей

выставки», в котором находили отражение современное состояние дел в эмиграции, проблемы перспектив развития и другие не менее важные вопросы. Как правило, подобный вестник выпускался в издании одного из крупных военно-политических объединений казачьей эмиграции (например, Представительством Союза казаков в Восточной Азии). В последнем моменте, наряду с прочим, проявлялся контроль японцев над культурной жизнью казаков через подчинённые им казачьи организации.

Одной из форм культурной жизни казачьего населения Маньчжурии были разнообразные кружки и «эмигрантские дома». Подобные общественно-культурные объединения складывались либо стихийно при участии культурно-активных представителей эмигрантского населения, либо под прямым влиянием администрации (как это часто было в 1932–1945 гг. – во время японской оккупации Маньчжурии). Количество и разнообразие кружков, как правило, зависели от плотности и характера эмигрантского населения. Чаще всего они были литературными, музыкальными, военными, детскими, молодёжными. Наибольшее их количество было в Харбине, хотя и в других населённых пунктах подобные кружки активно работали. В частности, в Хайларе был Дамский кружок, который вёл работу по хозяйственной части при устройстве собраний, вечеров и т. п., а также принимал участие в благотворительной деятельности. Также в Хайларе был Кружок русской молодёжи. В этом кружке было два отдела: спортивный и культурно-просветительный [8]. Имелся Кружок молодёжи и в пос. Хунхульди. Там же был и Дамский кружок [9]. Достаточно активный Дамский кружок был в Маньчжурии. Надо сказать, что «дамские» и «молодёжные» кружки были самыми распространёнными в среде казачества, ибо взрослое мужское население, как правило, принимало участие в военно-политических казачьих объединениях, а не в кружках. И, тем не менее, кружки играли достаточно большую роль, особенно в вопросе привлечения казачьей молодёжи в активную политическую жизнь.

Примером вмешательства японской оккупационной администрации в культурную жизнь русской (в том числе казачьей) эмиграции, может служить открытие 15 июля 1942 г. Дома российской эмиграции на Второй улице в Маньчжурии. Сначала под контролем японской администрации и при активном участии казаков было отремонтировано здание (на ремонт было потрачено более 5 тыс. гоби). Потом туда «под одну крышу» были сведены:

правление казачьей станицы, отдел молодёжи, кружок по изучению японского языка, женский кружок. Председателем правления Дома был С. А. Безобразов [10]. С одной стороны, подобная централизация помогала развивать культурную жизнь казаков. Но с другой – она служила упрощению контроля и направлению культурной (да и политической) жизни российской эмиграции. Держа руку на пульсе общеэмигрантской и казачьей культурной и политической жизни, японцы стремились направлять её в нужное им русло. Стремясь использовать эмиграцию против СССР, они уделяли серьёзное внимание казачеству, и особенно – казачьей молодёжи. Из подрастающих казаков японская администрация стремилась воспитать надёжных диверсантов и разведчиков, способных успешно работать на территории СССР. Таким образом, стремясь тотально контролировать культурно-политическую жизнь казачества, японцы, одновременно делали всё, чтобы привлечь казачью молодёжь в свои разведшколы. Именно поэтому, собирая разные культурные кружки «под одной крышей» с казачьим правлением, они создают здесь школу японского языка, ставшую вербовочным пунктом и филиалом разведшколы.

Можно сделать вывод, что культура играла объединяющую роль и как следствие – помогала выжить представителям эмиграции. Однако нельзя забывать и того, что состав эмиграции был неоднороден, неоднородна была и культура (в основе своей русская), разным было и отношение к ней. С большой долей условности культуру русской эмиграции можно разделить на общественную и бытовую. В сохранении и развитии общественной большую роль играла интеллигенция (в том числе казачья), в сохранении бытовой – казачество и крестьянство. Наиболее устойчивыми в плане сохранения народной культуры оказались такие группы, как крестьяне и казаки. Как писал современник об одном из основных мест расселения казаков: «Трёхречье – это Россия за рубежом. Русский быт. Патриархальный русский уклад» [11]. Прежде всего, это объясняется традиционностью мировоззрения, связанного с хозяйством и укладом жизни. В то же время казаки были традиционно более организованы, чем крестьяне, и в силу своего уклада жизни больше, нежели крестьяне, ориентированы на культуру общественную. То есть казаки в эмиграции продолжали сохранять свою традиционную бытовую культуру и развивали культуру общественную. (В отличие от крестьянства, ориентированного на сохранение и развитие прежде всего традицион-

ной бытовой культуры, и в отличие от интеллигенции, ориентированной на развитие культуры общественной.) Кроме того, благодаря казачьей войсковой и общественной организации им было проще строить церкви, организовывать школы, издавать периодику и т. д. Таким образом, казачество, благодаря своей консолидированности и культурным традициям, во многом было мобилизующим фактором в культурном строительстве русской эмиграции и выступало силой, сохраняющей и развивающей как народно-бытовую, так и общественную культуру русского зарубежья.

Таким образом, казачья эмиграция занимала важное место в жизни русской диаспоры Северо-Восточного Китая. Будучи достаточно большой частью эмигрантского сообщества в этом месте (17,5 %), казачество Маньчжурии вобрало в себя представителей практически всех казачьих войск дореволюционной России. Своеобразие казачьего уклада жизни придало свою специфику процессу адаптации казачества на новом месте. Вековые традиции войскового и станичного управления общественной жизнью, позволили казакам более или менее успешно освоиться на новой территории и решать хозяйственно-экономические, политические и культурные проблемы своего существования.

В плане хозяйственно-экономической адаптации казаки, благодаря своей «близости к земле», оказались в более выгодных условиях, чем интеллигенция, офицерство, духовенство и др. Также этому способствовала «семейственность» казаков. Ведь многие из них (особенно забайкальские казаки) эмигрировали с семьями и именно крепкая, многодетная семья стала социально-экономической основой выживания в экстремальных условиях. Пройдя трудный период адаптации, со временем многие казаки смогли обустроить своё хозяйство, а некоторые из них – даже стать богатыми людьми. Развитие «казачьей» экономической инфраструктуры (опирающейся на станичную и войсковую взаимовыручку и координацию средств) служило залогом стабильности всей общеэмигрантской экономики, как основы выживания группы.

В политической жизни русской эмиграции в Маньчжурии казачество во многом играло определяющую роль. В отличие от западной ветви русской эмиграции, здесь казаки смогли объединить практически все антибольшевистские силы. Они стали организаторами активной политической жизни всех групп русской эмиграции. Во многом этому способствовала политика японских оккупационных властей (хотя, ещё до оккупации Маньчжурии

казаки имели свои союзы и боеспособные подразделения). При этом выбор японцами именно казаков как консолидирующей силы не был случайным. Так как казаки были более устойчивы в экономическом отношении (в отличие от белого офицерства, которое практически не имело своей экономической базы). Казаки были наиболее консолидированной частью эмиграции и, что очень важно, это были представители военного сословия, прекрасно умевшие служить и воевать. Однако при всей важности «японского фактора» в политической жизни эмиграции и казачества переоценивать его не стоит. Действительно, японская оккупационная администрация провела ряд мероприятий по консолидации эмиграции и одну из главных ролей в этом процессе отводила казакам. Многие казаки занимали важные гражданские и военные посты в прояпонских структурах (БРЭМ и др.), но в то же время большинство казаков не поддерживало японскую политику, что проявилось уже в ходе советско-японских боевых действий.

Достаточно заметную роль играли казаки и в культурной жизни русской диаспоры. Во многом этому способствовали: наличие сильной традиционной народной культуры, заинтересованность в светской общественной культуре образованных представителей казачества, а также традиции войскового и станичного регулирования культурной жизни.

Рассмотрев проблемы экономического, политического и культурного развития казачества, а также характер его взаимодействия с другими группами эмиграции, можем сделать вывод, что казачество занимало своё место и играло важную роль в жизни русской диаспоры Маньчжурии, неотъемлемой частью которой оно было.

Примечания

¹ *Шестаков М. А.* Благодатное Трёхречье // Вестн. казачьей выставки в Харбине 1943 г. : сб. ст. о казаках и казачестве / под ред. Е. П. Березовского. Харбин : Изд-во Представительства Союза казаков в Восточной Азии, 1943. С. 193–194.

² *Шестаков М. А.* Указ. соч. С. 194.

³ *Малышенко Г. И.* Идеино-политическая борьба в среде казачества российской эмиграции в Северо-Восточном Китае, 1920–1937 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2001. С. 48.

⁴ *Шестаков М. А.* Указ. соч. С. 194.

⁵ *Худобородов А. Л.* Российское казачество в эмиграции 1920–1945 гг.: Социальные, военно-политические и культурные проблемы : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. С. 272.

⁶ *Бегидов А. М.* Военное образование зарубежной России, 1920–1945 гг. : дис ... д-ра ист. наук. М., 2001. С. 453.

⁷ *Тюнин М. С.* Казачьи издания в Манчжурии // Вестн. казачьей выставки в Харбине 1943 г. : сб. ст. о казаках и казачестве / под ред. Е. П. Березовского. С. 172.

⁸ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 64. Л. 1.

⁹ Там же.

¹⁰ ГАХК. Ф. 830. Оп. 1. Д. 64. Л. 2.

¹¹ *Шестаков М. А.* Указ. соч. С. 192–195.

Заключение

Российская эмиграция в Северо-Восточном Китае явила исторический пример массового переселения достаточно большой группы людей на территорию другого государства и их адаптации в иных географических, политических, экономических, культурных, национальных условиях. Исторически сложившаяся, в силу ряда причин (нелегальная золотодобыча русских старателей в Барге, самовольные переходы забайкальскими казаками русско-китайской границы и основание ими поселений в междуречье Аргуни и Амура, наконец, постройка и эксплуатация КВЖД как совместного российско-китайского предприятия) задолго до революционных событий, русская диаспора Маньчжурии увеличилась во много раз за счёт массовой эмиграции после революционных событий в России и разгрома белых армий в Гражданской войне. Сложившаяся раньше диаспора во многом помогла новым переселенцам, благодаря налаженным культурным, хозяйственно-экономическим и политическим связям, тем самым облегчила участь оказавшихся в инокультурной, инополитической, иноязычной, инонациональной среде представителей постреволюционной эмиграции в этом регионе расселения, оказала положительное влияние на процесс адаптации эмигрантов.

Состав российской эмиграции в Маньчжурии был неоднородным: крестьяне, дворяне, духовенство, офицерство, интеллигенция, разночинцы и, конечно же, казаки. Но и казачество, будучи неотъемлемой частью русской диаспоры, было неоднородным и по социальному составу, и по этно-конфессиональной принадлежности, и по принадлежности к казачьим войскам. Но при всём многообразии зарубежного казачества, оно имело черты, определившие специфику этой группы эмигрантов и позволившие ей не только сохраниться, но и оказать определённое влияние на жизнь всей русской диаспоры Северо-Восточного Китая в 1920–1945 гг. Основу специфики казачьей эмиграции в Китае составили станичные и войсковые традиции управления общественной жизнью и традиционная казачья культура. Эти традиции помогли казакам консолидироваться на разных уровнях и с минимальными потерями пройти адаптационный период в эмиграции. И действительно, казакам, большинство из которых были

сибиряками, и ушло в эмиграцию с семьями, было гораздо проще обустроить своё хозяйство, чем, например, белому офицерству или интеллигенции. Более того, объединяясь по земляческо-войсковому принципу, казаки сообща могли более успешно решать проблемы хозяйственно-экономического, политического или культурного плана.

Казаки, в большинстве своём, опираясь на казачьи традиции станичного и войскового управления, с одной стороны, и на вековые казачьи сельскохозяйственные и коммерческие традиции – с другой, более или менее успешно адаптировались в суровых условиях китайской действительности и создали свою экономическую инфраструктуру. Специфика казачьей общественной жизни позволила им более тесно консолидироваться, что защищало их от ассимиляции, и позволяло более результативно своими семьями заниматься хозяйственно-экономической деятельностью. Обустроив своё сельское хозяйство, многие казаки со временем переходили к товарному производству сельскохозяйственной продукции. Это давало возможность более широко заниматься торговлей и организовывать промышленное производство. Казачья экономическая инфраструктура, во-первых, была ориентирована на удовлетворение нужд эмигрантского населения (переработка местного сырья и обеспечение эмигрантского населения необходимой продукцией), а во-вторых, играла заметную роль в целом ряде отраслей эмигрантской (да и китайской) экономики.

В целом можно сделать вывод, что развитие казачьих хозяйств, их сельская кооперация, становление местной перерабатывающей промышленности и торговли, улучшали благосостояние казаков и служили стабильному развитию всей эмигрантской экономики. Причём в некоторых отраслях хозяйствования в ряде регионов казаки вышли на доминирующие позиции.

Объясняется достаточно слабое распространение среди казаков этой группы идеи о «самостийности» казачества и о необходимости создания независимого казачьего государства. Распространение подобной идеи было более характерно для казачества западной ветви эмиграции, большинство представителей которого были выходцами из казачьих войск, которые возникли как «вольные» (Войско Донское и др.).

Во многом процесс эмигрантско-казачьей консолидации шёл под влиянием и контролем японских оккупационных властей, которые выбрали казаков, как одну из серьёзных сил в предстоя-

щей борьбе с СССР. Однако и этот процесс был неоднозначным. Казаки ещё до периода японской оккупации Маньчжурии во многом смогли консолидироваться. Казачьи союзы возникли задолго до японской оккупации и уже тогда играли важную роль в политической жизни всей русской эмиграции региона. Действия японцев усилили централизацию как казачества, так и всей русской диаспоры. Часть эмигрантов поддерживала японцев, так как они «боролись с большевизмом» и давали шанс вернуться на Родину в случае удачного завершения военной компании против СССР. Однако не все эмигранты смешивали свою антибольшевистскую настроенность с необходимостью воевать на стороне японской армии.

Политическая (в том числе – военно-политическая) деятельность казачьей эмиграции в Маньчжурии протекала в рамках двух периодов: 1920–1931 гг. – до японской оккупации, и 1932–1945 гг. – в условиях японской оккупации Северо-Восточного Китая.

С приходом японцев начался новый период в политической и военно-политической жизни российской эмиграции в Маньчжурии. Японская военная миссия рассматривала эмигрантов, с одной стороны, как угрозу своему тылу, а с другой – как активный резерв своей военной политики по отношению к СССР. С одной стороны, японцами были установлены условия тотального контроля над жизнью русской эмиграции, а с другой – развёрнута активная работа по её политической консолидации (на базе антибольшевизма) и использованию в разведывательно-диверсионных и военных целях.

В плане хозяйственно-экономической адаптации казаки, благодаря своей «близости к земле», оказались в более выгодных условиях, чем интеллигенция, офицерство, духовенство и др. Также этому способствовала «семейственность» казаков. Ведь многие из них (особенно забайкальские казаки) эмигрировали с семьями и именно крепкая, многодетная семья стала социально-экономической основой выживания в экстремальных условиях.

В политической жизни русской эмиграции в Маньчжурии казачество во многом играло определяющую роль. В отличие от западной ветви русской эмиграции, здесь казаки смогли объединить практически все антибольшевистские силы. Они стали организаторами активной политической жизни всех групп русской эмиграции.

Достаточно заметную роль играли казаки и в культурной жизни русской диаспоры. Во многом этому способствовали: наличие сильной традиционной народной культуры, заинтересованность в светской общественной культуре образованных представителей казачества, а также традиции войскового и станичного регулирования культурной жизни.

В целом можно сделать вывод, что казачья эмиграция играла достаточно важную роль в социально-экономической, политической и культурной жизни русской диаспоры Северо-Восточного Китая. Казаки-эмигранты, благодаря своим социально-культурным традициям во многом заложили и развили основы выживания всей русской общины Маньчжурии. Сохраняя национальную культуру, развивая разные отрасли хозяйства, они со временем стали играть и важную политическую роль в жизни русского зарубежья.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПО КУРСУ

1. Изучение истории российской эмиграции в 1990–2000-е гг.
2. Основные направления в современной историографии истории российской эмиграции.
3. Особенности формирования основных центров российской эмиграции.
4. Российская дальневосточная эмиграция: основные центры, численность, динамика, адаптация.
5. Основные черты социально-экономической жизни казачества в эмиграции.
6. Казачество в политической жизни дальневосточной российской эмиграции: масштаб и особенности.
7. Организации казачества в эмиграции.
8. Культура казачества в эмиграции: особенности и роль.
9. Казачьи «вожди» в эмиграции.
10. Судьбы и значение российской дальневосточной эмиграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

Архивные источники и сборники документов

Архив РУ ФСБ России по Забайкальскому краю. Ф. «Бюро по делам русских эмигрантов в Харбине»; Ф. «Российская эмиграция в Китае (1920–1945 гг.)». Д. 60–67, 69.

ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Р.Ф. 830. «Главное Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии». Оп. 1. Д. 1, 2, 4, 5, 7, 8–17, 19, 23, 24, 26, 29–31, 38, 40–44, 47–50, 52, 53, 57–60, 62, 64, 73, 115, 121, 145, 189, 216, 218, 285; Ф. 1234. Оп. 11. Д. 12, 15, 26, 89, 121, 137, 138, 139, 156, 188, 195; Ф. 1228. Оп. 1. Д. 86, 98, 123, 135.

РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 323. Оп. 4. Д. 5. Л. 1–2; Ф. 796. Оп. 179. Д. 1277. Л. 1.

Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916. М., 2004.

Эмигрантские периодические издания

Газеты

Возрождение Азии. (Тяньцзинь). – 1938.

Вперед. (Харбин). – 1921.

Дальневосточный казак. (Харбин). – 1938.

Заря. (Харбин). – 1920.

Новый путь. (Шанхай). – 1932.

Журналы

Атаманский клич. – Харбин, 1938; 1939.

Дальневосточный казак. – Харбин, 1934.

Зов казака. – Харбин, 1934; 1938.

Казачий клич. – Харбин, 1938, 1939, 1940, 1941.

Казачий набат. – Харбин, 1939.

Казачий призыв. – Харбин, 1939.

Казачий путь. – Харбин, 1940.

Вестники

Вестник казачьей выставки в Харбине 1943 г. : сб. ст. о казаках и казачестве / под ред. Е. П. Березовского. – Харбин : Изд-во Представительства Союза казаков в Восточной Азии, 1943. –204 с.

Вестник Маньчжурии. – Харбин, 1925–1928; 1934.

Вестник рабочего, крестьянина, казака. – Харбин, 1928; 1931.

Мемуары

Арнольдов Л. В. Китай, как он есть / Л. В. Арнольдов. – Шанхай, 1933. – 371 с.

Акулинин И. Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками / И. Г. Акулинин. – Шанхай, 1937. – 135 с.

Дземешкевич Л. К. Харбинские были / Л. К. Дземешкевич. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 1999. – 284 с.

Дземешкевич Л. К. Харбин / Л. К. Дземешкевич. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 1998. – 230 с.

Енборисов Г. В. От Урала до Харбина / Г. В. Енборисов. – Шанхай, 1932. – 155 с.

Зуев А. В. В борьбе за Родину / А. В. Зуев. – Харбин, 1937. – 132 с.

Казаков В. Г. Немые свидетели / В. Г. Казаков. – Шанхай, 1936. – 120 с.

Китай и русская эмиграция в дневниках И. И. и А. Н. Серебренниковых. В 5 т. Т. 1. «Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» (1919–1934). – М. : РОССПЭН, 2006. – 446 с.

Краснов П. Н. На рубеже Китая / П. Н. Краснов. – Париж, 1939. – 125 с.

Кайгородов А. М. Он был забайкальский казак / А. М. Кайгородов // Сиб. огни. – 1994. – № 2–6.

Лавров И. А. В стране экспериментов / И. А. Лавров. – Харбин, 1934. – 383 с.

Руднев С. П. При вечерних огнях: Воспоминания / С. П. Руднев. – Харбин, 1928. – 89 с.

Семёнов Г. М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы / Г. М. Семёнов. – Харбин, 1938. – 384 с.

Серебренников И. И. Великий отход: Рассеяние по Азии белых русских армий. 1919–1923 / И. И. Серебренников. – Харбин, 1936. – 267 с.

Сергеев Вс. И. Очерки по истории белого движения на Дальнем Востоке / Вс. И. Сергеев. – Харбин, 1937. – 235 с.

Письма

Письмо К. В. Родзаевского И. В. Сталину // Отечественная история. – 1992. – № 3. – С. 97.

Художественные произведения эмигрантов

Байков Н. А. В делях Маньчжурии: очерки и рассказы из быта обитателей тайги / Н. А. Байков. – Харбин : Офсет-пресс, 1934. – 225 с.

Березовский Б. Приключения Мухтарки / Б. Березовский. – Харбин : Рус. дело, 1920.

Логинов В. С. Харбин в стихах: Бытовые картинки / В. С. Логинов. – Харбин, 1932.

Волгин П. Русский полк / П. Волгин. – Харбин, 1932.

Борисов М. И. Из сибирских былей / М. И. Борисов. – Харбин, 1921.

Волков Н. И. Солнце восходит на востоке : в 2 т. / Н. И. Волков. – Харбин, 1929–1930.

Волкова М. В. Песни Родине / М. В. Волкова ; предисл. П. Н. Краснова. – Харбин : Войск. представительство Сиб. казачьего войска, 1936. – 102 с.

Гусев-Оренбургский С. И. В красной Москве: Пьеса в 4 действиях / С. И. Гусев-Оренбургский. – Харбин, 1922.

Колосова М. И. Господи, спаси Россию!: Вторая книга стихов / М. И. Колосова. – Харбин, 1932.

Ачаир А. Лаконизмы / А. Ачаир // Стихи. – 1937. – 32 с.

II. Литература

Исследования

Аблова Н. Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае / Н. Е. Аблова. – Минск : БГУ, 1999. – 316 с.

Антропов О. К. Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.) : монография / О. К. Антропов. – Астрахань : ИД «Астрахан. ун-т», 2008. – 326 с.

Антропов О. К. Третий путь для России. Пореволюционные организации и движения российской эмиграции 1920–1930-х гг. : монография / О. К. Антропов. – Астрахань : ИД «Астрахан. ун-т», 2011. – 625 с.

Антропов О. К. История отечественной эмиграции : учеб. пособие / О. К. Антропов. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Астрахань : Изд-во Астрахан. пед. ун-та, 2011. – 409 с.

Аурилене Е. Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.) : монография / Е. Е. Аурилене. – 2-е изд., доп. – Хабаровск : Издат дом «Частная коллекция», 2008. – 268 с.

Барихновский Г. В. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.) / Г. В. Барихновский. – Л., 1978. – 160 с.

Балакшин П. П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на дальнем Востоке : в 2 ч. / П. П. Балакшин. – Сан-Франциско, 1955–1957. – Ч. 1. – 430 с.; Ч. 2. – 374 с.

Белов В. Белое похмелье / В. Белов. – М. ; Пг., 1923. – 149 с.

Бобрищев-Пушкин А. Война без перчаток / А. Бобрищев-Пушкин. – М., 1925. – 127 с.

Великая Маньчжурская империя. – Харбин, 1942. – 417 с.

Великая эпоха. – Харбин, 1942.

Голинков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР / Д. Л. Голинков. – М. : Полит. лит., 1986. – 397 с.

Говердовская Л. Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. / Л. Ф. Говердовская. – М. : Ин-т Дальнего Востока, 2004. – 189 с.

Захарова Г. Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932–1945 / Г. Ф. Захарова. – М. : Гл. ред. вост. лит. Изд-ва «Наука», 1990. – 266 с.

Иванов Вс. Н. Дело человека: опыт философии и культуры / Вс. Н. Иванов. – Харбин, 1933. – 153 с.

Иванов Вс. Н. Огни в тумане. Дума о русском опыте / Вс. Н. Иванов. – Харбин, 1932.

Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции / Г. З. Иоффе. – М. : Наука, 1977. – 320 с.

Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. : сб. ст. / под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле – М., 1997.

История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 2. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1989. – 452 с.

Кара-Мурза Г. С. Исторический очерк Маньчжурии / Г. С. Кара-Мурза. – Чита, 1945.

Квакин А. В. Общее и особенное в положении Российской диаспоры первой волны / А. В. Квакин. – Тверь, 1992. – 47 с.

Киржниц А. У порога Китая / А. Киржниц. – М., 1924. – 70 с.

Кичкасов Н. Белогвардейский террор против СССР / Н. Кичкасов. – М., 1928. – 40 с.

Кислицын В. А. В огне гражданкой войны / В. Кислицын. – Харбин, 1936. – 113 с.

Кислицын В. А. Пантеон воинской доблести и чести / В. А. Кислицын. – Харбин, 1941. – 488 с.

Кислицын В. А. Пути русской молодежи / В. А. Кислицын. – Харбин, 1944. – 248 с.

Комин В. В. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом / В. В. Комин. – Калинин, 1977. – 121 с.

Костиков В. Не будем проклинать изгнание... (Пути и судьбы русской эмиграции) / В. Костиков. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 464 с.

Кузнецова Т. В. Деятели русского книжного дела в Китае в 1917–1949 гг. : биограф. слов. / Т. В. Кузнецова ; Дальневост. гос. науч. б-ка. – Хабаровск, 1998. – 67 с.

Левитский В. В. Пристань на Сунгари / В. В. Левитский. – Харьков, 1998. – 172 с.

Лунченков И. За чужие грехи / И. Лунченков. – М. ; Л., 1925. – 196 с.

- Любимов Л. И. Очерки по экономике Маньчжурии / Л. И. Любимов. – Харбин, 1934. – 208 с.
- Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая / Г. В. Мелихов. – М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1991. – 317 с.
- Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.) / Г. В. Мелихов. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 1997. – 245 с.
- Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х / Г. В. Мелихов – М. : Рус. путь, 2003. – 440 с.
- Мелихов Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке 1925–1932 / Г. В. Мелихов. – М. : Рус. путь, Викмо-М, 2007. – 320 с.
- Мясников В. С. Империя Цин и русское государство в XVII в / В. С. Мясников. – М. : Наука, 1980. – 516 с.
- Мухачев Ю. В. «Новая тактика» российской контрреволюции и её провал. 1920–1922 гг. / Ю. В. Мухачев // Исторические записки. – М., 1977. – С. 55–57.
- Назаров М. Н. Миссия русской эмиграции / М. Н. Назаров. – М. : Родник, 1994. – 416 с.
- Новейшая история Китая. 1928–1949. – М., 1984. – 440 с.
- Печерица В. Ф. Восточная ветвь русской эмиграции : монография / В. Ф. Печерица. – Владивосток, 1994. – 186 с.
- Раев М. Россия за рубежом / М. Раев. – М. : Прогресс-академия, 1994. – 296 с.
- Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А. В. Лукина. – М. : Весь Мир, 2013. – 701 с.
- Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.) / М. И. Сладковский. – М. : Наука, 1974. – 302 с.
- Сонин В. В. Крах белой эмиграции в Китае / В. В. Сонин. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1987.
- Стефан Дж. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945 гг. / Дж. Стефан. – М. : Слово, 1992. – 448 с.
- Суомела Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. / Ю. Суомела ; пер. с фин. яз. Л. В. Суни. – СПб. : Коло, 2004. – 352 с.
- Таскина Е. П. Русский Харбин / Е. П. Таскина. – М. : МГУ, 1998. – 192 с.
- Тимонин Е. И. Исторические судьбы русской эмиграции (1920–1945 гг.) / Е. И. Тимонин. – Омск, 2000. – 291 с.
- Тимонин Е. И. Национальная культура русского зарубежья (1920–1930-е гг.) : монография / Е. И. Тимонин. – Омск : Изд-во СибАДИ : Изд-во ОмГПУ, 1997.

Устрялов Н. В. На новом этапе / Н. В. Устрялов. – Шанхай, 1930.

Худобородов А. Л. Вдали от Родины: российские казаки в эмиграции / А. Л. Худобородов. – Челябинск : Челяб. гос. пед. ун-т, Ин-т гуманитар. исслед., 1997. – 112 с.

Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции / Л. К. Шкаренков. – М. : Мысль, 1987. – 272 с.

Статьи

Белоусов С. Дважды перевербован / С. Белоусов // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – № 5. – С. 136–138.

Водопьянов А. Дальневосточная эмиграция. БРЭМ / А. Водопьянов // Русские в Китае. – 1999. – № 16. – С. 14–15.

Дубинина Н. И. Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции / Н. И. Дубинина, Ю. Н. Ципкин // Белая армия. Белое дело. – 1996. – № 1. – С. 78–80.

Дятлов В. Диаспоры: попытка определиться в понятиях / В. Дятлов // Диаспоры. – 1999. – № 1. – С. 8–23.

Ермакова Э. В. Дальневосточная эмиграция в исторической литературе: постановка проблемы / Э. В. Ермакова // Тез. Междунар. конф. «Гражданская война на Дальнем Востоке: итоги и уроки». – Владивосток, 1992. – С. 68–70.

Кротова М. Торгово-промышленная жизнь Харбина в 1906–1914 гг. / М. Кротова // Проблемы Дальнего Востока. – 1995. – № 1. – С. 125–130.

Лазарева С. И. Российские женщины в Манчжурии / С. И. Лазарева // Россия и АТР. – 1995. – № 3. – С. 28.

Малявина Л. С. Харбинский комитет помощи русским беженцам: возникновение, деятельность, место среди эмигрантских центров Северо-Восточного Китая / Л. С. Малявина // Тез. Междунар. конф. «Миграционные процессы в Восточной Азии». – Владивосток, 1994. – С. 44–46.

Матафонов В. А. Предпосылки образования ЗКВ / В. А. Матафонов // Материалы регион. науч.-практ. конф. «Забайкальское казачество: история, традиции, перспективы развития». – Чита, 2000. – С. 62–63.

Мелихов Г. В. Российская диаспора и западная цивилизация в Китае / Г. В. Мелихов // Тез. 4-й Междунар. науч.-практ. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир». – М., 1993. – Ч. 2. – С. 44–47.

Мухачев Ю. В. Российская эмиграция: численность, расселение / Ю. В. Мухачев // Русское зарубежье: история и современность : сб. ст. РАН ИНИОН. Центр компл. исслед. рос. эмиграции. – М. – 2013. – Вып.2. – С. 245–252.

Наумов И. В. Гражданская война на Дальнем Востоке в исторической литературе российской эмиграции / И. В. Наумов // Тез. Междунар. конф. «Гражданская война на Дальнем Востоке: итоги и уроки». – Владивосток, 1992. – С. 56–60.

Пронин А. Война с Желтороссией / А. Пронин // Коммерсант – Власть. – 2000. – 7 нояб.

Сергеев О. И. Роль российской эмиграции в хозяйственном освоении Барги (район Северо-Восточного Китая) / О. И. Сергеев // Тез. докл. и сообщений Междунар. науч.-практ. конф. «Исторический опыт освоения восточных районов России». – Владивосток, 1993. – Кн. 2. – С. 201–204.

Сергеев О. И. Казачья эмиграция в Китае / О. И. Сергеев // Тез. Междунар. конф. «Гражданская война на Дальнем Востоке России: итоги и уроки». – Владивосток, 1992. – С. 78–80.

Серебренников И. И. Очерки экономической географии Китая / И. И. Серебренников // Вестн. Азии. – 1925. – № 53. – С. 5–7.

Фомин В. Н. Белая армия на Дальнем Востоке и в Китае в 1921–1922 гг.: дислокация, численный и командный состав / В. Н. Фомин, К. В. Фомин // Белая армия. Белое дело. – 1997. – № 2. – С. 35–41.

Фомин В. Н. Культурная жизнь русской эмиграции в Китае / В. Н. Фомин // Тез. Междунар. конф. «Миграционные процессы в Восточной Азии». – Владивосток, 1994. – С. 35–38.

Чапыгин И. В. Забайкальское казачество в эмиграции на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в 1920–1930-е гг. / И. В. Чапыгин // Наука и школа. – 2013. – № 4. – С. 175.

Чапыгин И. В. Казачья эмиграция на территории Маньчжурии (1920–1945 гг.) / И. В. Чапыгин // История Белой Сибири : материалы VII Междунар. науч. конф. : сб. ст. / под ред. С. П. Звягина. – Кемерово : ИНТ, 2009. – С. 275–281.

Чернолуцкая Е. Н. Антисоветская деятельность русских военно-политических эмигрантских объединений в Манчжурии и политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 30-е гг. / Е. Н. Чернолуцкая // Тез. Междунар. конф. «Миграционные процессы в Восточной Азии». – Владивосток, 1994. – С. 32–35.

Диссертации

Аурелине Е. Е. Российская эмиграция в Манчжурии в 30–40-е гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук / Е. Е. Аурелине. – Владивосток, 1996. – 208 с.

Бегидов А. М. Военное образование зарубежной России, 1920–1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук / А. М. Бегидов. – М., 2001. – 508 с.

Ершов В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1920–1945 гг.: (Организация, идеология, экстремизм) : дис. ... д-ра ист. наук / В. Ф. Ершов. – М., 2000. – 486 с.

Мальшенко Г. И. Идеино-политическая борьба в среде казачества российской эмиграции в Северо-Восточном Китае, 1920–1937 : дис. ... канд. ист. наук / Г. И. Мальшенко. – Омск, 2001. – 164 с.

Писаревская Я. Л. Российская эмиграция Северо-Восточного Китая, сер. 1920-х – сер. 1930-х гг. (Социально-политический состав, быт, реэмиграция) : дис. ... канд. ист. наук / Я. Л. Писаревская. – М., 2001. – 241 с.

Пронин А. А. Российская эмиграция в современной историографии : дис. канд. ист. наук / А. А. Пронин. – Екатеринбург, 2001. – 284 с.

Ратушняк О. В. Донское и кубанское казачество в эмиграции, 1920–1939 : дис. ... канд. ист. наук / О. В. Ратушняк. – Краснодар, 1996. – 186 с.

У Нань Линь. Русская диаспора в Китае 20–30-х гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук / У Нань Линь. – М., 2001. – 260 с.

Худобородов А. Л. Российское казачество в эмиграции, 1920–1945 гг.: Социальные, военно-политические и культурные проблемы : дис. ... д-ра ист. наук / А. Л. Худобородов. – М., 1997. – 433 с.

Чапыгин И. В. Казачья эмиграция в русской диаспоре Северо-Восточного Китая (1920–1945 гг.) : дис. ... канд. ист. наук / И. В. Чапыгин. – Иркутск, 2006. – 187 с.

Чиченюкин В. Г. Русские эмигрантские воинские организации, 1920–1940 гг. : дис. ... канд. ист. наук / В. Г. Чиченюкин. – М., 2000. – 218 с.

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

Чапыгин Игорь Викторович

**КАЗАЧЬЯ ЭМИГРАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ
(1920-1945 гг.)**

ISBN 978-5-9624-0957-3

Редактор *Э. А. Невзорова*
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Подписано в печать 17.12.2013. Формат 60×90 1/6
Уч.-изд. 6,9. Усл.-печ. л. 8,2. Тираж 100 экз. Заказ 223

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36